



Библиотека историка

*И. М. КРИВОГУЗ*

Рабочий  
социалистический  
интернационал

*/1923-1940/*



Библиотека историка

# Рабочий социалистический интернационал */1923-1940/*

Углубление раскола  
международного рабочего движения  
оппортунистами  
и консолидация их сил



РСИ и интересы  
рабочего класса



Несостоятельность  
антивоенной политики РСИ



Крушение антифашистской  
стратегии РСИ



Антикоммунизм  
и банкротство РСИ



Разложение  
и постыдный конец РСИ



*И. М. КРИВОГУЗ*

Рабочий  
социалистический  
интернационал  
*/1923-1940/*



**ББК 66.62**  
**К 82**

Рецензенты:  
кафедра всеобщей истории  
Ленинградского педагогического  
института им. А. И. Герцена;  
доктор исторических наук  
*М. Т. Мещеряков*

Рекомендовано к изданию  
Министерством высшего и среднего  
специального образования СССР

Глава IV книги написана  
в соавторстве с *В. А. Леванковым*

**Кривогуз И. М.**

**К 82** Рабочий социалистический интернационал (1923—1940): Учебное пособие для вузов. — М.: Высш. школа, 1979. — 207 с. (Библиотека историка).

45 к.

Книга посвящена истории возникновения и деятельности Рабочего социалистического интернационала в 1923—1940 гг., раскрытию причин его кризиса и идейно-политического банкротства.

Во введении дается обзор советской и зарубежной литературы. В заключении оценивается место РСИ в истории международного рабочего движения.

**К** 10303—480  
001(01)—79 3—79.

0302030102

**ББК 66.62**  
**ЗКИ1**

## ВВЕДЕНИЕ

В борьбе марксистско-ленинских партий за единство действий рабочих организаций и сплочение всех прогрессивных сил, выступающих против империализма, важное место принадлежит критике социал-реформизма, в том числе социал-реформистских концепций истории международного рабочего движения.

Современные социал-реформисты стремятся поставить себе на службу историю международного рабочего движения, пытаются представить социал-реформизм основным, магистральным направлением его развития. Они утверждают, что истоки современного социал-реформизма восходят к Союзу коммунистов и I Интернационалу и объявляют современный Социнтерн единственным преемником как Рабочего социалистического интернационала (РСИ), так и Союза коммунистов, I и II Интернационалов<sup>1</sup>. Социал-реформисты всячески принижают и очерняют революционное направление в международном рабочем движении, особенно деятельность Коминтерна и современный этап развития коммунистического движения.

Одной из важных задач советской историографии является правильная, марксистско-ленинская оценка истории международного рабочего движения, его исторического опыта. В этом плане представляет интерес всестороннее исследование РСИ, который с 1923 г. объединял социал-реформистские партии. История РСИ изучена еще далеко недостаточно. Если исключить апологетические работы социал-реформистов, то специально о нем написано очень мало<sup>2</sup>. Публицистические тру-

---

<sup>1</sup> См.: *Braunthal J.* History of the International. New York, 1967—1970, vol. I, II, III; *The Socialist International. A short history.* London, 1969; *Czernetz K.* Die Sozialistische Internationale. Idee und Wirklichkeit. Wien, 1972; *Günsche K.-L., Lantermann K.* Kleine Geschichte der Sozialistischen Internationale. Bonn — Bad-Godesberg, 1977, и т. д.

<sup>2</sup> В немарксистской литературе о РСИ особое место принадлежит книге, характеризующей документы его конгрессов (см.: *Sokolova M.* Les Congres de l'Internationale Socialiste entre les deux guerres mondiales. Paris, 1953).

ды второй половины 20-х — начала 30-х годов отличаются пафосом критики социал-реформизма, но им присущи ошибочные оценки социал-демократии как социал-фашизма и связанные с этим другие недочеты<sup>1</sup>, не вполне изжитые и в некоторых современных публикациях.

В послевоенные годы в СССР, ГДР и Польше издан ряд трудов о создании РСИ и различных аспектах его деятельности<sup>2</sup>. Немало внимания РСИ и его партиям стало уделяться в книгах и статьях, посвященных истории международного рабочего движения, Коминтерну, отдельным компартиям, рабочему движению различных стран, особенно Франции, Испании, Германии<sup>3</sup>. Однако до сих пор в нашей, да и в зарубежной марксистско-ленинской литературе нет специальной работы, освещающей историю РСИ и дающей о ней цельное представление.

---

<sup>1</sup> См.: *Варга Е.* Социал-демократические партии. Их роль в современном рабочем движении. М.—Л., 1927; *Гюнтер Х.* Международный меньшевизм. Очерки структуры и идеологии современной социал-демократии. М., 1930; *Ленц И.* История II Интернационала. М., 1931, и др.

<sup>2</sup> См.: *Черняк Е. Б.* Социалистический интернационал и борьба против войны (1924—1939). — Вопросы истории, 1966, № 2; *Салычев С. С.* Прошлое и настоящее социал-демократии. М., 1968; *Леванков В. А.* Рабочий социалистический интернационал и приход фашистов к власти в Германии (январь 1933 г. — август 1933 г.). — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1971, т. 470; *Ивашин Э. И.* Рабочий социалистический интернационал и проблемы единства действий рабочих организаций. — Вопросы истории международного рабочего движения. Вып. 12. Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1975, № 344; *Dankelmann O.* Zur Politik der sozialistische Arbeiter-Internationale und der Britischen Labour Party 1939/40. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, XXIV, 1976, Н. 9; *Kirchheisen P.* Zwischen Landesverteidigung und Pazifismus. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität von Halle, 1976, XXV, Н. 5; *Tomicki J.* Dzieje II Międzynarodówki 1914—1923. Warszawa, 1975, и т. д.

<sup>3</sup> См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969; *Кривогуз И. М., Молчанов Ю. Л.* Ленин и борьба за единство рабочего движения. Л., 1969; Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата. М., 1978; *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939 гг. М., 1966; *Чернышова О. В.* Рабочее движение в Швеции. 1929—1939. М., 1971; *Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973; *Неймарк М. А.* Бельгийская социалистическая партия: идеология и политика. М., 1976; *Кульбакин В. Д.* Германская социал-демократия. 1924—1932 гг. М., 1978, и многие другие.

Предлагаемая книга представляет попытку в какой-то мере ликвидировать этот пробел. В ее основу положено марксистско-ленинское учение о классовой борьбе и пролетарском интернационализме, о рабочем движении и оппортунизме, развитое в трудах В. И. Ленина, а также в документах КПСС и международного коммунистического движения. Книга написана на основе изучения документов коммунистического и социал-демократического движения, Коминтерна и РСИ (протоколов конгрессов, конференций), различных рабочих партий. Используются коммунистическая и социал-реформистская пресса 20—30-х годов, советская и зарубежная марксистская, а также социал-реформистская литература о международном рабочем движении, о рабочих партиях отдельных стран и т. д.

Конечно, комплексное освещение роли и развития РСИ и неизбежно связанная с этим разработка марксистско-ленинской концепции его истории не могут быть осуществлены сразу. Такой сложный вопрос требует совместных усилий многих исследователей. В данном случае задача сводилась к изучению деятельности интернациональных органов РСИ и характеристике общего направления развития социал-демократии. История социал-демократических партий — секций РСИ и других социал-реформистских организаций (МФП, СИМ и прочих) в работе не освещается. Решение поставленной задачи может способствовать выработке марксистско-ленинской концепции истории РСИ, критике социал-реформистских оценок его роли, может помочь всем изучающим международное рабочее движение яснее представить его оппортунистическое направление второй половины 20-х — 30-х годов, исторические корни современного Социнтерна. Это имеет не только научное, но и идейно-политическое значение.

## ГЛАВА I. РАСКОЛ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ОПОРТУНИСТАМИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАБОЧЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Исторические условия и предпосылки возникновения Рабочего социалистического интернационала были сложными. Он был создан в 1923 г., когда в основном закончился мощный подъем мирового революционного движения, непосредственно связанный с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Предпосылками его образования явились крушение II Интернационала (1889—1914) и раскол оппортунистами международного рабочего движения, выработка идейно-политической платформы социал-реформизма в условиях первого этапа мирового революционного процесса и консолидация на ее основе оппортунистического направления в международном рабочем движении, наконец, временное поражение революционного авангарда пролетариата капиталистических стран.

### Исторические условия возникновения РСИ

Великая Октябрьская социалистическая революция — крупнейшее событие XX века — положила начало мировому революционному процессу — всемирной социалистической революции. Отстоявшие свое существование в ожесточенной борьбе советские республики в конце 1922 г. объединились в Союз Советских Социалистических Республик; уже весной 1923 г. стали заметными первые плоды ленинской новой экономической политики. «Первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны — налицо»<sup>1</sup>, — констатировал в апреле XII съезд РКП(б).

Советское государство шло социалистическим курсом во враждебном капиталистическом окружении. Оно, как отмечал IV конгресс Коммунистического Интернационала, уже осенью 1922 г. «блестяще доказало

---

<sup>1</sup> Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1923, с. 617.

свою жизнеспособность»<sup>1</sup>. «Вся деятельность Советской России, ее борьба за свое существование и за достижения революции, — говорилось в резолюции этого конгресса, — есть борьба за освобождение пролетариев, угнетенных и эксплуатируемых всего мира от цепей рабства»<sup>2</sup>.

Численность и роль рабочего класса во всем мире к 1923 г., несмотря на тяжелые потери в мировой войне, были выше, чем когда-либо прежде. Количество рабочих превысило 110 млн. человек, увеличившись, таким образом, по сравнению с 1914 г. почти на 60%. Значительно возросли организованность и сознательность пролетариата. Об этом свидетельствовали увеличение числа членов профсоюзов до 44 млн. человек — почти в три раза по сравнению с 1914 г., а также рост количества членов всех рабочих партий с 4,2 млн. в 1914 г. до 8,5 млн. — в два с лишним раза<sup>3</sup>.

Но и теперь большая часть рабочих — свыше 60% — не состояла даже в профсоюзах, редко участвовала в пролетарских выступлениях, оставалась под непосредственным влиянием буржуазной политики и идеологии. Организованные рабочие — международное рабочее движение и пролетарские организации в капиталистических странах — были расколоты. При этом большая часть организованных рабочих — 6,5 млн. из 8,5 млн. членов рабочих партий и свыше 30 млн. из 44 млн. членов профсоюзов — находилась под влиянием оппортунистов. В капиталистическом мире компартии пользовались поддержкой большинства организованных рабочих только в Болгарии и Норвегии.

По существу, заново формировавшийся революционный авангард пролетариата зарубежных стран еще не обладал в то время необходимым опытом, не мог повести за собой большинство трудящихся. В капиталистических странах ему противостояла опытнейшая буржуазия, располагающая огромными средствами и государственной властью. Она применяла вооруженную силу, шла на частичные уступки, использовала нацио-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, с. 469.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См.: Sozialistische Internationale. Ihre Geschichte und Politik. Berlin, 1977, S. 24.

нализм и пацифизм, приспособлявала свои политические организации к изменившимся условиям. Революционный авангард пролетариата столкнулся также с социал-реформистами, которые пользовались поддержкой большинства организаций рабочего класса и призывали трудящихся удовлетворяться реформами, чтобы избежать жертв и разрушений гражданской войны.

Поэтому революционный авангард пролетариата в капиталистических странах не смог добиться решающих успехов, потерпел ряд неудач. Подъем мирового революционного движения, вылившийся непосредственно после Октября — в 1918—1920 гг. — в ряд социалистических и демократических революций, в массовые выступления трудящихся и угнетенных наций против империализма, с осени 1920 г. в целом пошел на спад.

В капиталистических странах буржуазия перешла в наступление и к 1923 г. смогла несколько укрепить свои позиции. Но она не могла вернуть капитализму всемирное господство и прежнюю устойчивость. Мировой революционный процесс, а также общий кризис капитализма продолжались. Об этом свидетельствовали успехи СССР. Да и в капиталистических странах оборонительная борьба пролетариата местами выливалась в контр-наступление, иногда приобретавшие серьезное значение. Весной 1923 г. стремительно росло рабочее движение в Германии, трудящиеся которой были возмущены массовой безработицей и неслыханной инфляцией — последствиями франко-бельгийской оккупации Рура и антинародной политики правящих кругов своей страны. В Германии назревал политический кризис. Усиливалось движение против фашистского террора в Италии. Массовые антиправительственные выступления проходили в Испании. Стачки и демонстрации устраивали трудящиеся Франции. Рабочие Англии протестовали против антисоветского курса правительства консерваторов. Назревал политический кризис в Болгарии и Польше. Обострилась классовая борьба в Латвии и Нидерландах. В Китае, Египте и ряде других арабских стран не прекращалось антиимпериалистическое движение. Трудящиеся были обеспокоены планами новой антисоветской интервенции, опасностью вооруженного столкновения Франции и Бельгии с Германией из-за репараций. Они требовали мирного разрешения международных конфликтов, сохранения мира.

Эти условия наложили свою печать на характер и платформу консолидации оппортунистического направления в международном рабочем движении, на возникновение и первые шаги РСИ.

### **Раскол оппортунистами международного рабочего движения**

Создание РСИ углубило и организационно закрепило раскол международного рабочего движения на революционное и оппортунистическое направления, который имел глубокие исторические корни. В истории международного рабочего движения, представляющей собой историю «...суровой борьбы и напряженных поисков путей к новому, социалистическому обществу...»<sup>1</sup>, реформизм еще до начала современной эпохи играл реакционную, в лучшем случае консервативную роль. Не в силах остановить развитие рабочего движения, он цеплялся за его пройденные этапы и устаревшие формы, тормозил продвижение вперед. Это направление в рабочем движении всегда было следствием и проявлением влияния буржуазии, ее экономики, политики и идеологии, а также социальной и идейно-политической незрелости части пролетариата.

Деятельность социал-реформистов привела к краху II Интернационала, что означало раскол в международном рабочем движении и внутри многих рабочих партий. Возглавляя крупнейшие социал-демократические партии — Германии, Англии, Франции, Австро-Венгрии, они с началом первой мировой войны отказались выполнять антивоенные резолюции Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала, требовавшие не только всемерно противодействовать развязыванию и добиваться прекращения войны, империалистический характер которой был выяснен задолго до ее начала, но и использовать вызванный войной кризис для ускорения свержения буржуазии. В противоположность этим требованиям социал-реформисты в противостоящих друг другу государствах объявили войну своей стране оборонительной, справедливой и призвали рабочих прекратить классовую борьбу, поддержать в этой войне правящие круги своих стран. Они стали на сторону империалисти-

<sup>1</sup> Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976, т. I, с. 31.

ческих правительств своих стран, содействовали вовлечению трудящихся в братоубийственную борьбу ради чуждых рабочему классу интересов, что привело к распаду Интернационала на враждующие партии. На сторону империалистических правительств своих стран перешли и социал-реформисты нейтральных государств, также призвавшие трудящихся к классовому миру и поддержке политики господствовавших классов.

Интернациональная солидарность и интернациональные связи были разорваны. Ни конгресс, ни даже Международное социалистическое бюро (МСБ) II Интернационала созвать оказалось невозможным. Начался распад Исполкома МСБ, который, по мнению многих социал-демократов, теперь представлял собой «не пункт сбора сил расколотого рабочего класса, а, наоборот, центр раскола пролетариата»<sup>1</sup>.

В. И. Ленин по свежим следам событий писал о «вопиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям»<sup>2</sup>, в чем всего рельефнее выразился крах II Интернационала. Долгое время социал-реформисты пытались отрицать как свою измену, так и вызванный ею распад II Интернационала, но теперь историки-социал-демократы признают, что «с 4 августа (1914 г. — Авт.) почти все социалистические партии в воюющих странах встали на защиту именно тех буржуазно-капиталистических государств, разрушение которых до этого было их целью», что «произошла драматическая замена идейных и политических ценностей в социалистическом движении противоположными, которая разрушила его единство...»<sup>3</sup>.

Причины этой давно назревавшей измены и превращения социал-реформизма в социал-шовинизм — социализм на словах, шовинизм на деле — заключались в возникшей еще в конце XIX в. связи определенных интересов рабочей аристократии и рабочей бюрократии, а также влившихся в рабочее движение мелкобуржуазных элементов с некоторыми интересами империалистических кругов своих стран в надежде выиграть от их победы.

---

<sup>1</sup> Pollak O. Das A-B-C der Internationale. Wien, 1927, S. 13.

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 262.

<sup>3</sup> Braunthal J. History of the Internationale (далее: Op. cit.). New York—Washington, 1967, vol. II. 1914—1943, p. 1, 2.

Социал-шовинизм противоречил коренным интересам рабочего класса, но социал-шовинистам удалось удержать под своим влиянием и повести за собой большинство организованных рабочих почти во всех странах, кроме России, Болгарии, Сербии, Италии. Для этого они использовали партийную прессу и собрания, аппарат и дисциплину рабочих партий. Противников социал-шовинизма травили и исключали из большинства рабочих партий. Косвенно, а иногда и прямо социал-шовинистам помогали полиция и военные власти, арестовывавшие и отправлявшие на фронт революционно настроенных рабочих. Дезориентируя массы и подавляя революционное направление, социал-шовинисты навязали большинству организованных рабочих почти всех стран свои взгляды и политический курс, в действительности чуждые интересам рабочего класса и других трудящихся.

Установление открытого господства оппортунистов в рабочих организациях большинства стран и проводимые ими репрессии против революционных социал-демократов исключили возможность развития революционного направления в рамках прежних общих рабочих партий. Подчинение оппортунистам или полный разрыв с ними, изгнание оппортунистов из рабочих партий или уход из них и организация других рабочих партий — такова была созданная социал-шовинистами дилемма, которую приходилось решать теперь революционным социал-демократам. Причем речь шла о перспективах развития направления, которое, хотя и являлось в то время меньшинством в рабочем движении большинства стран, было единственным, выразившим коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся.

Характеризуя последствия открытого перехода оппортунистов на сторону империалистов своих стран, В. И. Ленин весной 1916 г. указывал, что раскол социал-демократических партий «...является фактом. Сегодня мы фактически имеем кризис социалистических партий всего мира»<sup>1</sup>. Он подчеркивал, что именно «единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов»<sup>2</sup>. Поэтому независимо от того, кому — оппортунистам или револю-

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 376.

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 115.

ционными социал-демократам — принадлежала в том или ином случае инициатива разрыва и раскола рабочих партий, ответственность за исторический раскол рабочего движения, порожденный открытым переходом оппортунистов на сторону империализма, полностью лежит на последних. Эту ответственность оппортунистов, как и их ответственность за крах II Интернационала, несколько не умаляет то, что раскол рабочего движения назревал десятилетиями, имел объективные причины и был обусловлен воздействием империализма на рабочий класс и рабочее движение. Вина оппортунистов усугубляется тем, что они, заполучив во многих рабочих партиях поддержку большинства, спекулировали лозунгом сохранения и укрепления единства партии, используя его для подчинения революционного направления идеологии и политике, чуждой коренным интересам рабочего класса, социализму. Всю ответственность за раскол рабочих партий и рабочего движения они пытались переложить на революционных социал-демократов, принимавших вынужденные меры самообороны и защиты коренных интересов рабочего класса, называя их раскольниками, сектантами и т. п.

В. И. Ленину, большевикам, революционным социал-демократам других стран бесконечно дорого было интернациональное единство рабочего движения. «В Интернационале, — указывалось в тезисах, принятых германскими революционными социал-демократами — спартаковцами в январе 1916 г., — лежит центр тяжести классовой организации пролетариата»<sup>1</sup>. В. И. Ленин раньше других революционных социал-демократов понял глубину и выяснил необратимость краха II Интернационала. Тем решительнее он выступал за создание революционными социал-демократами нового Интернационала на базе развития марксизма в соответствии с изменившимися условиями и без оппортунистов. Но путь к такой более высокой ступени интернационального единства революционного авангарда пролетариата был сложным.

Учитывая настроения революционных социал-демократов многих стран, В. И. Ленин даже летом 1915 г. не исключал возможности восстановления II Интернацио-

---

<sup>1</sup> Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1958, Reihe 1, Band 1, S. 282.

нала и участия в нем большевиков с целью сплочения всех революционных сил. В 1915—1917 гг. большевики под руководством В. И. Ленина вместе с революционными социал-демократами многих стран участвовали в Циммервальдском объединении, где преобладали центристы — социал-пацифисты. В. И. Ленин использовал этот компромисс для революционизирования антивоенного движения и сплочения революционных сил. Когда Циммервальдское объединение по вине центристов оказалось несостоятельным перед лицом растущего революционного движения, В. И. Ленин весной 1917 г. сделал вывод, что дальнейшее пребывание в блоке с социал-пацифистами бесцельно и даже опасно, и решительно взял курс на непосредственную подготовку создания вместе с революционными социал-демократами всех стран нового, III Интернационала. Эти факты подтверждают, что не В. И. Ленин, не большевики и другие революционные социал-демократы, а именно и только оппортунисты несут всю ответственность за исторический раскол международного рабочего движения после начала первой мировой войны.

Деятельность социал-реформистов привела к дальнейшему расколу международного рабочего движения после Великой Октябрьской социалистической революции и окончания первой мировой войны, в годы мощного подъема мирового революционного движения. Расширение и углубление раскола стало следствием отношения социал-реформистов к первой в мире победоносной пролетарской революции и возникшему в результате нее социалистическому государству, к революционным выступлениям трудящихся капиталистических стран, к возрождению интернациональной солидарности и международных связей рабочего класса.

Возрождение II Интернационала путем объединения оппортунистического и революционного направлений и подчинения революционного меньшинства оппортунистическому большинству, к чему стремились социал-реформисты, было бы шагом назад в развитии международного рабочего движения, сковало бы революционные силы, помешало бы формированию их авангарда, противоречило бы объективным задачам рабочего класса в начатой Октябрем новой эпохе — перехода к социализму.

В феврале 1919 г. по инициативе социал-шовинистов — правых социал-демократов Антанты, добивав-

шихся гегемонии в международном рабочем движении, в Берне была созвана международная конференция, в которой участвовали представители социал-демократических партий 26 стран, а также конференция руководителей профсоюзов 16 стран<sup>1</sup>. На конференциях были представлены не только правые социал-демократы победивших в войне, побежденных и нейтральных государств, но и центристы этих стран, выступавшие за объединение всех течений путем взаимного всепрощения.

Но немедленно восстановить II Интернационал под руководством правых социал-демократов Антанты не удалось. Почти все организации революционных социал-демократов во имя коренных интересов рабочего класса отказались участвовать в этих конференциях. Центристы воспротивились требованию правых резко и безоговорочно осудить диктатуру пролетариата и политику большевиков. Учитывая рост сил революционного направления, они не желали немедленно восстанавливать II Интернационал без участия революционных социал-демократов, а также принимать резолюции, затрудняющие объединение с ними в будущем. Восстановление II Интернационала осложнялось также спорами между социал-шовинистами Антанты и Германии об ответственности за войну, разногласиями между конференцией социал-демократов и конференцией профсоюзов в оценке будущей Лиги наций по некоторым территориальным вопросам.

Бернской конференции удалось принять ряд социал-реформистских резолюций<sup>2</sup>, но в организационном отношении она ограничилась созданием Интернациональной комиссии, которой было поручено заниматься подготовкой восстановления II Интернационала. Состоявшийся в марте 1919 г. I, Учредительный конгресс III, Коммунистического Интернационала заявил, что Бернская конференция «была попыткой гальванизировать труп II Интернационала»<sup>3</sup>. В этом отношении конференция руководителей профсоюзов пошла несколько дальше: по ее решению в Амстердаме было создано Временное между-

---

<sup>1</sup> См.: *Renaudel P. L'Internationale á Bern. Faits et Documents.* Paris, 1919, p. 24—28; *Offizielles Bulletin der Internationalen Arbeiter und Sozialisten Konferenz.* Bern (1919).

<sup>2</sup> См.: *Die Resolutionen der Internationalen Arbeiter und Sozialisten Konferenz in Bern (3—10 Februar 1919).* Basel, 1919.

<sup>3</sup> В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 138.

народное бюро и в июле 1919 г. восстановлен распавшийся в 1914 г. международный профсоюзный центр — Международная федерация профсоюзов (МФП, или Амстердамский интернационал), объединившая 18 млн. членов профсоюзов 14 стран.

Интернациональная конференция социал-реформистов в Люцерне (в августе 1919 г.)<sup>1</sup> одобрила Временный устав («конституцию») II Интернационала, очень расплывчато, но безусловно по-социал-реформистски формулировавший его принципы, приняла еще ряд резолюций. Но на ней обнаружилось усиление разногласий между правыми и центристами в отношении послевоенной политики империалистических держав, условий прочного мира между народами, в оценке Советской России и в некоторых других вопросах. Это, а также уклонение некоторых возглавлявшихся центристами социал-демократических партий от участия в Люцернской конференции не позволяло спешить с воссозданием II Интернационала.

По инициативе правых было намечено утвердить устав и наконец восстановить II Интернационал на международном социал-демократическом конгрессе в феврале 1920 г., но позже по настоянию центристов созыв этого конгресса пришлось отложить до лета 1920 г. К тому времени рост революционного движения побудил ряд социал-демократических партий — Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ), СДП Швейцарии, социалистические партии Италии, Франции, Норвегии, Испании, США и Австрии — отказаться от участия в нем.

Все же правые лидеры социал-демократии, несмотря на отказ участвовать большинства центристов, в июле — августе провели в Женеве международный конгресс социал-реформистов, который формально восстановил II Интернационал и был объявлен его очередным, десятым конгрессом. Однако утвержденный им устав отличался от устава, принятого в 1907 г. Штутгартским конгрессом, своим ясно выраженным социал-реформистским характером. Ни революционные социал-демократы, создававшие компартии и вошедшие в Коминтерн, ни даже большинство социал-демократических партий, возглавлявшихся центристами, не участвовали в якобы вос-

---

<sup>1</sup> См.: The International at Lucerne. 1919. London, 1919.

становленной международной рабочей организации, так как она не была в действительности продолжением II Интернационала и его единственным преемником. Правые социал-демократы использовали привлекательное для многих рабочих название старого Интернационала, имевшего благодаря революционному направлению серьезные заслуги, для прикрытия своей предательской линии. Как и предвидел В. И. Ленин, прежний II Интернационал восстановить было невозможно.

Созданный правыми социал-демократами (Э. Вандервельде, А. Гендерсон, А. Тома, Я. Брантинг, П. Трульстра и др.) «II Интернационал» носил только старое название; по существу, это был новый оппортунистический центр в международном рабочем движении, объединивший социал-реформистские партии 15 стран с 6 млн. членов. Его Исполком и Бюро разместились в Лондоне — в стране, где действовала ставшая наиболее влиятельной социал-реформистской партией — Британская лейбористская партия (БЛП). Появление новой организации означало консолидацию сил правых социал-реформистов и тем самым углубление раскола международного рабочего движения.

Учитывая бурный рост революционного движения в целом, а также стремление революционных рабочих, составлявших значительную часть возглавлявшихся центристами партий, к слиянию с Коминтерном, большинство центристских партий отказалось войти в руководимый правыми социал-демократами так называемый II Интернационал, а некоторые из них послали своих представителей на II конгресс Коминтерна. Но расхождения центристов с коммунистами в ряде важных вопросов — о диктатуре пролетариата и путях перехода к социализму, о роли и единстве революционных партий и их международной организации — с осени 1920 г. углубились в связи с ослаблением революционного движения в капиталистических странах. Центристы отказались вступать в Коминтерн на разработанных им условиях приема, требовавших отказа от оппортунистических взглядов и практики. Прочному единству революционных сил и твердому курсу на социалистическую революцию, с которыми выступал Коминтерн, они предпочли организационную и идейно-политическую расплывчатость и неустойчивость, мешавшие укреплению революционного движения. Тем самым центристы вновь взяли на себя

ответственность за продолжение раскола рабочего движения по этой линии. Конфликт между революционными рабочими и центристами внутри возглавлявшихся ими партий обострился, вызвал их кризис, в ряде случаев привел к расколу.

Оказавшись между двумя Интернационалами — III и так называемым II, — центристы (Ф. Адлер, Ж. Лонге, Г. Ледебур, А. Криспин, Р. Гримм и др.) попытались играть роль главного поборника и глашатая восстановления единства международного рабочего движения. С этой целью в декабре 1920 г. была проведена конференция ряда центристских партий<sup>1</sup>. Справедливо подчеркнув необходимость интернационального сплочения сил пролетариата для отпора империалистам и для защиты Советской России, участники конференции заявили, что ни II, ни III Интернационалы не способны добиться этого. Поэтому они обратились ко всем социал-реформистским и коммунистическим партиям с призывом объединиться на принципах «революционного социализма». В качестве первого шага к восстановлению единства рабочего движения конференция предложила создать на платформе «революционного социализма» международное объединение всех рабочих партий, стоявших левее так называемого II Интернационала, включая компартии. Однако план создания такого объединения, по существу, был нацелен на отказ компартий от их принципов и на ликвидацию Коминтерна, мог привести только к снижению идейно-политического уровня революционного авангарда пролетариата. Поэтому ИККИ и компартии бойкотировали его.

Следующим шагом центристов был созыв в Вене в феврале 1921 г. конференции представителей 20 руководимых ими партий из 13 стран. Для подготовки восстановления организованного единства всех направлений международного рабочего движения, всеохватывающего Интернационала, эта конференция создала Международное рабочее объединение социалистических партий (МРОСП), выработала его идейно-политическую платформу, избрала руководящие органы, расположившиеся в Вене. Оценивая место нового международного центра в рабочем движении, коммунисты иронически называли

---

<sup>1</sup> См.: Protokoll der Internationalen Sozialistischen Konferenz in Wien. 22. bis 27. Februar 1921. Wien, 1921.

его II  $\frac{1}{2}$  Интернационалом. К 1922 г. в МРОСП входили 24 социалистические партии, насчитывавшие свыше 2 млн. членов и пользовавшиеся поддержкой профсоюзов, в которых состояло около 4,5 млн. трудящихся<sup>1</sup>.

Уже к моменту создания МРОСП центристы пришли к выводу, что о создании всеобъемлющего Интернационала легче договориться с правыми социал-демократами, чем с коммунистами. «Главный противник, с кем нам приходится бороться, — заявлял тогда Ф. Адлер, — это не Женева (где было принято решение о восстановлении так называемого II Интернационала. — Авт.), а Москва (где находилось руководство Коминтерна. — Авт.)»<sup>2</sup>. В июле 1921 г. состоялись переговоры МРОСП с II Интернационалом. Хотя правые социал-демократы считали участие коммунистов в одной международной организации с социал-демократами невозможным, центристы продолжали выступать за создание всеохватывающего Интернационала, в котором коммунисты оказались бы подчиненными оппортунистическому большинству.

В конце 1921 — начале 1922 г. руководители МРОСП предложили созвать конференцию ряда рабочих партий различных направлений, включая некоторые компартии. Стремясь добиться совместных действий всех рабочих организаций без ограничения их самостоятельности, проводя разработанную по инициативе В. И. Ленина политику единого рабочего фронта, ИККИ ответил встречным предложением — провести конференцию не некоторых, а всех рабочих партий — всемирный рабочий конгресс. Учитывая растущее стремление рабочих к единству для отпора наступлению буржуазии, с необходимостью обсуждения подготовки такого конгресса согласились не только руководители МРОСП, но и лидеры II Интернационала.

На Международной социалистической конференции делегаций от трех Интернационалов, состоявшейся в Берлине в апреле 1922 г.<sup>3</sup>, представители Коминтерна убедительно продемонстрировали стремление к единст-

---

<sup>1</sup> См.: *Yahrbuch für Wirtschaft, Politik und Arbeiterbewegung 1922—1923*. Hamburg, 1923, S. 96—97.

<sup>2</sup> *Protokoll der Internationalen Socialistischen Konferenz in Wien 22. bis 27. Februar 1921*, S. 12.

<sup>3</sup> См.: *Международная социалистическая конференция (общественное заседание исполкомов трех Интернационалов)*. Стенографический отчет. М., 1922.

ву действий и ради него пошли даже на некоторые уступки. После острой дискуссии конференция приняла Декларацию, в которой говорилось о необходимости провести всемирный рабочий конгресс, хотя и не указывались время и место его созыва, создать Комитет для его подготовки, изучить возможность восстановления единого фронта профсоюзов. Конференция призывала всех трудящихся провести массовые демонстрации в защиту своих интересов, в поддержку Советской России, за создание единого пролетарского фронта.

Правые лидеры социал-демократии саботировали выполнение решений Берлинской конференции. Они стремились дискредитировать проводимую Коминтерном политику единого рабочего фронта, мешали совместным выступлениям социал-демократов и коммунистов, требовали от Коминтерна новых уступок, оттягивали начало работы подготовительного Комитета. Руководители МРОСП убеждали их не прерывать переговоров с Коминтерном и, поддерживая многие их претензии, надеялись добиться от Коминтерна уступок. Когда Комитет собрался (23 мая), представители II Интернационала заявили, что условием созыва всемирного рабочего конгресса является изменение Коминтерном его «образа действий», т. е. политического курса. Представители МРОСП ничего не предприняли для отклонения требования правых социал-демократов. Такая позиция привела к распаду Комитета и срыву соглашения, достигнутого на Берлинской конференции. Ответственность за это целиком лежит на оппортунистах, что было убедительно раскрыто в обращении делегации Коминтерна к рабочим всех стран<sup>1</sup>.

Лидеры II Интернационала откровенно радовались прекращению переговоров с Коминтерном, которым они противились с самого начала, и заявляли, будто «единство рабочего движения может быть восстановлено и укреплено только в острой борьбе против коммунистов»<sup>2</sup>. Они объявили позицию Советского правительства на Генуэзской конференции «империалистической» и подтвердили свой курс на ликвидацию компартий и коммунистического движения. Конференция партий II Интернационала, состоявшаяся в Лондоне в июне 1922 г., категорически отказалась от дальнейшего участия в переговорах с Коминтерном.

<sup>1</sup> См.: Die Freiheit, 1922, Mai 24.

<sup>2</sup> Vorwärts, 1922, Mai 29.

Ссылаясь на отказ Коминтерна подчиниться диктату оппортунистов, центристы обвиняли его в нежелании сотрудничать. Сперва они стремились возложить ответственность за нарушение соглашения, достигнутого на Берлинской конференции, как на Коминтерн, так и на II Интернационал, но вскоре объявили коммунистов главными виновниками случившегося. Извращая смысл участия советской делегации на Генуэзской конференции, центристы обвинили Коминтерн в сговоре с буржуазными правительствами. К осени 1922 г. руководители МРОСП, переоценившие значение и последствия спада революционного движения, совершенно отказались от планов создания объединенного Интернационала с участием коммунистов.

Способствуя такому повороту центристов, лидеры II Интернационала выступили инициаторами сближения и объединения II и II <sup>1</sup>/<sub>2</sub> Интернационалов. Руководители МРОСП вступили в переговоры с ними. 10 декабря 1922 г. в Гааге состоялось совместное заседание исполкомов этих двух организаций, на котором было решено созвать Международный социалистический конгресс в Гамбурге в мае 1923 г. Для его подготовки был создан Комитет действий. Центристы заявляли, будто объединение II и II <sup>1</sup>/<sub>2</sub> Интернационалов направлено против наступления буржуазии, а правые социал-демократы хотели бы повернуть его прежде всего против коммунистов.

Комитет действий стремился найти компромисс. В январе 1923 г. он обратился с декларацией «К рабочим и социалистическим партиям всех стран»<sup>1</sup>, в которой говорилось о необходимости преодолеть раскол рабочего движения и объединить усилия рабочего класса в борьбе против реакции и опасности фашизма. Но при этом исключалась возможность объединения и даже единства действий с коммунистами. Коминтерн объявлялся врагом единства рабочего движения и «орудием Московского правительства», на него возлагалась ответственность за срыв выполнения соглашения, достигнутого на Берлинской конференции, и за преследования якобы ни в чем не виновных социалистов — меньшевиков-заговорщиков в СССР. Комитет действий пригласил на предстоящий конгресс все социалистиче-

---

<sup>1</sup> См.: The Report of the 23 Annual conference of the Labour party. London, 1923, p. 5—6.

ские и рабочие партии, кроме коммунистических, и заявил, что на нем будет создан новый Рабочий социалистический интернационал.

Руководители МРОСП и II Интернационала отвергли все предложения коммунистов о единстве действий, хотя оно было действительно необходимо для борьбы против опасности войны и активизации фашистов. Подготовка к объединению II и II 1/2 Интернационалов приобрела в основном антикоммунистический, а не антикапиталистический характер. Подтверждалось заявление IV конгресса Коминтерна о том, что «слияние партий II и II 1/2 Интернационалов несомненно вызвано необходимостью подготовить «благоприятную атмосферу» для систематического похода против коммунистов»<sup>1</sup>. Позже видный деятель и историк социал-демократии Ю. Браунталь откровенно признавал, что новый Интернационал призван был «объединить как в фокусе все силы демократического социализма против авторитарических сил большевизма, сконцентрированных в Московском интернационале»<sup>2</sup>.

Концепция организационного объединения международного рабочего движения без и против коммунистов, которой теперь придерживались не только правые социал-демократы, но и центристы, еще сильнее, чем их прежние концепции восстановления II Интернационала, противоречила коренным интересам рабочего класса, развитию революционного движения, пролетарскому интернационализму. Добиваясь объединения правых социал-демократов и центристов, оппортунисты делали ставку на ликвидацию коммунистического направления, что вело к расширению и углублению раскола международного рабочего движения.

### **Разработка платформы консолидации оппортунистов**

Важной предпосылкой создания РСИ являлась выработка общей для различных оппортунистических течений социал-реформистской платформы, вокруг которой постепенно консолидировалось все оппортунистическое направление в международном рабочем движении. От-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 464.

<sup>2</sup> *Braunthal J. Op. cit.*, p. 254.

кровенный социал-шовинизм правых социал-демократов, ставший общей платформой почти всех оппортунистов в начале первой мировой войны, уже в 1915—1916 гг. утратил эту роль в связи с ростом массового антивоенного движения. Социал-пацифизм центристов в годы первой мировой войны не смог стать общей платформой оппортунистов как из-за сопротивления правых, так и особенно в результате перерастания антивоенной борьбы в революционное движение.

Развитие мирового революционного процесса властно потребовало от всех, в том числе и от оппортунистов, определения своего отношения к Октябрю и первому в мире государству рабочего класса, к мощным революционным выступлениям трудящихся других стран, к возрожденной и обновленной интернациональной солидарности пролетариата. Отношение социал-реформистов — правых социал-демократов и центристов, а также сторонников групп различных оттенков внутри этих течений — к таким важнейшим проблемам не было одинаковым и неизменным. На это в разной степени влияли текущие события, настроения трудящихся, выступления пролетариата. Однако подход к революционному процессу был в принципе неизменным: все они всегда рассматривали его с позиций социал-реформизма, и расхождения между ними, иногда весьма заметные, в основном все же не выходили за эти рамки.

Расхождения между правыми социал-демократами и центристами обозначились уже на Бернской конференции. Здесь правые (Я. Брантинг, А. Тома, Э. Бернштейн, О. Вельс) при поддержке части центристов (К. Каутский, К. Эйсер) резко осудили большевизм и диктатуру пролетариата. Значительная часть центристов (Ф. Адлер, Ж. Лонге) считали возможным воздержаться от прямого осуждения, ссылаясь на необходимость дополнительного изучения опыта Советского государства. Однако общим знаменателем позиции участников конференции явились резолюции о международном рабочем законодательстве и о Лиге наций, ориентировавшие трудящихся не на революцию, а на реформы путем сотрудничества с предпринимателями и буржуазными правительствами.

В дальнейшем, к лету 1920 г., расхождения между центристами и правыми социал-демократами заметно увеличились. В уставе нового II Интернационала и в ре-

золюциях, принятых Женевским конгрессом, была изложена платформа правых социал-демократов. Недооценивая изменения условий борьбы пролетариата, они по-прежнему основное внимание уделяли деятельности в парламентах. В документах конгресса не говорилось ни о классовой борьбе, ни об исторической роли пролетариата. Отвергая всякое насилие и ограничение прав, в том числе эксплуататорского меньшинства, правые социал-демократы резко осуждали большевизм и диктатуру пролетариата в России, ставили знак равенства между ними и реакцией. Они ориентировали трудящихся не на революцию, а только на расширение демократических свобод, высказывались за контроль над внешней политикой и постепенное обобществление средств производства при соответствующей компенсации их владельцам. Борьба за прочный мир связывалась не с революционным движением, а с политикой сотрудничества рабочего класса с буржуазией, с поддержкой и совершенствованием деятельности Лиги наций. Большевизм как противник такой линии осуждался за «агрессивность» и объявлялся «опасным» для мира и культуры. Таким образом, высказывания правых социал-демократов против антисоветской политики империалистических правительств никакой реальной цены не имели.

Платформа центристов, разработанная в конце 1920 — начале 1921 г., в период начавшегося спада революционного движения, была изложена в уставе МРОСП и других документах, принятых Венской конференцией. Она не совпадала с установками правых социал-демократов. Центристы считали, что условия борьбы пролетариата значительно изменились. Подчеркивая роль рабочего класса и значение классовой борьбы, они ориентировали трудящихся на укрепление и расширение позиций пролетариата. Перспектива прочного мира связывалась ими с социалистическим переустройством общества. Выступая за обновление тактики рабочих партий, центристы не считали возможным ограничиваться только «демократическими средствами» борьбы и поддерживали массовые выступления. Они не исключали даже насилия для подавления реакционных сил и установления общественной собственности на средства производства, но предостерегали от вооруженных выступлений и установления диктатуры пролетариата, хотя ранее в выработанных ими принципах «революционного

социализма» допускали ее временное использование. Считая диктатуру только насилием, центристы высказывались за ее постепенную ликвидацию в России. Они протестовали против антисоветской политики империалистических правительств, но вместе с тем осуждали курс Коминтерна на развертывание мировой революции, приписывая ему игнорирование специфики различных стран и требование всюду подражать тактике большевиков.

Однако даже тогда у правых социал-демократов и центристов было немало общего.

Те и другие отрицали объективную закономерность диктатуры рабочего класса и ленинское определение ее содержания, ленинскую концепцию начавшегося тогда современного мирового революционного процесса, всемирную роль Советского государства, а вместе с тем ориентацию на социалистическую революцию, на всемерное упрочение революционного направления в международном рабочем движении, на использование пролетариатом не только мирных, но и вооруженных средств борьбы и т. д. Их общим знаменателем был социал-реформизм.

Спад революционного движения способствовал начавшейся еще осенью 1920 г. дальнейшей эволюции платформы центристов вправо от принципов провозглашенного ими ранее «революционного социализма», что обусловило их сближение с установками правых социал-демократов. В Германии уже весной 1922 г. это привело центристов, отказавшихся объединяться с КППГ, к слиянию с СДПГ. «Во времена революционного подъема,— отмечал IV конгресс Коминтерна, — даже центристы, поддаваясь давлению масс, высказывались за диктатуру пролетариата и искали путей к III Интернационалу. Но как только наступило хотя бы временное снижение революционной волны, эти центристы вновь вернулись в лагерь социал-демократии, с которым они внутренне никогда не порывали»<sup>1</sup>. В такой обстановке Комитет действий в феврале 1923 г. выработал условия присоединения к создававшейся новой объединенной международной организации правых социал-демократов и центристов. Эти условия, хотя и включали признание необ-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 463.

ходимости замены капитализма социализмом, классовой борьбы как средства освобождения рабочего класса, укрепления интернациональных связей для борьбы против войны, не указывали на необходимость «приобретения общественной власти» пролетариатом, не говоря уже о диктатуре рабочего класса.

В центристских партиях нашлось немало членов, которые не хотели отступать так далеко вправо от «революционного социализма». Они не желали полного разрыва с марксизмом и официальными установками довоенного II Интернационала, протестовали против объединения МРОСП с так называемым II Интернационалом. Особенной активностью отличались выступления центристов в СДП Швейцарии, СП Италии и СФИО. Но накануне объединительного конгресса состоялась конференция МРОСП, выразившая в целом удовлетворение условиями объединения со II Интернационалом и еще раз осудившая коммунистов как якобы раскольников рабочего движения. Конференция приняла решение о роспуске МРОСП.

Подготовка объединительного конгресса была осложнена столкновениями между националистическими тенденциями, характерными для социал-демократических партий и стран-победительниц, и стран, побежденных в первой мировой войне, а также между претендовавшими на гегемонию лидерами социал-демократических партий великих держав и добивавшимися справедливого представительства в новом Интернационале социал-демократическими партиями малых стран. Однако такого рода конфликты не могли помешать консолидации сил оппортунизма на модернизированной социал-реформистской платформе, которая окончательно была согласована на самом объединительном конгрессе.

К весне 1923 г. размежевание революционного и оппортунистического направлений в рабочем движении было почти полностью завершено и влияние социал-реформистов среди трудящихся капиталистических стран относительно стабилизировалось. Членов социал-демократических партий оказалось несколько меньше, чем в 1920 г., но все же во всех капиталистических странах их насчитывалось более 6 млн. Кроме того, поддерживавшая социал-реформистов МФП, число членов которой по сравнению с 1920 г. тоже уменьшилось, объединяла свыше 15 млн. трудящихся. Под влиянием социал-рефор-

мистов оказалось подавляющее большинство организованных рабочих капиталистического мира.

Опорой социал-реформизма, как и прежде, были рабочая аристократия и рабочая бюрократия. Но влияние его выходило далеко за границы этих сравнительно малочисленных групп. Социал-реформизм пользовался поддержкой различных, весьма широких слоев рабочих, служащих и других трудящихся. Кроме основной и самой общей причины — влияния на трудящихся буржуазной идеологии, политики и экономики — имелись различные причины конкретно-исторического порядка.

Во-первых, в послевоенные годы положение основной массы трудящихся, несмотря на безработицу, голод, эпидемии, было все же лучше, чем в конце кровопролитной и истощившей народы империалистической войны. Это поддерживало надежды трудящихся на дальнейшее улучшение их положения без коренного переустройства общества.

Во-вторых, после окончания мировой войны во многих капиталистических странах были проведены реформы, несколько улучшившие положение народных масс в рамках существующего строя: ликвидированы некоторые реакционные учреждения, расширены избирательные права, приняты законы о 8-часовом рабочем дне, улучшено социальное обеспечение и т. п. Соответствующие законы были приняты в результате массовых выступлений пролетариата, страха перед ними господствовавших классов, но многими трудящимися они воспринимались как доказательство неограниченной эффективности и перспективности реформ, как аргумент в пользу реформ.

В-третьих, распространению социал-реформизма благоприятствовали некоторые изменения состава рабочего класса и участников рабочего движения. В империалистической войне погибла значительная часть ядра пролетариата, но рабочий класс в целом вырос, в него влились выходцы из непролетарской среды. Удельный вес последних среди рабочих, а следовательно, и в рабочем движении заметно увеличился. Недовольство широких масс способствовало вовлечению в рабочее движение многих служащих и других средних слоев населения. Процент этих непролетарских элементов в рабочем движении тоже повысился. Значительной части нового пополнения рабочего класса и влившихся в рабочее дви-

жение непролетарских элементов усвоить социал-реформизм было легче, чем найти путь к коммунистам.

Наконец, в-четвертых, распространению социал-реформизма объективно способствовали временные поражения революционного авангарда пролетариата в Финляндии, Германии, Венгрии и в некоторых других капиталистических странах, а также известия о жертвах гражданской войны, разрухе и голоде в Советской России. Буржуазная и социал-реформистская пропаганда оценивала эти факты как доказательство бесплодности и непомерной цены революционной борьбы, как аргумент против революций.

Стабилизация влияния социал-реформизма в значительной мере была достигнута в результате деятельности самих оппортунистов — правых социал-демократов и центристов, в той или иной степени приспособивших свою политику и идеологию к изменившимся условиям. Значительную часть рабочих и других трудящихся привлекали их выступления за прочный мир и предложения установить народный контроль над внешней политикой держав, превратить Лигу наций в эффективный орган мирного урегулирования международных конфликтов, обеспечить равноправие победителей и побежденных стран, гарантировать независимость вновь возникших государств, найти пути сотрудничества всех стран, принять меры для разоружения. Неосуществимость многих таких предложений, неэффективность или просто недостаточность части других, а главное — непоследовательность деятельности социал-реформистов в этом важном направлении были очевидны для коммунистов, но не могли быть сразу ясны всем, кто выступал за упрочение мира, против вооружений и новых грабительских войн. Многие трудящиеся поддерживали пацифистский курс созданного МФП и социал-реформистскими партиями Комитета против войны и милитаризма, а также одобрили проведенный ими в 1922 г. Всемирный конгресс за мир.

Не менее значительную часть пролетариата и средних слоев социал-реформисты привлекали требованиями расширить политические свободы и права граждан, функции различных организаций трудящихся, полномочия парламентов и других представительных учреждений, ликвидировать дискриминацию и привилегии отдельных групп населения, обеспечить формальное равноправие. Выступая за общедемократические интересы трудящих-

ся, социал-реформисты стремились оправдать свои действия против революционного авангарда рабочего класса, против диктатуры пролетариата — важнейшего условия социального освобождения трудящихся. Это им в значительной степени удавалось, так как многие трудящиеся капиталистических стран вслед за социал-реформистами продолжали считать демократизацию существующего строя вполне достаточной для ликвидации капиталистической эксплуатации.

Широкие слои трудящихся были привлечены вносившимися социал-реформистами в центральные и местные представительные учреждения разнообразными конкретными предложениями об удовлетворении различных повседневных нужд рабочих и служащих, о частичном улучшении их экономического положения в рамках капиталистического строя. Причем некоторые из этих предложений выдавались за непосредственное начало социальной справедливости и импонировали возросшему стремлению организованных рабочих к социализму.

Социал-реформисты привлекали часть рабочих и служащих, искренне стремившихся к социализму, своими высказываниями за замену капитализма социализмом.

Для понимания несостоятельности проповедовавшей ими перспективы постепенного мирного и даже уже начавшегося перехода к социализму, за который нередко выдавались меры государственно-монополистического регулирования экономики, капиталистическая национализация отдельных отраслей промышленности, законы о социальном обеспечении и т. п., большинство даже организованных рабочих капиталистических стран еще не имели достаточных знаний и собственного политического опыта. Многим из них социал-реформистский путь казался привлекательной альтернативой перспективе социально-экономических катастроф, вооруженной борьбы, кровопролития, жертв, без которых в то время социализм в действительности победить нигде не мог. Предлагая ложный путь реформ, социал-реформисты стремились дискредитировать революционную борьбу ссылками на тяжелые последствия гражданской войны, на неудачу ряда вооруженных выступлений революционного авангарда пролетариата различных стран, поражению которых способствовали сами. Для укрепления своего влияния они использовали организационную слабость и не-

опытность молодых компартий, примиренчество к оппортунизму, сектантство части коммунистов.

Большое значение для сохранения влияния социал-реформистов в массах имело также использование ими традиций рабочего движения, в силу которых многие трудящиеся продолжали считать социал-демократические партии единственными выразителями своих интересов. Социал-реформистские партии унаследовали от прежней социал-демократии большую часть ее организаций, партийного аппарата и печати, располагали сравнительно многочисленными кадрами, обладавшими накопленным ранее значительным опытом легальной организационно-пропагандистской работы в массах. Оппортунисты возглавляли большинство профсоюзов капиталистических стран и объединявшую эти профсоюзы МФП. На конгрессах МФП, которую часто называли Амстердамским интернационалом, в 1919, 1921, 1922 гг. были приняты устав, способствовавший взаимодействию профсоюзов, резолюции о желательности социализации некоторых отраслей промышленности, установления 8-часового рабочего дня, восстановления хозяйства Европы, разоружения и сохранения мира. Несмотря на явную ориентацию устава и резолюций на сотрудничество профсоюзов с буржуазией, несмотря на выступления возглавивших МФП социал-реформистов против Коминтерна и революционных профсоюзов, эта международная организация объединяла большинство членов профсоюзов капиталистического мира.

Социал-реформисты сохранили, а в ряде стран даже расширили свое представительство в парламентах и органах местного самоуправления, что позволяло им не только широко использовать трибуну этих учреждений, но и проводить некоторые меры, несколько улучшавшие положение трудящихся, и тем поддерживать надежды части рабочих и служащих на социал-демократию.

Наконец, как правые социал-демократы, так и центристы, добиваясь расширения своего влияния, все более широко и остро вели кампанию против отдельных компартий и международного коммунистического движения в целом. Уже тогда многие из них стремились доказать, будто коммунистическое движение порождено только крайней нищетой и отчаянием трудящихся масс, не имеет серьезной почвы в «цивилизованных» развитых капиталистических странах, а компартии чужды рабочему

Движению этих стран, являются орудием и действуют только по указаниям «Москвы». Такая «критика» перерастала в отрицание права компартий и всего коммунистического движения на существование, в травлю коммунистов, т. е. в антикоммунизм, делавший ставку на ликвидацию коммунистического движения. Выступая с антикоммунистических позиций, некоторые лидеры социал-реформистов объявляли коммунистов такими же врагами демократии, как и фашистов, внушали части трудящихся предубеждение против коммунистов, чем углубляли раскол рабочего движения и действовали на руку буржуазии.

Отношение революционного авангарда рабочего класса — коммунистов к социал-реформистам определялось в то время прежде всего тем, что социал-реформисты в коренных вопросах — о власти и о собственности — предавали интересы рабочего класса и фактически выступали на стороне буржуазии. В годы решительного размежевания с оппортунизмом и мощного революционного подъема, когда объединенный Коминтерном революционный авангард рабочего класса в ряде стран Европы пытался свергнуть капиталистический строй, утвердить диктатуру пролетариата в форме завоевавшей тогда популярность Советской власти, победа социалистических революций считалась коммунистами перспективой ближайшего будущего. С такой точки зрения все политические группировки, включая социал-демократию, делились на противников диктатуры пролетариата, защитников буржуазной демократии, и борцов за диктатуру пролетариата, противников господства эксплуататоров в любой его форме. Различия в стане противников диктатуры пролетариата имели второстепенное значение. В то время этот подход вполне соответствовал как объективным условиям борьбы, так и состоянию революционного движения, которое без размежевания со всеми противниками диктатуры пролетариата не могло выполнить своей ближайшей задачи.

Наиболее полно и последовательно линию Коминтерна выражал В. И. Ленин, считавший коммунистов продолжателями революционного направления II Интернационала 1889—1914 гг. Наследников оппортунистического направления этого Интернационала он с полным основанием относил к лагерю противников диктатуры рабочего класса, что во время борьбы за эту диктатуру

означало — к буржуазному лагерю. В. И. Ленин называл их сторонниками мелкобуржуазной демократии, а об их концепциях социализма писал, что «это — социализм не пролетарский, а буржуазный»<sup>1</sup>. Естественно, что в то время он полемизировал с их лидерами «как с классовым врагом»<sup>2</sup> и считал, что социал-реформисты представляют собой «контрреволюционные элементы внутри рабочего класса»<sup>3</sup>. Учитывая их гибкость и значительное влияние на трудящиеся массы, В. И. Ленин заявлял, что они «лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа»<sup>4</sup>. В. И. Ленин подчеркивал ответственность оппортунистов за поражения авангарда пролетариата и считал социал-реформизм «главной опорой капитализма»<sup>5</sup> в развитых капиталистических странах. Более того, он полагал, что тогда без этой опоры «международная буржуазия была бы совершенно не в состоянии удержаться»<sup>6</sup>. Но при всем том В. И. Ленин не исключал социал-демократию из рабочего движения, рассматривая ее как часть рабочего движения, не отождествляя основную массу социал-демократов с социал-реформистами, оппортунистами.

В. И. Ленин настойчиво выступал «за полное изгнание из рабочего движения» социал-реформистов и с этой точки зрения заявлял: «Оппортунизм — наш главный враг»<sup>7</sup>. В 1919 г. он отмечал, что «массы пролетариев и полупролетариев за нас и переходят к нам не по дням, а по часам»<sup>8</sup>, и считал близким развал социал-демократии. Позднее В. И. Ленин возлагал определенные надежды на то, что экономический кризис и рост революционного движения в колониальных и зависимых странах ослабят корни оппортунизма. «Мы, — говорил он летом 1921 г., — привлечем на свою сторону массы от социал-демократической и независимой социал-демократической партий, массы, которые объективно всем ходом вещей подталкиваются к нам»<sup>9</sup>.

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 232.

<sup>2</sup> Там же, с. 253.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 35.

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 232; см.: также т. 44, с. 4.

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 232.

<sup>8</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 106.

<sup>9</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 57.

В ходе размежевания с оппортунистами некоторые коммунисты увлеклись и, как писал В. И. Ленин, «чуть-чуть преувеличили „борьбу с центризмом”, чуть-чуть перешли ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация революционного марксизма»<sup>1</sup>. Преодолевая такие левацкие тенденции, III конгресс Коминтерна по инициативе В. И. Ленина выдвинул задачу привлечения большинства трудящихся на сторону компартий и вместе с тем наметил линию единства действий различных рабочих организаций в борьбе против буржуазии.

Осуществляя линию III конгресса, руководство Коминтерна с июля 1921 г. выступало за «единый фронт пролетариата против буржуазии». В декабре ИККИ разработал тезисы «О едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим во II, II 1/2 и Амстердамский интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». В феврале — марте 1922 г. расширенный пленум ИККИ, несмотря на возражения леваков, одобрил эти тезисы, а вместе с тем и меры, намеченные и уже предпринятые руководством ИККИ не для организационного слияния, а для достижения единства действий всех международных рабочих организаций. Коминтерн «сделал максимум возможного для плодотворной работы предварительного совещания» представителей коммунистов, центристов и правых социал-демократов и «для созыва всемирного рабочего конгресса»<sup>2</sup>. После срыва оппортунистами подготовки всемирного рабочего конгресса, Коминтерн продолжал разрабатывать и проводить политику единого рабочего фронта, которая имела целью «втянуть в борьбу против капитала более и более широкую массу рабочих»<sup>3</sup>.

Весной 1923 г., объединяя 55 компартий, насчитывавших в своих рядах около 2 млн. человек, и опираясь на поддержку примерно 12—13 млн. членов профсоюзов<sup>4</sup>, Коминтерн призвал коммунистов, социал-демократов, профсоюзы, всех трудящихся усилить борьбу против на-

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 96.

<sup>2</sup> Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата. М., 1977, с. 94.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 131.

<sup>4</sup> См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 254, 270.

ступления империализма, особенно против фашизма в Италии и других странах, а также против агрессивной внешней политики империалистических держав, чреватой новыми войнами. IV конгресс Коминтерна в письме ко всем международным рабочим организациям изложил конкретную программу совместных действий. В начале 1923 г. ИККИ дважды обращался ко всем международным рабочим организациям с предложениями организовать совместные выступления. Состоявшаяся в Эссене в январе 1923 г. конференция представителей 7 компартий Западной Европы, ряда профсоюзных центров и Коммунистического Интернационала молодежи также призвала трудящихся к совместной борьбе против наступления капитала и опасности войны. В марте фабрично-заводские комитеты Рейнско-Вестфальской области Германии провели во Франкфурте-на-Майне конференцию с участием Коминтерна, Коммунистического Интернационала молодежи, Профинтерна, компартий и ряда профсоюзов европейских стран. Конференция высказалась за организацию единого пролетарского фронта и создала Международный комитет действия против военной опасности и фашизма.

Коминтерн настойчиво добивался создания единого рабочего фронта и ради этого стремился к сотрудничеству с социал-демократическими партиями. Об этом говорилось в письме Секретариата ИККИ компартиям о подготовке первомайских демонстраций в 1923 г. К единому фронту пролетариата против фашизма и угрозы войны призывал ИККИ в своем первомайском воззвании. В этом духе Коминтерн не только ясно выражал историческую необходимость, но и показывал объективную возможность достижения единства действия рабочего класса путем сотрудничества различных рабочих организаций. Однако и на этот раз оппортунисты, став на путь консолидации и организационного объединения своих сил, отвергли единство действий с коммунистами и продолжали углублять раскол рабочего движения.

### **Учредительный конгресс и первые шаги РСИ**

На объединительный конгресс, который открылся в Гамбурге 21 мая 1923 г., съехалось 426 делегатов, не счи-

тая гостей. Они представляли 43 партии из 30 стран<sup>1</sup>. Однако здесь не было ни одной делегации из Азии, Африки и Латинской Америки. В конгрессе приняли участие в основном европейские социал-демократы. Из многих стран — Австрии, Польши, Англии, Чехословакии, Венгрии, где социал-демократия оставалась раздробленной, приехали представители различных рабочих партий. Были представлены также эмигрантские организации российских и грузинских меньшевиков и эсеров, армянской «Революционной федерации». Выработанные Комитетом действия условия присоединения к новому Интернационалу были настолько широки, что в конгрессе беспрепятственно участвовали явно социал-реформистские организации, вроде Фабианского общества, вполне националистические, такие, как сионистские и армянские, совершенно мелкобуржуазные, подобные эсеровским. На конгресс не были допущены лишь немногие организации — Чешская национально-социалистическая партия, украинские эсеры, Белорусская социалистическая громада, которые, в сущности, ничем не отличались от многих участвовавших в нем, но не имели достаточной известности в социал-демократическом движении.

Конгресс открылся в торжественной обстановке. В речах его организаторов и в многочисленных приветствиях подчеркивалось значение этого форума для восстановления единства международного рабочего движения. Примирение социал-демократических партий воевавших друг с другом империалистических блоков, а также различных оппортунистических течений демонстрировалось солидарностью председателей первого заседания: представителя СДПГ — правого социал-демократа О. Вельса и СФИО — центриста А. Бракка.

В то же время Ф. Адлер заявил, что соглашение с коммунистами «вообще невозможно»<sup>2</sup>. Ставший президентом конгресса Комитет действия не допустил на Гамбургский конгресс посланцев коммунистов — делегатов Международного комитета борьбы против военной опасности и фашизма. Руководство конгресса отвергло обращение Международного комитета, в котором предлагались конкретные меры для организации

<sup>1</sup> См.: Protokoll der Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongress in Hamburg von 21. bis 25. Mai 1923 (далее: Protokoll der ISAK), S. 97.

<sup>2</sup> См.: Protokoll der ISAK, S. 94.

совместных выступлений против опасности войны в Европе.

Конгресс обсудил широкий круг вопросов: империалистический мир и задачи рабочего класса, интернациональная борьба против международной реакции, отношение к Советской России, создание единого Интернационала и его устав. С докладами и содокладами, а также в прениях выступили центристы и правые социал-демократы, но серьезных расхождений между ними уже не было, а спорные вопросы, в частности оценка Версальской системы и отношение к Советской России, уладились путем компромисса. Представители некоторых групп германской, польской, швейцарской социал-демократии, а также левых эсеров покинули конгресс в знак протеста против его решений. Тем не менее эти решения, принятые подавляющим большинством участников Гамбургского конгресса, определили идейно-политический облик созданной им международной организации.

Важнейшим было решение об объединении МРОСП и II Интернационала и создании Рабочего социалистического интернационала (РСИ), а также утверждение его устава (по докладу Ф. Адлера). РСИ объединяет, говорилось в уставе, «социалистические (социал-демократические) рабочие партии, считающие своей целью замену капиталистического способа производства социалистическим»<sup>1</sup>. «Средствами освобождения рабочего класса партии РСИ признают классовую борьбу, выражающуюся в открытых политических и экономических акциях»<sup>2</sup>.

В отличие от устава II Интернационала, утвержденного в 1907 г. Штутгартским конгрессом, устав РСИ не требовал признания ни «существенных принципов социализма», ни необходимости «приобретения общественной власти организованным в классовую партию пролетариатом», ни «социализации средств производства»<sup>3</sup>. В постановке вопроса о переходе к социализму устав РСИ игнорировал обобщенный Коминтерном опыт революционного движения и даже по сравнению с уставом II Интернационала был шагом назад. Разъясняя социал-

---

<sup>1</sup> Protokoll der ISAK, S. 97.

<sup>2</sup> Ibidem.

<sup>3</sup> Bureau socialiste international. Réunion plénière des 4 et 5 Mars 1906. — *Compte-rendu officiel*, p. 10.

реформистский путь борьбы «против капитализма, войны и сопутствующих им явлений», О. Вельс призывал идти «через политическое воспитание большинства, через большинство — к политической власти, через политическую власть к хозяйственной демократии...», к «демократическому социализму»<sup>1</sup>.

РСИ, как было записано в уставе, должен был координировать и направлять деятельность входящих в него партий для достижения «наиболее полного единства» международного социалистического движения. Однако каждая партия была совершенно самостоятельна в своей внутренней политике. Обязательным для всех являлись решения РСИ только по вопросам международной политики. Пытаясь успокоить многих социал-демократов, опасавшихся, что с РСИ произойдет то же, что случилось со II Интернационалом в 1914 г., составители устава включили в него заявление, что РСИ является инструментом для решения задач рабочего движения не только в мирное время, но и во время войны; в случае международного конфликта он признавался высшим авторитетом для участвующих в нем партий. Уроки недавнего прошлого заставили лидеров РСИ расширить полномочия интернациональной организации по сравнению с теми, которые имел II Интернационал. Но в уставе ничего не говорилось о пролетарском интернационализме и гарантий от крушения РСИ не было.

Устав определил порядок регулярного созыва конгрессов и конференций РСИ, нормы представительства и процедуру голосования, а также пути формирования и функции Исполнительного комитета, Бюро, Административной комиссии и Секретариата. Исполком состоял из представителей всех партий РСИ. Он избирал Бюро (9 членов), которое создавало рабочие органы — Административную комиссию и Секретариат. Были указаны размеры ежегодных взносов партий для финансирования деятельности РСИ (в основном пропорционально количеству членов партии).

Устав подчеркивал важность постоянных связей и единства действий РСИ с МФП и с кооперативным движением. Он призывал всех трудящихся поддерживать РСИ «в энергичной борьбе за единство пролетарского

---

<sup>1</sup> Protokoll der ISAK, S. 14.

движения против капитализма и империализма»<sup>1</sup>. Все это, несомненно, способствовало привлечению на сторону РСИ многих рабочих и других трудящихся, стремившихся к социализму, выступавших против империализма, понимавших необходимость единства, но не знавших верного решения волновавших их проблем. Учитывая, что многие рабочие помнили заслуги и достижения II Интернационала, которыми он был обязан революционному направлению, некоторые руководители Гамбургского конгресса заявляли, будто РСИ является единственным преемником и прямым продолжателем II Интернационала 1889—1914 гг.

В принятых конгрессом резолюциях были записаны требования установления 8-часового рабочего дня, улучшения условий труда, совершенствования законодательства о труде. Подчеркивалась особая роль пролетариата в борьбе против империализма вообще: «...только пролетариат в противовес империалистической политике может выдвинуть свою политику мира, освобождения народов и социализма, ...обратит против империалистической буржуазии все средства классовой борьбы»<sup>2</sup>, но насилие, особенно вооруженные выступления, категорически исключалось.

В докладах и резолюциях говорилось об опасности наступления реакции, усиления милитаризма и активизации фашистских банд. Гневно осуждались ликвидация фашистами демократических свобод в Италии и Венгрии, усиление националистических тенденций и фашизма в Германии и других странах Центральной Европы. Конгресс призывал трудящихся нанести поражение реакции, бороться против милитаризма, дать отпор фашизму. Для этого предлагалось мобилизовать мировое общественное мнение, организовать парламентские и массовые выступления, интернациональную поддержку трудящимся, сопротивляющимся фашистским режимам и реакции.

Конгресс высказался за самоопределение народов, уважение национальных меньшинств и призвал рабочий класс всеми средствами противодействовать нарушению этих принципов, всякому угнетению. Он выступил за всеобщее разоружение и превращение Лиги наций в эффективный инструмент мира.

---

<sup>1</sup> Protokoll der ISAK, S. 100.

<sup>2</sup> Ibid., S. 101.

Однако судьбы народов колоний и зависимых стран, проблемы национально-освободительного движения участников конгресса не волновали. Их внимание было сосредоточено на ситуации, сложившейся в Европе. Оценивая Версальскую систему как империалистическую, грабительскую, конгресс требовал только ее «улучшения», уточнения послевоенных границ с учетом интересов народов и т. п. Он выступал против жестокости победителей, осуждал планы правящих кругов Франции в отношении Германии и франко-бельгийскую оккупацию Рура. Политика победителей, по мнению участников конгресса, создавала угрозу миру, вела к обнищанию рабочих и средних слоев Германии, ущемляла национальное достоинство народа, способствовала росту национализма и активизации реакционных сил. Признавая необходимость соблюдения мирных договоров и выплаты Германией репараций для восстановления разрушенных войной районов, конгресс предлагал определить их точную величину с учетом реальных возможностей Германии, а вместе с тем аннулировать все взаимные военные долги бывших союзников — государств Антанты. Он приветствовал пассивное сопротивление трудящихся Рура оккупантам и призывал немецких рабочих бороться против германских реакционных сил, а рабочим стран-победительниц предлагал поддержать немецких трудящихся и выступать против военного деспотизма, покушений на суверенитет и территориальную целостность Германии.

Такие требования, сводившие стремление трудящихся добиться справедливого мира к «улучшению» Версальской системы, сопровождались заявлениями, что насилие и жестокость характерны для империализма, что источником войн является капитализм. Этим создавалось впечатление, будто намеченная конгрессом скромная программа усовершенствования Версальской системы направлена против капитализма, войны и сопутствующих им нищеты и голода, что придавало ей привлекательность в глазах значительной части трудящихся Европы.

В некоторой степени интересы трудящихся нашли отражение в резолюциях конгресса о России. Осуждая вмешательство империалистических держав в дела этой страны и попытки разжечь новую гражданскую войну, конгресс указал, что интервенция империалистов направлена не на «демократизацию» России, а на подавление революции, преследует цели порабощения и эксплуата-

ции ее народов. Он призвал социал-демократов и всех рабочих противодействовать вооруженной интервенции империалистов, добиваться дипломатического признания «русского правительства» и реставрации нормальных отношений с Россией.

Но вместе с тем участники конгресса по инициативе меньшевиков, стремившихся очернить политику большевиков и Советского правительства, осудили правительство СССР за «террористические методы» и «подавление основных демократических прав». Конгресс ультимативно потребовал немедленно прекратить якобы имевшие место в России и Грузии преследования рабочих и крестьян, освободить всех политических заключенных, а также отменить будто бы существовавшую там «систему террористической партийной диктатуры», заменив ее «режимом политической свободы и демократического самоуправления народа». Он заявил о своей солидарности с жертвами «террора», призвал социал-демократов поддерживать их морально и материально. Большинство конгресса не обратило внимания на призыв его отдельных делегатов не забывать, что так называемые эксцессы революции являются следствием политики империалистов и гражданской войны.

Конгресс, ведущие деятели которого открыто отрицали и осуждали диктатуру пролетариата в принципе, выступал не против «частных» недостатков и временных мер большевиков и Советского правительства, как могло показаться, а против сущности политического строя СССР. Конгресс полностью игнорировал не только действительные права трудящихся, обеспеченные советским строем, но и образование СССР, гарантировавшее равноправие и свободное развитие всех наций и народностей Советского Союза. Он пытался направить против большевиков и советского строя и на поддержку их врагов силы международной социал-демократии. Это было на руку империалистам и совершенно противоречило интересам трудящихся всех стран, значительная часть которых была дезинформирована и не всегда могла верно понять развитие СССР и осознать свои интересы.

Не ставя перед этим конгрессом задачу разработки программы РСИ, его руководители весьма четко определили отношение новой организации к империализму, к борьбе рабочего класса капиталистических стран, к Советской России и коммунистическому движению. Не-

смотря на осуждение капитализма в принципе, они предлагали добиваться только некоторого «улучшения», а не коренного изменения установленных империалистами международных и социально-экономических отношений в капиталистическом мире. К борьбе за это «улучшение» путем осуществления различных реформ сводились ими задачи рабочего движения. В то же время Советской России, несмотря на заявления о своей солидарности с ней, они предъявляли жесткие требования: ликвидировать диктатуру рабочего класса и советский строй. Коммунисты объявлялись раскольниками и «разрушителями рабочего движения»<sup>1</sup>, а проводимая Коминтерном тактика единого фронта — демагогией.

Гамбургский конгресс объединил правых социал-демократов и большинство центристов. Разработав в духе социал-реформизма их общую политику в отношении конкретных международных и социально-экономических проблем, он вместе с тем определил в основном идейно-политическую ориентацию РСИ на «демократический социализм» и его место в международном рабочем движении как оппортунистической организации, противостоящей коммунистам. Последнее признается и современными социал-реформистами, называющими РСИ «полюсом, противостоящим Коммунистическому Интернационалу»<sup>2</sup>. Председателем РСИ был избран А. Гендерсон — лидер БЛП, в то время наиболее влиятельной из социал-демократических партий, а секретарями — Ф. Адлер (СПА) и Т. Шоу (БЛП). Постоянные органы РСИ разместились в Лондоне, затем были переведены в Цюрих, а позже — в Брюссель.

Небольшая часть центристов протестовала против значительных уступок, сделанных лидерами этого направления правым социал-демократам. По-прежнему придерживаясь так называемого «революционного социализма», независимые социал-демократы Германии, группа французских социалистов, российские левые эсеры и латвийские народники отказались войти в РСИ. В июле 1923 г. они создали Интернациональное информационное бюро революционных социалистических партий. Однако они не имели серьезного влияния, и их бюро бездействовало.

<sup>1</sup> Protokoll der ISAK, S. 15—16.

<sup>2</sup> Günsche K.-L., Lantermann K. Kleine Geschichte der Sozialistischen Internationale, S. 98.

Создание РСИ обеспечило консолидацию оппортунистического направления в международном рабочем движении. Входившие в РСИ партии насчитывали 6285 тыс. членов и пользовались поддержкой 25,6 млн. избирателей<sup>1</sup>. РСИ в соответствии с уставом установил тесные связи с руководством МФП, которую возглавляли социал-реформисты Л. Жуо и Я. Удегест. МФП объединяла почти 15,5 млн. членов профсоюзов. В мае 1923 г. поддержавшие РСИ Интернационал рабочей молодежи и Международное объединение социалистических организаций молодежи слились в Социалистический рабочий интернационал молодежи (СИМ), объединивший 33 союза, насчитывавших 250 тыс. членов.

Но укрепление позиций оппортунизма означало не преодоление, а дальнейшее углубление раскола международного рабочего движения, что привело к обострению борьбы оппортунистического и революционного направлений, которым воспользовались империалисты.

Первая оценка РСИ Коминтерном была дана уже в июне 1923 г. III расширенным пленумом ИККИ. В резолюции пленума о Гамбургском конгрессе РСИ убедительно характеризовался как оппортунистическая организация, а его создание рассматривалось как присоединение МРОСП — II <sup>1</sup>/<sub>2</sub> Интернационала ко II Интернационалу. Таким путем оппортунисты использовали усилившееся стремление рабочих к единству. Пленум отмечал, что конгресс не осмелился повторить антивоенных резолюций II Интернационала 1889—1914 гг. Оценив РСИ как оплот буржуазии, пленум предложил коммунистам бороться за единый фронт и противопоставить коалиции рабочих партий с капиталистами совместную борьбу всех рабочих партий против капиталистов.

Однако вопреки известному мнению В. И. Ленина о II Интернационале 1889—1914 гг. РСИ рассматривался как единственный его преемник и даже именовался II Интернационалом. Более того, многие надеялись на близкий распад, развал социал-демократии и находящихся под ее влиянием профсоюзов, на переход участвующих в них рабочих на сторону Коминтерна. Такие прогнозы в 20-х годах не оправдались, но правильность оценки Коминтерном характера РСИ как оппортунистической организации вполне подтвердилась.

---

<sup>1</sup> См.: Braunthal J. Op. cit., p. 264.

Руководство РСИ и ряда входивших в него партий, особенно СДПГ, во время острых классовых боев пролетариата в 1923 г. сотрудничало с буржуазией и отказывалось от совместных действий с коммунистами. В августе 1923 г. лидеры РСИ и МФП не ответили на направленное им ИККИ и руководством Профинтерна предложение об организации интернациональной помощи немецким рабочим в борьбе против фашизма и о проведении соответствующей международной конференции пролетарских организаций.

В середине августа 1923 г., когда всеобщая забастовка рабочих Германии заставила уйти в отставку реакционное правительство В. Куно, руководство СДПГ отвергло предложение КПП совместно создать рабоче-крестьянское правительство и предпочло вступить в союз с реакционными буржуазными партиями. Правые лидеры СДПГ доказывали необходимость такого союза для спасения Германии от «краха». В условиях назревания общенационального политического кризиса они выставляли лишь скромные требования валютной реформы, «полноценной» заработной платы, конфискации ценностей и реорганизации рейхсвера. В реакционном коалиционном правительстве Г. Штреземана они получили 5 мест, в том числе министров финансов, юстиции, восстановления, внутренних дел, заместителя главы правительства. Социал-демократ Ф. Эберт был тогда президентом Германской республики, а О. Браун возглавлял правительство Пруссии. Участие социал-демократов в буржуазном правительстве Штреземана вводило многих в заблуждение, буржуазная пресса называла это правительство «социалистическим».

Правительство Штреземана оказало финансовую поддержку реформистским профсоюзам, приняло некоторые меры для пополнения государственных средств за счет имущих, но несколько не улучшило положение народных масс, рабочих. Его главной заботой было «поддержание порядка», и ради этого оно подавляло выступления трудящихся.

Социал-реформисты участвовали в правительстве Штреземана и после его реорганизации в начале октября, когда оно получило чрезвычайные полномочия и использовало их для запрещения многих пролетарских организаций, а затем и для подавления выступлений рабочих вооруженной силой. Оценив это, один из лидеров

германских милитаристов В. Гренер писал, что «лучше всего бороться с коммунистами в союзе с социалистами»<sup>1</sup>.

На СДПГ легла ответственность за реакционную политику правительства Германии в августе — октябре 1923 г., в том числе и за подавление выступлений пролетариата. Это вызвало разногласия внутри партии. Недовольство большинства социал-демократов заставило правых лидеров уйти из правительства. Представители левого крыла СДПГ тем временем совместно с коммунистами создали рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии. Многие социал-демократы в борьбе против реакционных сил выступали вместе с КПГ, хотя это еще не означало их готовности подняться на вооруженную борьбу за свержение капитализма, за диктатуру пролетариата, на что тогда рассчитывало руководство КПГ. Прямая поддержка правыми социал-демократами буржуазии против выступлений передовой части пролетариата усилила разногласия внутри СДПГ, приведшие к некоторому уменьшению ее влияния.

Еще более противоречила интересам рабочего класса линия социал-демократов (широких) в Болгарии. Один из представителей БРСДП вошел (июнь 1923 г.) в фашистское правительство А. Цанкова, и «руководители социал-демократической партии полностью поставили себя на службу фашистской диктатуре»<sup>2</sup>, отклонив предложение БКП о едином фронте. В Польше социалисты участвовали в массовых стачках, достигших особенно широкого размаха в октябре — ноябре 1923 г., но лидеры ППС всюду стремились ограничить цели забастовщиков, призывали прекратить стачки после незначительных уступок правительства. Они убедили сложить оружие восставших рабочих Кракова. В это же время в хортистской Венгрии К. Пейер и другие правые лидеры СДП отказались от сотрудничества с КПВ, к чему стремились левые социал-демократы. Правые социал-демократы стали прислужниками контрреволюционного режима Н. Хорти.

Даже там, где социал-реформисты еще не решались на открытую поддержку реакционных сил, они отказы-

---

<sup>1</sup> См.: Орлова М. И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. М., 1973, с. 45.

<sup>2</sup> История Болгарской Коммунистической партии. М., 1971, с. 83.

вались от сотрудничества с коммунистами. В Италии весной и летом 1923 г. центристы не только воспрепятствовали слиянию ИСП и ИКП, но и противодействовали их совместным выступлениям против фашистов. В Англии, несмотря на требования многих лейбористов, правые помешали вступлению КПВ в БЛП. Укрепив свои позиции в Норвежской рабочей партии, центристы в ноябре 1923 г. добились ее выхода из Коминтерна.

Таким образом, уже первые шаги РСИ свидетельствовали о его неспособности выполнить свои собственные заявления и обещания о развертывании классовой борьбы, о поддержке массовых выступлений, о борьбе против реакции и об улучшении положения трудящихся. Его создание способствовало активизации выступлений большинства лидеров социал-демократии против коммунистов и за сотрудничество социал-реформистов с буржуазными партиями. Это вело к ослаблению позиций рабочего класса и содействовало стабилизации капитализма.

## ГЛАВА II. РАБОЧИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В ГОДЫ ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА

РСИ возник и начал свою деятельность в год острых столкновений рабочего класса с реакционными силами в ряде капиталистических стран Европы. Его линия способствовала новым поражениям революционного авангарда пролетариата и укреплению позиций буржуазии. Временная частичная стабилизация капитализма стала важнейшей чертой объективных условий дальнейшего развития РСИ.

### Во время частичной стабилизации капитализма

Стабилизация капитализма означала частичное укрепление экономических, политических и идеологических позиций буржуазии в капиталистическом мире. Благодаря очередному циклическому подъему промышленное производство капиталистических стран в 1924 г. было на 15, а в 1929 г. — на 45% выше, чем в 1913 г. Монополии использовали экономический подъем для увеличения прибылей и усиления своего влияния.

Вместе с тем стабилизация капитализма характеризовалась усилением наиболее приспособившихся к новым условиям и сумевших расширить свою массовую опору буржуазных партий — Католической партии центра и Немецкой национальной народной партии в Германии, партии консерваторов в Англии, Республиканской партии в США, блока Национального единения во Франции. Выдвигая идеи «совершенно нового капитализма», «вечного процветания» и «взаимного согласия», защитники интересов буржуазии во всех странах убеждали трудящихся, будто рост и усовершенствование производства одинаково выгодны предпринимателям и рабочим, призывали объединить усилия буржуазии и пролетариата для «процветания» национальной экономики. Особое внимание уделялось укреплению доверия к буржуазному государству, которое изображалось как стоящий над

классами арбитр, поборник социальной справедливости и мира.

Но там, где империализм не мог укрепить свою власть такими средствами, он прибегал к грубому насилию и террору. В Италии фашисты добились полной ликвидации демократических свобод, установили свою «тотальную» диктатуру и создали так называемое корпоративное государство. Террористическая диктатура фашистского типа свирепствовала в Венгрии, Болгарии и Испании. Беспощадно расправлялись со своими противниками реакционные правящие круги Югославии, Румынии, Австрии. Реакционеры всюду преследовали и травили рабочих-активистов, особенно коммунистов как «предателей нации», «врагов спокойствия и благополучия», «агентов СССР» и т. п.

Империалистам удалось временно сговориться о разделе мира, и поэтому идеологи и политические деятели буржуазии почти всех стран провозгласили вечный мир, «эру пацифизма» и разоружения. Эти демогогические лозунги, привлекая многих трудящихся, объективно способствовали укреплению влияния буржуазии. В то же время империалисты увеличивали вооружение и разжигали шовинизм, вооруженной силой стремились подавить освободительные выступления народов колоний и зависимых стран — Китая, Индонезии, Сирии, Ливана, Марокко, Бразилии и др.

В годы частичной стабилизации капитализма положение рабочего класса и других трудящихся в ряде капиталистических стран по сравнению с предшествовавшим периодом несколько улучшилось. Безработица уменьшилась. Реальная заработная плата увеличилась. Но капиталистическая рационализация производства — совершенствование организации труда, ускорение хода машин и движения конвейерной ленты, увеличение числа агрегатов, обслуживаемых одним рабочим, хронометражи, повышение норм выработки привели к усилению эксплуатации рабочих. Производительность труда и прибыли предпринимателей росли гораздо быстрее, чем происходило повышение заработной платы. Перенапряжение рабочих, связанное с повышением интенсификации труда, привело к росту числа несчастных случаев. Высвобожденные в результате рационализации производства рабочие пополняли ряды безработных, количество которых в капиталистических странах в те годы составляло

около 5 млн. Еще более тяжелым было положение трудящихся колониальных и зависимых стран. Несмотря на относительное и частичное улучшение их положения, стабилизация капитализма была достигнута в значительной мере за счет усиления их эксплуатации и грабежа угнетенных наций.

Стабилизация капитализма не была всеохватывающей и полной. Империалистические державы не могли ликвидировать СССР. Буржуазия оказалась не в состоянии упрочить свои позиции во всех капиталистических странах, добиться роста всех отраслей экономики и преодолеть кризис колониальной системы империализма. Общий кризис капитализма и все присущие ему противоречия — между капиталистической и социалистической системами, между буржуазией и пролетариатом, между метрополиями и колониями, между различными империалистическими державами — продолжали углубляться, расшатывая капитализм. Эта стабилизация была частичной, непрочной и недолгой.

Мировой революционный процесс в эти годы развивался сравнительно медленно, но не прекращался. Его развитие характеризовалось прежде всего укреплением СССР, добившимся в 1924 г. дипломатического признания со стороны многих капиталистических держав. Отвергнув капитулянтские позиции антипартийных элементов, активизировавшихся после смерти В. И. Ленина, РКП(б) отстояла и разработала ленинскую перспективу строительства социализма в СССР, соответствующую коренным интересам рабочего класса всех стран. Был взят курс на ускоренную социалистическую индустриализацию страны, имевший решающее значение для создания материально-технической базы социализма, для укрепления обороноспособности страны в условиях капиталистического окружения. Успехи в плановом развитии экономики, укрепление социалистического хозяйства позволили упрочить союз рабочего класса с основной массой крестьянства и приступить к социалистическому преобразованию сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б) ориентировал коммунистов на наступление социализма по всему фронту. Успехи СССР способствовали усилению стремления трудящихся к социализму во всем мире.

Основной силой, противостоявшей империализму в капиталистическом мире, оставался рабочий класс. Но его общественно-политическая роль в годы частичной

стабилизации капитализма снизилась в результате поражения ряда выступлений пролетариата и преследований со стороны реакционных сил, а также усиления влияния идеологии и политики буржуазии; немало рабочих ушло из пролетарских организаций. Общее число членов рабочих партий и профсоюзов в капиталистическом мире в годы стабилизации капитализма было значительно ниже, чем в период революционного подъема. Заметно меньше, чем до 1924 г., происходило массовых выступлений пролетариата, в целом уменьшилось число их участников.

Особенно тяжелыми были потери революционного авангарда рабочего класса — компартий. Количество коммунистов в капиталистическом мире в 1925 г. составляло 443 тыс., а членов поддерживавших их профсоюзов насчитывалось 4 млн.<sup>1</sup> В годы частичной стабилизации капитализма компартиям капиталистических стран не удалось добиться существенного роста своих рядов и расширения влияния.

Значительно многочисленнее компартий были социал-реформистские партии. В 1925 г. партии РСИ насчитывали 6285 тыс. членов. К 1928 г. их численность возросла до 6638 тыс., т. е. всего на 5,7%. Число членов руководимых социал-реформистами профсоюзов — МФП — сократилось с 1925 по 1927 г. с 15,5 до 13,2 млн., т. е. на 15%<sup>2</sup>. Перевес оппортунистического направления над революционным в этот период был более значительным, чем в предшествовавшие годы, особенно в капиталистической Европе, которой, по существу, и ограничивалось влияние партий РСИ.

Это имело ряд причин. Во-первых, политическое, идеологическое и экономическое противодействие буржуазии рабочему движению стало еще сильнее, чем прежде, и было заострено против его революционного авангарда — коммунистов. Во-вторых, шире и острее стала проводимая социал-реформистами антикоммунистическая кампания. В-третьих, против коммунистов было обращено

---

<sup>1</sup> См.: Международное революционное движение рабочего класса. М., 1964, с. 349.

<sup>2</sup> См.: Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale in Marseille 22. bis 27. August 1925 (далее: Zweiter Kongress. . .). В., 1925, S. 231; Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale. Brüssel 5. bis 11. August 1928 (далее: Dritter Kongress. . .). Zürich, 1928, S. IV, 164.

развивавшееся сотрудничество социал-реформистов с буржуазными партиями. В-четвертых, социал-реформисты активизировали пропаганду и политику сотрудничества рабочего класса с буржуазией. В-пятых, распространению реформистских и пацифистских иллюзий способствовали относительное улучшение положения трудящихся и ряд соглашений между империалистическими державами. Наконец, все противники коммунистического движения использовали в своих целях предшествовавшие поражения революционного авангарда пролетариата и ослабление компартий капиталистических стран, а также то, что в Коминтерне «отдельные проблемы международного рабочего и коммунистического движения не получили в этот период последовательного марксистско-ленинского решения»<sup>1</sup>.

Однако борьба пролетариата за улучшение своего положения, против усиления эксплуатации, за социальную справедливость продолжалась. В 1924—1928 гг. только в 11 странах развитого капитализма было свыше 28,5 тыс. стачек, в которых участвовало более 11,5 млн. трудящихся, а число забастовочных человеко-дней достигло почти 218 млн. Особенно широкий размах забастовочное движение имело в Англии, Германии, США, Франции и Японии. Преобладавшая с начала стабилизации тенденция спада стачечной борьбы сменилась в 1928 г. в целом и в большинстве стран некоторым оживлением. В годы стабилизации было немало крупных массовых выступлений, имевших политическое значение или выдвигавших политические требования. Особенно мощной являлась всеобщая стачка 1926 г. в Англии. Иногда столкновения трудящихся с реакционными силами приобретали самый острый характер. В 1927 г. против полиции и войск реакционного правительства с оружием в руках сражались рабочие Вены.

В мировом революционном движении увеличился удельный вес и возросло значение национально-освободительной борьбы народов колоний и зависимых стран. Китайская революция, восстание в Индонезии, вооруженная борьба в Бразилии свидетельствовали об усилении в национально-освободительном движении роли рабочего класса.

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 309.

В условиях частичной, неустойчивой и временной стабилизации капитализма Коминтерн и его партии всемерно содействовали строительству социализма в СССР, решительно выступали против идеологии и политики сотрудничества пролетариата с буржуазией, защищали повседневные интересы трудящихся и подчеркивали решающее значение вопросов о власти и собственности. Они стремились втянуть в борьбу против капитализма самые широкие слои трудящихся, сплотить рабочий класс, обеспечить ему поддержку крестьян, возглавить растущее национально-освободительное движение. Коммунисты много сделали для укрепления интернациональной солидарности рабочего класса и других прогрессивных сил в борьбе за упрочение мира, против милитаризма и колониализма, в поддержку СССР, китайской революции, народных восстаний в арабских странах, Индонезии и Бразилии, английских забастовщиков в 1926 г., рабочих-повстанцев Австрии. Серьезным достижением Коминтерна были очищение коммунистического движения от оппортунистических, левацких и неустойчивых элементов, большевизация компартий и формирование в них марксистско-ленинского руководства. В эти годы «коммунистическое движение сделало шаг вперед в деле идейного и организационного укрепления своих рядов»<sup>1</sup>.

Деятельность Коминтерна не была свободна от недостатков. С некоторым опозданием ИККИ признал начало стабилизации капитализма и необходимость изменения тактики. Переоценивая перспективы революционного движения в странах развитого капитализма, Коминтерн ориентировался на подготовку в них только социалистических революций, причем диктатуру пролетариата считал возможной лишь в форме Советов. Это влекло за собой некоторую недооценку демократических задач и разнообразия средств борьбы. Справедливо возмущенные антикоммунизмом социал-реформистов и поддержкой ими стабилизации капитализма, многие коммунисты подходили к социал-демократии односторонне, считали ее левым крылом буржуазии и преувеличивали ее роль как опоры капитализма. В то же время они недооценивали устойчивость влияния социал-реформистов и рас-

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 309.

считывали, что уже в близком будущем поддерживавшие их рабочие перейдут на сторону компартий. «Неоправданным был тезис, что социал-демократия представляла наибольшую опасность, и поэтому против нее в определенный период был нацелен главный удар, что, по сути, явилось одним из выражений сектантских тенденций»<sup>1</sup>. Несмотря на все это, именно Коминтерн и его партии наиболее полно выражали и решительнее всех защищали интересы рабочего класса и других трудящихся, а также угнетенных наций. Коммунисты героически боролись против сил реакции и фашизма, были инициаторами массовых выступлений пролетариата.

Социал-реформисты были не прочь превратить РСИ во всемирную организацию, объединив рабочие партии Латинской Америки и Азии. В 1924 г. в РСИ были приняты Рабочий союз Британской Гвианы и Социалистическая партия Аргентины, в 1925 г.— Социал-демократическая партия Китая. Однако расширить влияние социал-реформизма в колониальных и зависимых странах оказалось трудно, да и серьезных мер для этого не предпринималось. РСИ оставался, по существу, европейской организацией. После присоединения к нему Социалистической партии Португалии (1925), Швейцарской социал-демократической партии и Исландского рабочего союза (1926) он имел свои партии во всех европейских странах, кроме Норвегии, Ирландии и Албании. «Центр тяжести рабочего движения — утверждал РСИ,— находится в странах развитого капитализма»<sup>2</sup>.

Объединенные РСИ партии развивались неравномерно. Действительно крупными и влиятельными являлись БЛП, Социал-демократические партии Германии, Австрии, Бельгии, Швеции, Дании, Франции, Нидерландов, Финляндии, Швейцарии, Латвии, Эстонии, Чехословакии. Значительно слабее были другие социал-демократические партии, несмотря на то, что везде в капиталистическом мире, кроме Италии, они действовали тогда легально. Пестрота состава этих партий обусловила существование в них различных течений, борьба между которыми в основном не выходила за рамки социал-реформизма. Из-за споров в ряде стран, включая Англию, Австрию, Чехословакию, Венгрию и Польшу,

---

<sup>1</sup> *Суслов М. А.* Избранное. Речи и статьи. М., 1973, с. 558.

<sup>2</sup> *Dritter Kongress... S. II, 2.*

социал-демократическое движение оставалось расколотым. Членами РСИ были также социал-реформистские партии Армении, Грузии, Украины, меньшевики и эсеры России, обосновавшиеся за границей и продолжавшие контрреволюционную борьбу против большевиков и Советской власти.

Положение, состав, опыт, конкретные задачи, а также взгляды и политика входивших в РСИ партий не были совершенно одинаковы. Существовавшие между ними расхождения усиливались в результате влияния буржуазного национализма. Но их довольно прочно объединял социал-реформизм. Различные социал-демократические группы и партии, придерживавшиеся так называемого «революционного социализма», не могли противостоять реформизму, подчинялись ему или оказывались разрозненными и парализованными. Попытка некоторых деятелей социал-демократии вновь создать особый интернациональный центр с участием не входивших в РСИ социал-демократических партий (Социалистической партии Италии, Норвежской рабочей партии, Независимой социал-демократической партии Германии) успеха не имела. Добиваясь укрепления единства РСИ, его лидеры отвергли не только попытку руководителей НРП Англии организовать совместную конференцию РСИ и Коминтерна для выяснения возможности их объединения, но и всякие предложения Коминтерна, направленные на установление любых контактов с РСИ.

Идейно-политическое развитие международной социал-демократии в годы частичной стабилизации капитализма, несмотря на специфику различных социал-демократических партий, имело ряд общих черт. Во-первых, социал-демократические партии, осуждая капитализм в принципе и провозглашая необходимость его замены социализмом, не считали возможным выступать за изменение существующего социально-экономического строя, ориентировались на содействие его эволюции путем сотрудничества с господствующим классом. Характерной стала трактовка социал-реформистами роста капиталистического производства, капиталистической рационализации производства и усиления монополий как смягчения капиталистических противоречий и образования «нового капитализма», «организованного капитализма» (Р. Гильфердинг). Это благоприятствовало появлению концепций «хозяйственной демократии», якобы обеспе-

чивающей подчинение частных интересов общественным без ликвидации частнокапиталистической собственности, и «производственной демократии», будто бы гарантирующей интересы трудящихся посредством их участия в управлении частнокапиталистическими предприятиями. Делались попытки доказать, что «„хозяйственная демократия” тождественна с построением социализма и рассматривается как процесс превращения экономической системы капитализма в социалистическую»<sup>1</sup>.

Даже призывы заняться «не латанием прорех негодной системы, а преобразованием капитализма в социализм», «облегчить и подготовить переход к социалистическому обществу»<sup>2</sup>, выдвигавшиеся в 1927—1928 гг. некоторыми социал-демократическими партиями по настоянию многих рабочих, на деле интерпретировались как расширение государственного вмешательства в экономическое и социальное развитие, постепенная национализация за компенсацию важнейших отраслей хозяйства, государственный контроль над монополиями без изменения основ существующего строя. Распространилось стремление поддержать капиталистическую рационализацию производства как объективно прогрессивный процесс и использовать путем сотрудничества пролетариата с буржуазией ее успехи для перераспределения прибыли в пользу трудящихся и преодоления классовых противоречий. Однако углубление противоречий капитализма и обострение классовой борьбы к концу 20-х годов свидетельствовали о несостоятельности этих надежд, концепций и призывов.

Во-вторых, характерным для развития социал-демократических партий стало усиление стремления к расширению сотрудничества с буржуазными политическими партиями и ориентация на совершенствование существующего общественно-политического строя (кроме фашистских государств, где социал-демократия находилась в более или менее решительной оппозиции). Доказывалось, будто буржуазное государство теряет свой классовый характер. Одни полагали, что в капиталистических странах «демократия тождественна господству пролетариата, а государство само действует как социальная сила, кото-

---

<sup>1</sup> *Wirtschaftsdemocratie: ihr Wesen, Weg und Ziel*. Berlin, 1928, S. 175.

<sup>2</sup> *Милибэнд Р.* Парламентский социализм. М., 1964, с. 218.

рая становится фактором осуществления нового общественного порядка»<sup>1</sup>. Такие взгляды были отправным пунктом для концепции «демократического социализма» — социализма в рамках имевшейся в капиталистических странах демократии, якобы обеспечивающей равноправие всех классов, без установления власти пролетариата. Другие выдвинули планы создания основанного на сотрудничестве рабочего класса и буржуазии «смешанного государства», которое они хотели сделать «государством всеобщего благосостояния»<sup>2</sup>. Третьи уверяли, что преобразование капитализма в социализм уже совершается понемногу каждый день, и пропагандировали идею «революционной эволюции», отвергающую необходимость установления власти рабочего класса.

Социал-демократические партии расширили различные формы сотрудничества с буржуазными партиями, проводили в отношении их «политику взаимопонимания». Если социал-демократы находились в оппозиции, то почти везде, кроме фашистских государств, они стремились сделать свою оппозицию «благожелательной». В некоторых странах они поддерживали буржуазные правительства, не принимая в них непосредственного участия. В ряде капиталистических стран социал-демократы участвовали в различных коалиционных правительствах и даже создавали свои правительства.

В начале 1924 г. впервые было создано просуществовавшее всего несколько месяцев лейбористское правительство в Англии. В декабре того же года социал-демократы вступили в коалиционное буржуазное правительство Эстонии, подавившее революционное выступление трудящихся Таллина. К середине 1925 г. социал-демократы участвовали в правительствах пяти капиталистических государств. В 1926 г. они лишились там своих министерских постов. В 1926—1928 гг. недолгое время социал-демократы входили в правительства шести других капиталистических стран; к середине 1928 г. они имели посты только в коалиционном правительстве Германии.

В одних коалиционных правительствах социал-демократы составляли меньшинство (Эстония), в других играли значительную роль и даже возглавляли их (Герма-

---

<sup>1</sup> *Wirtschaftsdemokratie: ihr Wesen, Weg und Ziel*, S. 176.

<sup>2</sup> См.: *Чернышева О. В.* Рабочее движение в Швеции. 1929—1939. М., 1971, с. 15.

ния). Одни социал-демократические правительства не имели большинства в парламенте (Англия, Швеция), другие располагали им (Дания). Всякий раз участие в правительстве обосновывалось «политической целесообразностью» и необходимостью способствовать удовлетворению некоторых требований трудящихся. Ни в одном случае социал-демократы не ставили перед собой социалистических задач. Даже выполнение предвыборных обещаний не считалось ими обязательным, так как в Англии и в других странах они стремились «ограничить, — как выражался Д. Р. Макдональд, — наши законодательные предложения мерами, имеющими шансы на успех в палате общин»<sup>1</sup>, т. е. у буржуазного большинства парламента. Их деятельность сводилась в лучшем случае к усовершенствованию социального обеспечения, расширению общественных работ, строительства жилищ, просвещения. При этом участие в правительствах оказывало на лидеров социал-демократии заметное влияние. «Люди, столкнувшиеся с такими обязанностями, — писал о министрах-лейбористах хорошо их знавший Дж. Томас, — уже никогда не смогут снова стать прежними беззаботными пропагандистами. Им суждено до конца дней оставаться ответственными политиками, памятующими только о великих интересах отчизны»<sup>2</sup>.

В то же время для рабочего класса результаты деятельности социал-демократических правительств, как и участия социал-демократов в коалиционных правительствах капиталистических стран, были ничтожны. Это только подтверждало невозможность решить волновавшие трудящихся проблемы путем сотрудничества социал-реформистов с буржуазными партиями.

В-третьих, социал-демократы сосредоточили свои силы на выборах в парламенты и органы местного самоуправления. Прочие выступления трудящихся, в том числе стачки, рассматривались ими как вспомогательное средство давления на господствующие классы и правящие круги, не имеющее самостоятельного и тем более решающего значения. «...Всякая попытка восстать против парламентских учреждений внепарламентскими средствами, — предупреждал рабочих Дж. Томас, — ударит рикошетом по нам же самим»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Милибенд Р. Парламентский социализм, с. 146.

<sup>2</sup> Там же, с. 161.

<sup>3</sup> Там же, с. 117.

Социал-реформисты стремились ограничить забастовочное движение компромиссными решениями конфликтов между рабочими и предпринимателями путем переговоров или арбитража, заинтересовать рабочих в увеличении капиталистического производства, призывали их умерить свои требования. Они добились прекращения всеобщей забастовки 1926 г. в Англии, заставили прекратить борьбу рабочих Австрии в 1927 г. За социал-демократов на парламентских выборах во второй половине 20-х годов было подано 42,3% всех голосов в Австрии, 40,9% в Швеции, 39,4% в Бельгии, 37,2% в Дании, 34% в Англии, 33% в Латвии, 28,3% в Финляндии, 25% в Швейцарии, 22,9% в Эстонии и Голландии<sup>1</sup>. Но в целом за вторую половину 20-х годов количество избирателей, голосовавших за социал-демократию, сократилось с 25,6 до 25,2 млн. Число депутатов-социал-демократов в парламентах также уменьшилось. Ставка на успехи на выборах и в парламентской борьбе не оправдывалась.

В-четвертых, социал-демократические партии почти во всех капиталистических странах не имели серьезной альтернативы внешнеполитическому курсу империалистических кругов. Их выступления за демократизацию внешней политики путем расширения над ней парламентского контроля, за нормализацию отношений с СССР и мирное урегулирование возникавших тогда международных конфликтов, за отказ от вооруженной интервенции, смягчение колониализма, а в отдельных случаях и за разоружение в целом не выходили из русла внешней политики правящих кругов своих государств, за рамки «благожелательной» оппозиции.

В-пятых, характерной чертой развития социал-демократии было усиление ее антикоммунизма. Повторяя вымысел лидера российских меньшевиков Ю. Мартова, будто базой большевизма является лишь отчаяние доведенных до нищеты отсталых слоев трудящихся, социал-реформисты отрицали наличие почвы для большевизма в «цивилизованных» странах. Они продолжали добиваться ослабления и ликвидации коммунистических партий, распространяя измышления об их «фанатичной приверженности насилию и разрушению». Вместе с лидером грузинских меньшевиков Н. Жорданией правые социал-реформисты называли коммунистов и фашистов «сиам-

---

<sup>1</sup> См.: Dritter Kongress..., S. IV, 164.

скими близнецами», клеветнически изображали коммунистов противниками демократических свобод. Только исключительные обстоятельства заставили руководителей СДПГ в 1927 г. вступить в недолгое соглашение с КППГ для борьбы против реакции. Характерными же для нее, как и для других социал-демократических партий, были категорический отказ от сотрудничества и даже контактов с коммунистами, выступления за организационное единство рабочих партий путем подчинения коммунистов социал-реформистскому большинству.

Вместе с тем усилились выступления правых социал-реформистов против марксизма — основы идеологии и политики коммунистов. Во Франции необходимость диктатуры пролетариата пытались опровергнуть П. Ренодель, М. Деа и др. За ликвидацию марксизма в Бельгии выступил А. де Ман, выпустивший книгу «По ту сторону марксизма». К отказу социал-демократии от марксизма в Германии призывал Р. Гильфердинг, а в Швеции — Р. Линдстрем. В Англии лидеры БЛП всякой теории, в том числе марксистской, противопоставляли традиционный прагматизм. Р. Д. Макдональд призывал «возвысить важнейшие проблемы дня над партийной борьбой»<sup>1</sup>.

Особенно решительно социал-реформисты стремились оградить трудящихся капиталистических стран от подтверждавшего марксистское учение опыта СССР и воздействия его примера. Умалчивая о достижениях советского народа, они очерняли советский строй, внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства, клеветнически обвиняли его в терроризме и агрессивности. Активизация социал-реформистского антикоммунизма, а также антисоветизм лидеров социал-демократических партий вели к обострению борьбы между оппортунистическим и революционным направлением в рабочем движении, углубляли раскол и тормозили укрепление позиций рабочего класса в капиталистических странах.

В-шестых, существенной чертой развития социал-демократии в годы частичной стабилизации капитализма было усиление ее дифференциации. Объективно самое глубокое противоречие существовало между социал-реформизмом и коренными интересами массы участвовавших в социал-демократическом движении трудящихся. Однако подавляющее большинство социал-демократов —

---

<sup>1</sup> Миллибэнд Р. Парламентский социализм, с. 228.

рабочих и служащих не осознавали тогда этого противоречия. «Рабочие социал-демократы, — как отмечалось позже на VII конгрессе Коминтерна, — годами были твердо убеждены в правильности пути, которым они шли»<sup>1</sup>. Это основное противоречие, как и другие, существовавшие между интересами вовлеченных в социал-демократическое движение разнородных пролетарских и мелкобуржуазных элементов, прямо или косвенно отражались в идейно-теоретических и политических спорах, в борьбе различных тенденций.

В каждой социал-демократической партии имелись течения или группы, толкавшие партию вправо, к более тесным связям с буржуазией, или влево, к более активной защите некоторых интересов трудящихся. Предметом разгоравшихся споров были характер существующего государства, значение классовой борьбы, союз социал-демократии с буржуазными партиями и участие социал-демократов в правительствах капиталистических стран, оценка Лиги наций и соглашений между империалистическими державами, значение массовых выступлений, необходимость установления власти рабочего класса, возможность сотрудничества с коммунистами и некоторые другие. Однако споры, как правило, не выходили за рамки социал-реформизма и за редким исключением к организационному разрыву, к расколу еще не приводили. Виднейшими представителями первого — правого направления были А. Гендерсон, Дж. Томас, О. Вельс, О. Браун, Р. Гильфердинг, К. Реннер, П. А. Хансен, Р. Линдстрем, П. Ренодель, М. Деа, А. де Ман, Ф. Турати. Наиболее известными деятелями левого крыла тогда являлись Дж. Мэкстон, Д. Уитли, Г. Ледебур, М. Зейдевиц, Г. Дисман, Дж. Матеотти, А. Энгберг, Г. Брантинг, Ж. Зиромский, Л. Блюм, Ю. Дейч. Соотношения сил этих течений в каждой партии в значительной мере определяло особенности ее линии и эволюции. Многие видные руководители социал-демократических партий и РСИ в то время — Л. Блюм, П. Фор, Г. Мюллер, А. Криспин, О. Бауэр, Ф. Адлер и другие составляли самое влиятельное умеренное направление, стремившееся формировать установки и проводить линию социал-демократии как равнодействующую всех течений, своеобразный вектор

---

<sup>1</sup> VII. Kongress der Kommunistischen International. Gekürztes stenographisches Protokoll. M., 1939, S. 330.

их сил. Обострение классовых противоречий в капиталистических странах вело к усилению дифференциации в социал-демократическом движении, к его кризису.

Позиции социал-реформистских партий по наиболее важным международным проблемам согласовывались и разрабатывались на заседаниях Исполкома, созывавшихся дважды в год. В них участвовали представители 25 социал-демократических партий и ряда связанных с РСИ международных организаций. Четыре-пять раз в год собиралось Бюро Исполкома, в котором участвовали представители социал-демократии 9 крупнейших стран. Организационно-технические вопросы решались Административной комиссией. Постоянно действовал Секретариат.

Кроме того, в РСИ создавались постоянные комиссии (по изучению положения политических заключенных, национальных меньшинств), проводились специальные конференции (по техническим вопросам социалистической печати), созывались региональные конференции социал-демократических партий Балканских стран, Западной Европы, Прибалтийских государств, Северо-Восточной Европы. Исполкомом публиковались первомайские воззвания и воззвания о различных событиях. С сентября 1924 г. издавался еженедельник.

Добиваясь консолидации рабочих организаций на основе социал-реформизма, руководители РСИ укрепляли сотрудничество РСИ с МФП и возникшими по инициативе социал-реформистов другими международными организациями трудящихся. С 1924 г. работал Совместный комитет руководителей РСИ и МФП, проводились совместные заседания Бюро и Исполкомов этих организаций «при свободе и независимости в тактике и организации», где рассматривались крупные вопросы, например о всеобщей забастовке в Англии, об опасности войны и т. п. РСИ и МФП часто выступали сообща. Исполком и Секретариат РСИ поддерживали тесные связи с Международным социалистическим комитетом женщин, Социалистическим интернационалом молодежи, Интернационалом социалистического образования (возник в 1924 г.), Интернациональным социалистическим союзом спорта и физической культуры (1927), Международным альянсом социалистов-юристов (1928). Хотя руководители Международного кооперативного союза отказались войти в совместный комитет РСИ и МФП, социал-реформисты ак-

тивно работали в этой организации, объединявшей около 50 млн. человек 31 страны.

### **Исполком РСИ и интернациональные задачи рабочего класса**

Идейно-политическое лицо РСИ в годы частичной стабилизации капитализма во многом определялось отношением Исполкома и других его органов к важнейшим проблемам тех лет. К их числу принадлежали прежде всего социалистическое строительство в СССР и международное коммунистическое движение, столкновения рабочего класса с буржуазией, прогрессивных сил с реакцией, национально-освободительного движения с колонизаторами, международные противоречия и сохранение мира.

Исполком и другие органы РСИ продолжали выступать за нормализацию отношений капиталистических стран с СССР, одобряли договор, подписанный лейбористским правительством Англии с Советским Союзом, протестовали против выдвигавшихся реакционными кругами империалистических держав условий признания СССР, против угрозы антисоветской интервенции, осуждали разрыв консерваторами отношений между Англией и СССР, высказывались за развитие дружественных отношений с Советским Союзом всех государств Европы, за вступление СССР в Лигу наций. Они подчеркивали и даже преувеличивали значение таких выступлений социал-реформистов для выхода СССР из изоляции и улучшения его международного положения, игнорируя борьбу коммунистов всех стран, активную внешнеполитическую деятельность Советского правительства и успехи советского народа в хозяйственном и культурном строительстве.

В действительности выступления Исполкома РСИ за признание СССР и сотрудничество с ним капиталистических государств во многом обесценивались нападками его лидеров на советский строй и политику большевиков, измышлениями об «ошибках и авантюристическом духе советской дипломатии»<sup>1</sup>, игнорированием советских предложений об упрочении мира и разоружении, злостными вымыслами о том, что СССР якобы аннексировал

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. I, 13.

Грузию и Армению и угрожает соседним странам, стремясь расширить свои западные границы, использует улучшение своего международного положения для агрессивных действий.

Несмотря на содействие Исполкома РСИ нормализации отношений капиталистических стран с СССР, социал-реформисты добивались изоляции трудящихся капиталистических стран от Советского Союза, очерняли и отвергали опыт, уроки и пример впервые в мире начатого строительства социализма.

Исполком РСИ продолжал игнорировать СССР как качественно новое явление в мировом развитии, как страну строительства социализма. Политический строй Советского Союза расценивался как «просвещенный абсолютизм» пролетарского меньшинства, опирающийся на штыки и якобы направленный против части самого рабочего класса СССР<sup>1</sup>. Исторически сложившаяся в СССР однопартийная политическая система осуждалась. В январе 1925 г. Бюро РСИ и Правление МФП совместно выступили против заявления побывавших в Советском Союзе деятелей британских тред-юнионов об улучшении экономического положения СССР и наличии в нем свободы религиозных общин и наций. Руководители РСИ и МФП вновь обвинили СССР в отсутствии свободы прессы, собраний и коалиций на том основании, что такой свободы лишены контрреволюционеры. Они заявили, что большевики, вопреки ожиданию социал-реформистов, не воспользовались улучшением международного положения СССР для ослабления, «либерализации внутреннего режима». В 1928 г. некоторые видные деятели РСИ пытались вмешаться во внутривнутрипартийные дела ВКП(б), высказывались в защиту оппозиции.

Исполком и другие органы РСИ во второй половине 20-х годов продолжали систематическую борьбу против Коминтерна и компартий. Секретариат РСИ выразил соболезнование в связи со смертью В. И. Ленина и в целом высоко оценил его деятельность. Но это нисколько не изменило отношение РСИ к коммунистическому движению, продолжавшему дело В. И. Ленина. В 1925 г. Исполком РСИ заявил, будто компартии находятся в политической и финансовой зависимости «от Москвы». В письме, разосланном социал-демократическим партиям, Секретариат утверждал, что компартии якобы пред-

---

<sup>1</sup> См.: Zweiter Kongress. . . , S. 45.

ставляют собой безвольное орудие Коминтерна. Этим были заложены в социал-демократическом движении основы клеветнического вымысла о «руке Москвы» и «пережидении» компартий в орудие внешней политики СССР.

Не решаясь на открытый отказ от марксизма, руководители РСИ уверяли, что расхождения социал-реформистов с коммунистами сводятся только к конкретным вопросам интернационального развития и организации, не касаются теории. В то же время они стремились дискредитировать идеи В. И. Ленина, осуждали Коминтерн за то, что он опирался на СССР и боролся за сплочение вокруг СССР пролетариата всех стран, т. е. выступали против соответствовавшей сложившимся тогда условиям конкретно-исторической формы пролетарского интернационализма. Вместе с тем они утверждали, что Коминтерн центр тяжести своей деятельности перенес в колонии и зависимые страны, чем пытались подкрепить свои претензии на гегемонию в рабочем движении капиталистических стран.

Извращая идеи и деятельность коммунистов, руководство РСИ обвиняло коммунистов в неограниченной власти вождей, монополии одной партии и т. д. Ссылаясь на эти вымыслы, никак не согласовавшиеся с документами и практикой Коминтерна, Исполком и другие органы РСИ пытались возложить на коммунистов всю ответственность за раскол международного рабочего движения и обострение борьбы между социал-демократическими и коммунистическими партиями.

Отвергая предложения Коминтерна и компартий о контактах и сотрудничестве, руководители РСИ осуждали идею единого рабочего фронта — совместных действий всех рабочих организаций при сохранении их самостоятельности, — как якобы нацеленную на превращение социал-демократических партий в коммунистические. Высказываясь за единство рабочего движения, социал-реформисты противопоставляли выдвинутой коммунистами реалистической концепции единого рабочего фронта лишенную тогда конкретности и реальной почвы альтернативу организационного объединения различных рабочих партий, создания единых рабочих партий. На первый взгляд такое требование могло показаться более радикальным и полным решением проблемы единства рабочего движения, чем предлагавшийся коммуни-

стами единый рабочий фронт. Этим оно привлекало многих организованных рабочих, еще не сумевших понять глубину расхождений между революционным и оппортунистическим направлениями, отнюдь не сводившихся к разногласиям в организационных вопросах и тактике. Однако создание единых рабочих партий коммунистами и социал-демократами в то время не могло быть непосредственно следующим шагом развития рабочего движения. Отправным пунктом такого процесса могло стать предлагавшееся коммунистами сотрудничество в едином рабочем фронте. Требование организационного объединения в условиях, когда невозможно было договориться даже о совместных выступлениях, на деле являлось демагогическим вариантом бесплодного лозунга «Все или ничего!». Для демонстрации своего стремления к единству рабочего движения лидеры РСИ использовали унаследованную от МРОСП идею организационного объединения рабочих партий тем шире и активнее, чем больше была их уверенность в том, что при изменившемся в пользу социал-реформистов соотношении сил революционного и оппортунистического направлений такое объединение означало бы подчинение революционного направления оппортунистическому и привело бы к ликвидации коммунистического движения.

Некоторая часть социал-реформистов надеялась, что после осуждения ИККИ троцкистско-зиновьевской оппозиции (ноябрь—декабрь 1926 г.) линия Коминтерна изменится. Такая надежда не оправдалась, и в 1926 г. социал-реформистами публикуется специальная брошюра, в которой РСИ выставляется единственным поборником сплочения рабочего движения<sup>1</sup>, а вместе с тем обосновывается продолжение его борьбы против Коминтерна и компартий. РСИ вел борьбу против возникших по инициативе коммунистов массовых организаций — Межрабпома, Лиги борьбы против колониального угнетения. Он объявил эти организации «орудиями Коминтерна», требовал их бойкота и роспуска. Когда часть голландских социал-демократов вступила в Антиимпериалистическую лигу, Исполком РСИ высказал резкое недовольство.

Органы РСИ осуждали тактику Коминтерна и компартий, особенно в связи со всеобщей забастовкой в Анг-

---

<sup>1</sup> См.: Die Einheit der Arbeiterklasse. Berlin, 1926.

лии и революцией в Китае. Для дискредитации тактики коммунистов использовались авантюристические выступления Зиновьева, Троцкого и их сторонников, получившие отповедь в ВКП(б) и ИККИ, а также сектантские ошибки отдельных компартий, выправлявшиеся Коминтерном. Лидеры РСИ стремились доказать, будто коммунисты, выдвигая нереальные задачи, толкают трудящихся на путь авантюры. Они пытались возложить на компартии значительную часть ответственности за поражения крупных выступлений пролетариата в годы частичной стабилизации капитализма, неудача которых во многом была обусловлена капитулянтской линией социал-реформистов.

Антикоммунистическая деятельность руководства РСИ углубляла раскол международного рабочего движения, осложняла укрепление его революционного направления, обостряла отношения между социал-демократами и коммунистами, затрудняла необходимое единство их действий, была на руку врагам рабочего класса и вызывала справедливое возмущение коммунистов.

Исполком и другие органы РСИ считали себя представителями интересов и представителями рабочего класса. Они выступали от имени большинства организованных рабочих капиталистических стран и называли рабочий класс «единственной силой в развитии человечества, чье историческое призвание состоит в том, чтобы осуществить великую цель мировой организации, которая освободит мир от капиталистической эксплуатации»<sup>1</sup>. РСИ призывал рабочий класс к борьбе против капиталистической эксплуатации и капиталистического общественного строя, за новый общественный строй — социализм. Но об этом говорилось лишь в самой общей форме, сочетавшейся с отрицанием значения опыта и примера СССР. Осуществление освободительной миссии пролетариата, судя по этим документам, откладывалось до того времени, когда пролетариат «станет подлинным большинством народов, дорастет до сознания своего положения и задач»<sup>2</sup>. Эта перспектива представлялась отдаленной и конкретного разъяснения не получила.

Развитие рабочего движения в середине и второй половине 20-х годов руководители РСИ расценивали как

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 6.

<sup>2</sup> Ibid., S. 17.

«медленное восхождение рабочего движения к организационному усилению и политическому влиянию»<sup>1</sup> после низшей точки его падения в 1923 г. Задачи рабочего движения, в эти годы, по их мнению, сводились к оборонительной борьбе в защиту социально-политических завоеваний, достигнутых пролетариатом в первые послевоенные годы. Поэтому внимание Исполкома и других органов РСИ было сосредоточено на борьбе за 8-часовой рабочий день и улучшение социально-экономического положения рабочих, на защите социально-политических прав рабочих и демократических свобод против реакции, на выступлениях против фашизма.

Важнейшее значение придавалось международно-правовому признанию и законодательному установлению 8-часового рабочего дня. Руководящие органы РСИ совместно с правлением МФП активно требовали и призывали все рабочие организации добиваться ратификации подписанной в ноябре 1919 г. представителями многих капиталистических держав Вашингтонской конвенции о 8-часовом рабочем дне. Почти на каждом заседании Исполкома рассматривался ход кампании за ратификацию и реализацию этой конвенции. Исполком призывал рабочих всех стран «всеми силами противостоять»<sup>2</sup> атакам предпринимателей против 8-часового рабочего дня, повсюду устраивать массовые выступления за ратификацию Вашингтонской конвенции и принятие соответствующих ей законов о 8-часовом рабочем дне. Широкая кампания и массовые выступления трудящихся привели к ратификации этой конвенции Францией в 1927 г., Германией и Португалией — в 1928 г. Но и спустя 10 лет после подписания конвенции о 8-часовом рабочем дне большинство государств так и не ратифицировало ее. Да и в тех странах, где она была утверждена, принятие соответствующих законов откладывалось. Предприниматели всемерно препятствовали реализации конвенции. Таким образом, привлекая многих трудящихся кампания за то, чтобы заставить буржуазию платить по векселю, выданному в 1919 г., возлагавшихся на нее надежд не оправдывала.

Считая улучшение социально-экономического положения трудящихся одной из важнейших задач РСИ, Испол-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 7.

<sup>2</sup> Ibid., S. 63.

ком выступал против снижения реальной заработной платы, призывал добиваться ликвидации безработицы, в частности на Балканах, высказывался за улучшение условий труда, например за прекращение ночной работы в пекарнях. Однако РСИ совсем не уделял внимания другим вопросам, особенно характерным для периода частичной стабилизации капитализма, — усилению эксплуатации путем интенсификации труда, увеличению производственного травматизма, рабочему контролю над производством и т. п. Многие проблемы, в том числе рационализации производства и мировой экономики, рассматривались Исполкомом совершенно откровенно с точки зрения сотрудничества классов. Умалчивая о классовом характере рационализации производства в капиталистических странах, РСИ в принципе поддерживал ее как объективно прогрессивный процесс, выставив только три условия: путем сокращения рабочего времени оградить рабочих от чрезмерного физического и психического напряжения; на основе успехов рационализации обеспечить рабочим и потребителям повышение заработной платы и снижение цен; преодолеть безработицу, возникшую в результате рационализации. Тем самым рабочие ориентировались на сотрудничество с предпринимателями в области рационализации производства, проводимой в интересах предпринимателей. С таких же позиций Исполком выступал за ликвидацию помех развитию международной торговли, за государственный контроль над международными соглашениями предпринимателей, за увеличение сельскохозяйственного производства, за улучшение и выравнивание социальных условий труда во всех странах. Защита социально-экономических интересов рабочих сводилась таким образом к удовлетворению ряда конкретных нужд путем сотрудничества и соглашения с буржуазией в рамках укрепления ее господства, без связи с декларировавшейся исторической миссией рабочего класса.

Руководство РСИ выступало в защиту социально-политических прав трудящихся и демократических свобод. Исполком высказался против нарушения прав рабочих во Франции и Бельгии, осуждал репрессии и требовал демократических свобод в балканских государствах, протестовал против планов восстановления Габсбургов в Венгрии, выступал за аграрные реформы в Прибалтийских странах.

Особое внимание РСИ уделял борьбе против фашизма. Отмечая тесную связь между империализмом и фашизмом, а также особую агрессивность фашизма, Бюро РСИ и Правление МФП в апреле 1927 г. на совместном заседании приняли резолюцию, которая подчеркнула, что в Европе «центром угрозы войны является преступная система фашизма»<sup>1</sup>. Осуждая фашистскую диктатуру в Италии, Исполком РСИ заявил, что «фашизм, эта зверская форма, в которой выступает капиталистический «порядок», угрожает повсюду», что против этого «коварнейшего врага рабочего класса» необходимо сплотить силы и вести борьбу. Исполком способствовал организации массовых выступлений против итальянских фашистов в связи со злодейским убийством Дж. Матеотти и призвал к солидарности с выступавшими против фашизма социалистами Италии. Был создан интернациональный «фонд Матеотти» для поддержки «рабочего движения в странах без демократии». В Народном доме в Брюсселе был открыт памятник Дж. Матеотти, организованы антифашистские выставки т. п.

Совместно с Правлением МФП руководство РСИ выступило в защиту итальянских профсоюзов и против роспуска фашистами ИСП. Руководители РСИ и МФП в 1927 г. заявили, что любое соглашение с фашистами в Италии бесполезно и вредно, осудили капитуляцию отдельных лидеров итальянского профсоюзного движения.

Положение в Венгрии изучалось специальной комиссией Исполкома. Исполком РСИ расценивал диктатуру Хорти как фашистскую и протестовал против «белого террора» в Венгрии, выступая в поддержку венгерских рабочих организаций.

С некоторым опозданием Исполком РСИ выступил против разгула реакции в Болгарии и охарактеризовал установившийся в ней режим как фашистскую диктатуру. Надвигающаяся опасность фашизма отмечалась в Германии, Литве, Польше, Румынии. Проведенная по инициативе руководства РСИ конференция представителей социал-демократических партий Германии, Англии, Франции и Бельгии заявила, что «долг каждой секции Социалистического интернационала состоит в том, чтобы продолжать борьбу против фашизма во всех областях и

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . ., S. I, 12.

оказывать материальную и моральную поддержку угнетенным пролетариям...»<sup>1</sup>.

Однако опасность фашизма не была осознана руководством РСИ полностью и до конца. Выступления против фашизма не шли дальше требования восстановить демократические свободы. Претворению в жизнь лозунга сплочения сил пролетариата для борьбы с фашизмом противоречила усиливавшаяся антикоммунистическая линия РСИ, а разворачиванию борьбы против фашизма мешали предубеждения социал-реформистов против нелегальных действий и массовых выступлений. Это сказывалось и на деятельности Исполкома РСИ. Из многих массовых выступлений пролетариата в годы частичной стабилизации капитализма он откликнулся только на всеобщую забастовку в Англии. 11 мая 1926 г. Бюро РСИ призвало социал-демократов всех стран оказать стачке моральную и материальную поддержку: «...британский рабочий класс ведет борьбу исторического значения. Само собой разумеющийся долг рабочих всех стран состоит в том, чтобы поддержать его всеми силами»<sup>2</sup>. Позже Исполком признал, что в этой забастовке были допущены «тактические ошибки», которые привели к поражению горняков и позволили противнику нанести удар по английскому и международному профсоюзному движению. Однако сущность этих ошибок не была раскрыта. РСИ не осудил капитулянтскую линию лидеров тред-юнионов, а обратил острие критики против «революционного романтизма» коммунистов.

Исполком и другие органы РСИ считали укрепление позиций социал-демократии важнейшим условием успешной защиты социально-экономических и политических интересов трудящихся, демократических свобод, а также борьбы против фашизма, за мир. Первостепенное значение они придавали успехам социал-демократов на выборах в центральные и местные представительные учреждения. Особое внимание уделялось деятельности социал-демократических партий, участвовавших в коалиционных правительствах или формировавших свои правительства. РСИ приветствовал создание и деятельность лейбористского правительства Англии, вступ-

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress... , S. I, 33.

<sup>2</sup> Ibid., S. I, 7.

ление эстонских социал-демократов в явно контрреволюционное правительство и т. д.

Участие социал-демократов в коалиционных правительствах и формирование ими правительств капиталистических государств вызывало в социал-демократии немало разногласий. Многие считали, что это противоречит принципам социал-демократического движения. Но по мнению лидеров Исполкома участие в правительствах содействовало «переходу от капиталистического к социалистическому руководству во всем мире»<sup>1</sup>. Как частичное и временное усиление позиций буржуазии, так и обострение классовой борьбы свидетельствовали о несостоятельности этой социал-реформистской концепции и соответствовавшей ей линии РСИ.

Хотя внимание Исполкома и других органов РСИ было сосредоточено на Европе, они не могли игнорировать продолжавшее расти в годы частичной стабилизации капитализма национально-освободительное движение народов Азии и Африки, их крупные выступления, углублявшие кризис колониальной системы империализма. В 1925 г. руководство РСИ выступило с протестом против ультиматума английского правительства Египту, в защиту независимости этой страны. В 1926 г. обсуждался вопрос о войне Франции против народов Марокко и Сирии. В 1927 г. РСИ выступал против давления США на Мексику и попыток Италии превратить Албанию в свою колонию, протестовал против интервенции империалистических держав в Китае и заявил о поддержке освободительной борьбы китайского народа.

В феврале 1927 г. на заседании Исполкома выступил представитель Китайской социал-демократической партии Ян Кантао, высказавшийся за распространение марксизма и организацию пролетарских сил Китая. Но он считал, что китайский народ борется против только иностранных империалистов, игнорировал начавшуюся тогда борьбу народных масс за демократию и аграрную реформу, ограничивал задачи пролетариата поддержкой борьбы за независимость страны. Исполком призвал рабочих всех стран «всемсерно поддержать национальную и демократическую борьбу китайского народа как предпосылку освобождения пролетариата» — бороться против интервенции империалистических держав в Китае, тре-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 237.

бовать признания суверенитета и независимости страны, отмены навязанных ей неравноправных договоров, концессий и привилегий иностранцев, добиваться вывода из Китая иностранных войск, проведения переговоров с Китаем на основе признания его независимости. Бюро РСИ совместно с Правлением МФП протестовало против нападения вооруженных сил империалистических держав на Шанхай.

РСИ признал необходимым выработать общую линию социал-демократии в отношении национально-освободительного движения. Специальная комиссия, созданная Исполкомом в 1926 г., изучила соответствующие программные документы и предложения многих социал-демократических партий — БЛП, Голландской СДРП, Единой социалистической партии итальянских рабочих, Социалистической партии США, СФИО, среди которых, однако, не было ни одной рабочей партии из стран с национально-освободительным движением. В 1928 г. комиссия подготовила свои предложения<sup>1</sup>, носившие ограниченный, непоследовательный и противоречивый характер. Осуждая колониальную политику как средство капиталистической экспансии, жестокой эксплуатации, грабежа народов и утверждения иностранного господства, комиссия не высказалась за организацию решительного отпора подобной политике. В принципе отвергая «политическое господство» над колониальными народами, она не выступила за экономическую независимость этих народов, даже заботилась, чтобы последние не выпали из «мирового товарооборота» — мирового капиталистического рынка, и требовала «открытых дверей» — равных прав всех государств на торговлю во всех колониях.

Призывая поддерживать освободительную борьбу угнетенных народов, содействовать созданию в колониях рабочих организаций, развитию социалистического рабочего движения, укреплению интернациональной солидарности рабочих всех стран, комиссия вовсе не требовала немедленного признания независимости и равноправия народов всех колоний. Она предлагала добиваться подлинной независимости и равноправия только Китая, Египта, Сирии, Ирака, государств Центральной и Южной Америки. Намечалось бороться за то, чтобы правительства метрополий способствовали постепенному до-

---

<sup>1</sup> См.: *Dritter Kongress. . .*, S. V, 194—200.

стижению самоопределения «колоний с развитой культурой» (Индия, Индонезия и т. п.). Комиссия не считала возможным требовать независимости «колоний с неразвитой культурой» (почти все страны Тропической и Южной Африки, Тихого океана), так как полагала, будто после ухода колонизаторов их народы вернутся к варварству. Меры, предложенные комиссией, были направлены на улучшение экономического положения народных масс колоний, предоставление им элементарных прав, повышение культуры.

По существу, комиссия высказывалась лишь против вооруженного насилия, открытого грабежа и крайней жестокости, а не против самого существа колониализма. Достичь таких умеренных целей намечалось путем воздействия на правительства метрополий, проведения реформ самими колонизаторами, а не развертыванием массового движения и активного сопротивления насилию. При этом комиссия полностью игнорировала как опыт Советского Союза, где ранее угнетенные царизмом народы получили национальную независимость и добились успехов во всех областях экономики и культуры, так и накопленный к тому времени опыт антиимпериалистической мирной и вооруженной борьбы народов зависимых стран и колоний Азии, Латинской Америки и Африки.

Хотя в подготовленном комиссией документе и говорилось о переплетении классовой и национально-освободительной борьбы, но ни роль пролетариата, крестьянства и буржуазии, ни задачи народных масс самих колоний и зависимых стран не получили в нем ясной оценки. Все это было следствием социал-реформистского непонимания начавшейся с Октябрьской революции современной эпохи, роли и перспектив национально-освободительного движения, а также стремления примирить интересы рабочего класса и угнетенных народов с колониализмом ценой либерализации его форм. Руководство РСИ учитывало определенные интересы буржуазии и надежды зараженной шовинизмом части трудящихся метрополий и поэтому ориентировалось лишь на смягчение, а не на ликвидацию колониализма.

Больше всего внимания в годы частичной стабилизации капитализма Исполком и другие органы РСИ уделяли вопросам сохранения и укрепления мира между народами. Исполком выступал за упрочение мира и мирное урегулирование международных конфликтов в своих

первомайских и других воззваниях. Руководство РСИ считало, что «капиталистическая система как таковая является постоянным источником опасности новых войн»<sup>1</sup> и «пока господствует капитализм, мир постоянно находится под угрозой кровавых конфликтов»<sup>2</sup>, что «подлинным носителем борьбы против войны» является рабочий класс, что мир может быть сохранен только «под контролем рабочего класса», а прочный мир возможно обеспечить только тогда, когда рабочий класс добьется господства во всех странах. Исполком указывал, что «в борьбе против войны социалистическое рабочее движение должно полностью напрячь все свои силы», и в то же время, предав забвению жестокие уроки 1914 года, уверял, будто чем влиятельнее социал-демократия, тем прочнее мир. При этом, как обычно, игнорировались растущая роль СССР в борьбе за укрепление мира и антивоенная деятельность компартий, а вместе с ними и новые возможности и перспективы борьбы против империалистической агрессии.

Руководство РСИ считало, что мирные договоры, продиктованные победителями и основанные на силе, не могут решить проблемы, волнующие народы, и быть прочными; с тревогой констатировало усиление опасности новой войны, недостаточную активность Лиги наций, которая, как отмечалось, еще далека от решения возложенных на нее задач и не оправдывает надежд. Руководители РСИ выступали за демократизацию Лиги наций прежде всего путем расширения ее состава — вовлечения Германии, СССР, США, повышения эффективности ее деятельности и усиления в ней влияния социал-демократии; за превращение ее в инструмент не правительств, а народов. При этом Исполком стремился сгладить имевшиеся в РСИ разногласия в оценке Лиги наций, в которой одни видели попытку создать наднациональное правительство, а другие — орудие и прикрытие капиталистических интересов.

На практике руководство РСИ не шло дальше поддержки империалистических планов умиротворения Европы. Осуждая реваншизм Гитлера — Людендорфа и агрессивность Пуанкаре, Бюро РСИ летом 1924 г. одобрило «план Дауэса». Признавая, что план несправедли-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 6.

<sup>2</sup> Dritter Kongress. . . , S. I, 96.

во возлагает на немецкий рабочий класс все бремя репараций, руководство РСИ все же поддержало его, так как считало, что иного решения проблемы репараций найти невозможно. Исполком РСИ одобрил принятый Ассамблеей Лиги наций в октябре 1924 г. Женевский протокол о мирном урегулировании международных конфликтов «как существенный прогресс для дела мира»<sup>1</sup> и призвал развернуть кампанию за его подписание и ратификацию, за ускорение созыва предусмотренной в нем конференции по разоружению. Но, не уделяя никакого внимания разоблачению подлинных целей империалистических держав, РСИ тем самым способствовал распространению в массах надежд на миролюбие буржуазных правительств.

В ноябре 1925 г. Исполком обсудил Локарнский гарантийный пакт, который у многих социал-демократов вызывал понятные опасения за судьбу стран Восточной Европы, СССР. Считая, что этот пакт не в полной мере соответствует Женевскому протоколу, руководство РСИ все же признало его позитивным шагом к умиротворению Европы. Мнение РСИ сводилось к тому, что пакт может послужить делу мира, если будет достигнут прогресс в разоружении и не будет создан блок государств Западной и Центральной Европы против других стран, наконец, если рабочий класс сможет обеспечить его выполнение в интересах мира. Многочисленные оговорки лишь прикрывали согласие Исполкома с Локарнским пактом, действительно создававшим угрозу СССР и другим государствам Восточной Европы. Этот пакт уже без оговорок, как и «справедливая часть» «плана Дауэса», и вступление Германии в Лигу наций, был одобрен конференцией представителей социал-демократических партий Англии, Франции, Германии и Бельгии.

Руководящие органы РСИ не могли разработать альтернативу империалистической политике умиротворения Европы и шли в ее фарватере, дезориентируя многих трудящихся, чем отнюдь не способствовали укреплению мира. За рамки империалистических планов умиротворения Европы не выходили и выступления Исполкома против опасности войны на Балканах, военного столкновения между Польшей и Литвой. Проведенная с его участием конференция представителей социал-демокра-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 69.

тических партий балтийских государств призвала к демократизации внешней политики, к решению всех международных споров третейским судом, к ограничению вооружений.

В 1926 г. Исполком РСИ создал специальную комиссию по разоружению. Резолюция, подготовленная комиссией, была принята Исполкомом в сентябре 1927 г. Подчеркивая исключительную важность проблемы и роль рабочего класса и социал-демократии в борьбе за мир, резолюция отметила, что подготовка разоружения заключается в «универсализации мирных методов демократии»<sup>1</sup>. Исполком признавал, что правительства не приложили серьезных усилий для достижения соглашения о разоружении, и предлагал ряд конкретных мер для сокращения вооруженных сил и уменьшения опасности внезапного нападения. Среди них были такие, как демократический контроль над вооруженными силами и их демократизация, мирное решение международных споров, разоружение не только побежденных, но и победителей. Исполком призывал все социал-демократические партии пропагандировать идею разоружения и организовать массовые и парламентские выступления за действительное разоружение. В существующих условиях, по мнению РСИ, невозможно добиться полного разоружения, но социал-демократия должна использовать страх буржуазии перед тем, что война приведет к революции, для мирного решения международных споров, ограничения вооружений и вооруженных сил, сокращения военных расходов, демократического контроля над вооруженными силами, запрещения фашистских военных организаций.

Резолюция намечала альтернативу буржуазной политике игры с разоружением, но позиция руководства РСИ и в этом не отличалась последовательностью. Так, Исполком не поддержал советское предложение о разоружении, отклоненное комиссией Лиги наций в марте 1928 г. Линия Исполкома и других органов РСИ была своеобразной равнодействующей социал-реформистского курса различных социал-демократических партий.

Наиболее важное значение для обсуждения и решения всех проблем международной социал-демократии имели конгрессы РСИ.

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. I, 96.

Открывшийся в августе 1925 г. II, Марсельский конгресс заседал в условиях уже вполне обозначившейся стабилизации капитализма, с которой социал-реформисты связывали перспективы улучшения положения трудящихся путем сотрудничества с господствовавшей буржуазией. Открыл конгресс Гендерсон. Характеризуя мировое развитие, он игнорировал существование СССР и подчеркивал рост социал-демократии, ее успехи на выборах и участие в правительствах капиталистических стран. Отмечая опасность войны и усиление эксплуатации рабочих, Гендерсон призывал поддерживать заключенные между империалистическими державами соглашения и деятельность Лиги наций, добиваться законодательного введения 8-часового рабочего дня, повышать организованность и сплоченность рабочего класса.

В работе конгресса участвовали 422 делегата. Они представляли 40 партий, объединивших в 31 стране 7 млн. человек и располагавших поддержкой 28 млн. избирателей, а также 5 примыкавших к РСИ международных организаций<sup>1</sup>.

В повестке дня конгресса значилось 8 вопросов, но обсуждение одного из них — колониального вопроса — было отложено. Для рассмотрения ряда вопросов были созданы комиссии, состоявшие из представителей всех заинтересованных делегаций. Кроме того, в дни работы конгресса прошли международные конференции социал-демократов о социалистическом воспитании, об аграрном вопросе, о технических вопросах социалистической прессы. Все обсуждавшиеся на конгрессе вопросы можно разделить на три группы. Центральное место принадлежало вопросам международного развития и сохранения мира; второе — социальным проблемам; третье — организационным задачам.

Особое внимание уделялось международной социалистической политике мира. Ей были посвящены доклады Ч. Р. Бакстона, Гильфердинга, Л. Блюма и М. Хилквита, а также оживленная дискуссия в первой комиссии.

Общим было мнение, что угроза миру порождается капитализмом и его противоречиями. Рост сил капита-

---

<sup>1</sup> См.: Zweiter Kongress. . ., S. 236, 280, 345.

лизма и обострение конкурентной борьбы в целом рассматривались как основные источники усиления опасности войн. При этом участники обсуждения исходили из того, что рабочий класс более всех заинтересован в сохранении мира, что стремление рабочего класса к миру отличается от пацифизма буржуазии, а общность интересов рабочих различных стран теснее, чем других классов, а также чем узы, связывающие рабочих с буржуазией в каждой стране. Говорилось, что источники войн будут ликвидированы только тогда, когда рабочий класс всюду придет к власти и изменит общественный строй, но уже теперь «рабочий класс должен сделать все, чтобы воспрепятствовать новой войне»<sup>1</sup>.

Общим исходным пунктом было также игнорирование исторической роли СССР как страны социализма и его активизировавшейся борьбы за упрочение мира. Гильфердинг уверял, что в «большевистской России» развивается капитализм. Некоторые выступавшие пытались игнорировать все коммунистические партии, пытались очернить их антивоенную деятельность и опорочить внешнюю политику СССР. «Мы даем ответы на все вопросы, как будто нет никак коммунистов, — заявлял Л. Блюм, — мы наши решения принимаем без оглядки на существование или отсутствие этих партий»<sup>2</sup>. Он клеветнически утверждал, будто СССР и компартии вносят в международные отношения методы насилия и стали одним из источников опасности войн. Социал-реформисты особо отмежевывались от антивоенной работы коммунистов среди военнослужащих и от их поддержки национально-освободительных войн.

Острых и непримиримых разногласий на конгрессе не было, но имелись серьезные расхождения. Большинство участников конгресса видело основной и единственный источник военной опасности в капитализме, порождением которого были особо агрессивные «диктаторские режимы» в Италии и некоторых других капиталистических странах. Однако часть делегатов вслед за Л. Блюмом, извращавшим внешнюю политику СССР и линию компартий, относила к числу агрессивных сил СССР и компартии, а также требовавшие независимости народы колоний. Это меньшинство ставило в один ряд с агрес-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress... , S. 256.

<sup>2</sup> Ibid., S. 271.

сорами силы, ведущие справедливую, освободительную борьбу.

Одни участники конгресса говорили об империализме как об органически присущем крупному капиталу стремлении к экспансии и господству, указывали на возрастающую опасность милитаризма, подчеркивали особую опасность империализма США, обусловленную его экономическим превосходством. Другие же умалчивали о стремлении крупного капитала к экспансии и господству, исходили из того, будто рост монополий, их выход за рамки отдельных стран ведет к преодолению опасной конкуренции, благоприятствует сохранению мира.

Гильфердинг и Блюм пытались доказать, что благодаря изменению самого капитализма и росту социал-демократического движения, которому якобы уже принадлежит «часть власти»<sup>1</sup> в капиталистическом мире, у рабочего класса появились широкие возможности воздействовать на внешнюю политику капиталистических государств и международные отношения через парламенты и правительства, в которых участвовали социал-демократы, чем обеспечивается переход от утопического к «реальному пацифизму». Л. Блюм уверял, якобы уже имеются средства сделать развязывание войны невозможным. Но другие участники конгресса, в частности М. Хилквит, не разделяли такой безосновательный оптимизм и утверждали, что капитализм ограничивает возможности борьбы за мир.

Не было единства мнений и о путях борьбы за укрепление мира. Большинство делегатов считало, будто «проблема (сохранения) мира превратилась в конкретную проблему организации мира»<sup>2</sup>. В основу новой организации мира они предлагали положить «ограничение суверенитета отдельных государств в пользу суверенитета совокупности наций»<sup>3</sup>. Блюм говорил о необходимости ограничения политического суверенитета — о лишении государств права вести войну. Гильфердинг шел дальше и призывал к ограничению не только политического, но и экономического суверенитета государств — к подчинению экономики каждого интересам мирового хозяйства.

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 326.

<sup>2</sup> Ibid., S. 259.

<sup>3</sup> Ibid., S. 262.

Орудием новой организации мира называлась Лига наций. «Лига наций, — заявил Р. Брейтшейд, — единственный инструмент, выражающий стремление к миру»<sup>1</sup>, Л. де Брукер уверял, что Лига наций, как и созданное при ней Международное бюро труда (МБТ), является якобы инструментом рабочего движения. При этом выдвигалось требование демократизации Лиги наций путем включения в нее Германии, СССР и США, обеспечения равноправия всех ее членов, усиления влияния в ней социал-демократии, создания в ее рамках экономических органов для смягчения конкуренции, обязательных третейских судов для мирного разрешения международных конфликтов.

Говорилось также о борьбе против национализма и о необходимости «идеологической революции» — «замене буржуазных национальных принципов пролетарскими национальными принципами»<sup>2</sup>. Ораторы приветствовали Женевский протокол как важный шаг к укреплению мира, объявляли все соглашения о сотрудничестве между капиталистическими державами соответствующими интересам социал-демократии, считали естественным сопадением мнений социал-демократических и буржуазных партий в решении важных европейских проблем. В качестве центрального выдвигался лозунг: «Безопасность через посреднические суды и через разоружение!»<sup>3</sup>. В основе этой пацифистской эйфории лежала недооценка империалистических интересов капиталистических стран, глубоких противоречий между ними и всех трудностей, стоявших на пути сохранения мира. Такая позиция большинства, смыкавшаяся с абстрактно-сентиментальным пацифизмом мелкой буржуазии, обусловила нежелание РСИ обращаться непосредственно к рабочему классу и воздержание от конкретных выступлений против милитаризма.

Другое, менее влиятельное направление, не выступая прямо против всех преувеличенных надежд на Лигу наций, подчеркивало необходимость массовой борьбы за мир, вплоть до генеральной стачки против опасности войны, делало упор на конкретных предложениях о разоружении, которые были выдвинуты социал-демократами

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 322.

<sup>2</sup> Ibid., S. 261.

<sup>3</sup> Ibid., S. 263.

Швеции, Дании и Голландии. От имени ряда делегаций в большинстве своем малых социал-демократических партий — итальянской, греческой, румынской, австрийской, литовской, части чешской и польской — Ф. Тура-ти выступил против сентиментально-буржуазного паци-физма и предложил внести в проект резолюции конгрес-са больше марксистского духа, открыто обратиться к силе пролетариата и протестовать против милитаризма.

Большинство считало нецелесообразным требовать ревизии Версальского и других мирных договоров, го-ворило о возможности только частичного пересмотра не-которых статей договоров, продиктованных победителя-ми Германии и ее бывшими союзниками. Меньшинство **требовало осуждения мирных договоров в целом и при-знания необходимости их радикального пересмотра.**

Разногласия существовали и в отношении готовив-шегося тогда проекта Гарантийного пакта. Бакстон под-черкнул, что часть социал-демократов опасается раско-ла Европы на два лагеря, объединения Западной Ев-ропы против России, а также осложнений на пути к разоружению. Гильфердинг пытался доказать, что Га-рантийный пакт не противоречит Женевскому протоколу и будет способствовать преодолению франко-герман-ского антагонизма. Л. Блюм убеждал противников Га-рантийного пакта, в частности английских лейбористов, отказаться от своих возражений, присоединиться к пози-ции социал-демократов Германии и Франции, одобрить готовившийся пакт и добиться его улучшения путем предоставления гарантий безопасности Чехословакии и Польше.

Принятая конгрессом резолюция о международной социалистической политике мира соответствовала взгля-дам большинства, хотя в ней нашли отражение некото-рые опасения и возражения меньшинства. Осуждение ка-питализма как источника войны было абстрактным, умалчивало о важнейших направлениях агрессии и об агрессивных кругах. Хотя опорой длительного мира про-возглашалась «политическая победа рабочего класса во всех или по крайней мере в важнейших странах»<sup>1</sup>, в ре-золюции ни слова не говорилось об историческом значе-нии и активной внешней политике СССР. Наоборот, ре-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 359.

золюция имела антикоммунистическую направленность, призывала бороться против большевизма.

В резолюции признавалось, что создание Лиги наций не исключает возникновения войн и ее деятельность еще не оправдывает ожиданий, но, вопреки мнению меньшинства, именно на Лигу наций возлагались надежды на сохранение мира и утверждалось, будто пролстариат уже достаточно силен, чтобы оказывать влияние на правительства и добиться от них укрепления мира.

Стремлению трудящихся к упрочению мира резолюция придавала «конструктивное», не выходящее за рамки буржуазной системы международных отношений направление. Предлагалось добиваться демократизации Лиги наций, создания в ней экономического совета для ограничения конкуренции, объявления врагами человечества правительств, отказывающихся подчиняться третейскому суду, заботиться о воспитании людей в духе мира. Намечалось усилить влияние рабочих организаций на внешнюю политику, найти решение проблем репараций и военных долгов «в духе социализма». Социал-демократам рекомендовалось поддерживать Женевский протокол и содействовать разработке новых соглашений между государствами о взаимных гарантиях без тайных статей, избегая противопоставления одних стран другим. Выступая за всеобщее и полное разоружение, резолюция призывала Лигу наций созвать конференцию по разоружению.

Коренным недостатком резолюции явилось то, что в ней не указывалось на существенное отличие интересов и задач трудящихся от интересов и политики правящих кругов капиталистических стран, большинство которых, кроме фашистских государств, в годы частичной стабилизации капитализма официально рекламировали свою приверженность миру. В ней не разоблачались ограниченность, непоследовательность и лицемерие империалистического лжепацифизма, игравшего Лигой наций, «гарантиями мира», разоружением. Создавались ложное впечатление совпадения внешнеполитических интересов и задач трудящихся с внешнеполитическими целями значительной части буржуазии, иллюзорная надежда на сравнительно легкое осуществление выдвинутых в резолюции требований, а также преувеличенное представление об их действительном значении для упрочения ми-

ра. Это дезориентировало и разоружало многих трудящихся.

К тому же резолюция не обращалась непосредственно к пролетариату и не предлагала никаких новых средств борьбы и форм массовых выступлений, а ограничивалась рекомендациями социал-демократическим партиям выступать в парламентах, усилить агитацию за мир и разоружение, активизировать выступления Исполкома РСИ, укреплять связи между социал-демократическими партиями, между РСИ и МФП. В целом программная резолюция II конгресса РСИ не соответствовала объективным задачам и возможностям рабочего класса на новом этапе его борьбы за мир между народами, была иного направления и ниже уровнем, чем антивоенные резолюции VII и IX конгрессов II Интернационала.

К этой основной резолюции примыкали две другие — об опасности войны на Востоке и о войне в Марокко. В пространном докладе об опасности войны на Востоке Бауэр говорил: «В великом процессе освобождения народов друг против друга выступают на одной стороне империалистические державы Запада, а на другой стороне Советский Союз»<sup>1</sup>. Но оценка СССР как опоры национально-освободительного движения сочеталась у него с искажением сущности большевизма<sup>2</sup>. Докладчик бесосновательно утверждал, будто большевики связывают освобождение народов и решение социальных проблем только с новой мировой или гражданской войной. Он повторял измышления об агрессивности СССР и о подавлении в нем демократических свобод. Но вместе с тем Бауэр осуждал попытку империалистов прикрыть свою агрессию на Востоке флагом борьбы против большевизма, их стремление толкнуть против СССР страны Восточной Европы и заявлял, что социал-демократия всегда будет придерживаться лозунга «Руки прочь от Советского Союза!», который участники конгресса встретили аплодисментами.

Докладчик не дал анализа движущих сил и объективных задач разгоравшейся китайской революции, но приветствовал борьбу китайского народа как «начало великого мятежа последней огромной резервной армии капитализма»<sup>3</sup>, способствующего освобождению рабочего

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 332.

<sup>2</sup> Ibidem.

<sup>3</sup> Ibid., S. 336.

класса, и призвал европейский и американский пролетариат борьбой против колонизаторов содействовать освобождению китайского и других угнетенных народов. Осуждая «балканизацию» мирными договорами всей Европы и великодержавный шовинизм, Бауэр считал важнейшим условием сохранения мира обеспечение автономии и равноправия всех национальных меньшинств и борьбу против реакционных режимов, «фашистской контрреволюции». Женевский протокол и готовившийся Гарантийный пакт он оценивал весьма сдержанно, как компромисс между желаемым и капиталистической действительностью.

Резолюция, принятая по докладу Бауэра, требовала уважения независимости государств Восточной Европы и обязывала социал-демократов добиваться автономии национальных меньшинств, выступать против террора. Приветствуя борьбу трудящихся масс китайского, индийского и мусульманских народов, она заявляла, что социал-демократы должны постоянно и энергично бороться за право на самоопределение угнетенных народов Азии и Африки. Подчеркивая солидарность РСИ с рабочими Китая, резолюция высказалась за ликвидацию в Китае иностранного гнета и концессий, за введение там законов об охране труда, но не выдвигала лозунгов глубоких демократических преобразований, за которые начали борьбу передовые силы этой страны.

В целом осуждение активизации империалистической агрессии против национально-революционного движения народов, стремления империалистов использовать государства Восточной Европы как таран против СССР оказалось в резолюции менее резким, чем клеветнические нападки на СССР, которому приписывались аннексионистские цели и антидемократический курс, предъявлялись основанные на клевете требования.

Решение намеченных в резолюции задач рассматривалось как важное условие сохранения мира, но непоследовательность и недостаточная конкретность выступлений против империалистической агрессии в поддержку национально-революционной борьбы угнетенных народов, а главное — антикоммунизм и антисоветизм обесценивали призывы конгресса к сохранению мира.

Непоследовательность проявилась и в резолюции о войне в Марокко. С одной стороны, конгресс требовал признания самостоятельности, обеспечения необходимой

территорией и принятия в Лигу наций государства риффов, немедленного прекращения войны и начала переговоров о мире, оказания помощи раненым и пленным. С другой, — он поддерживал мандатную систему и призывал Лигу наций заняться распределением рынков и сырья, по существу рассматривая народы колоний и зависимых стран как объект, а не субъект мировой политики. Это, как и обращение только к правительствам без призыва к народам, снижало эффективность выступления конгресса в защиту восставших риффов.

Из рассмотренных конгрессом социальных проблем важнейшее значение придавалось вопросу о 8-часовом рабочем дне. Переломным моментом в борьбе за 8-часовой рабочий день докладчик — Т. Шоу считал не Октябрьскую революцию, которая положила начало новому этапу рабочего движения, а Версальский договор, упоминавший о 48-часовой рабочей неделе, и Вашингтонскую конвенцию. В целом Шоу ориентировался не на борьбу трудящихся масс, а на укрепление взаимодействия РСИ и МФП, выступления в парламентах и международно-правовую деятельность правительств капиталистических государств. Ратификация Вашингтонской конвенции провозглашалась первым шагом к воплощению идей социал-демократии.

Участники дискуссии привели немало примеров проволочек и уверток правящих кругов различных стран от ратификации Вашингтонской конвенции и введения закона о 8-часовом рабочем дне. При этом признавалась недостаточность Вашингтонской конвенции, так как она предусматривала 8-часовой рабочий день только для промышленных рабочих. Но принятая конгрессом резолюция не выходила за рамки этих дебатов. Хотя в резолюции говорилось о необходимости введения 8-часового рабочего дня рабочим всех отраслей хозяйства, о дальнейшем сокращении рабочего дня на опасных для здоровья предприятиях, о расширении пропаганды 8-часового рабочего дня и активизации выступлений за него в парламентах, требование ратификации Вашингтонской конвенции оставалось по-прежнему главным, и о массовых выступлениях не было и речи.

Более оживленно прошло обсуждение вопроса о безработице по докладу де Брукера. Докладчик считал, что корни безработицы лежат в капиталистических отношениях и будут ликвидированы с переходом к социализму,

но задачи социал-демократии сводил к организации экономической жизни и рынка рабочей силы, включая ее миграцию, к установлению общественного контроля над трестами и стабилизации производства. Обходя вопрос о классовом характере «общественного контроля» над производством, де Брукер полагал, будто такой контроль ведет к социализму. «Мы, — оптимистически заявлял он, — на правильном пути к социализму»<sup>1</sup>. В решении проблемы безработицы докладчик ориентировался не на классовую борьбу и массовые выступления, а на сотрудничество рабочего класса с буржуазией, не на ликвидацию капиталистической собственности, а на организацию и ограничение ее не имеющим классового характера «общественным контролем».

Большинство участников обсуждения этого вопроса было согласно с докладчиком. Только Р. Диссман заявил, что путем улучшения организации капиталистической экономики проблему безработицы не решить; он призвал противопоставить наступлению монополий интерциональную солидарность трудящихся, укрепить взаимодействие рабочих различных стран в борьбе за улучшение своего положения и привел доказательства эффективности их взаимной поддержки.

Но в принятой конгрессом пространной резолюции предложения Р. Диссмана не нашли отражения. Указав многочисленные причины роста безработицы, резолюция обязала РСИ добиваться законов в каждой стране и международно-правовых соглашений об обеспечении рабочим минимума условий существования, о регулировании миграции рабочей силы, предоставлении иностранным рабочим таких же условий труда, как и местным, об организации общественных работ и регулировании экономики под общественным контролем, оздоровлении финансов, снижении цен на жизненно важные товары, о справедливом распределении этих товаров с помощью Лиги наций и того же общественного контроля, который якобы ликвидирует подчинение капиталистического хозяйства индивидуальной прибыли.

Принятые без дискуссий резолюции о социальных проблемах туберкулеза и о борьбе против алкоголизма сводились к рекомендациям улучшать экономическое и социальное положение масс, их просвещение и воспита-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress. . . , S. 296.

ние, совершенствовать здравоохранение и ограничивать производство и продажу спиртных напитков. Одобренная конгрессом резолюция конференции о социалистическом воспитании ограничивалась призывом заботиться о подростках и помогать их родителям — рабочим. Конгресс одобрил также резолюцию конференции по аграрному вопросу, которая не была серьезно подготовлена и содержала лишь призыв вести работу среди сельского населения.

К обсуждению всех социальных проблем конгресс пошел односторонне, без учета опыта и примера первого государства рабочего класса — СССР.

Они рассматривались не с классовых позиций пролетариата, не как важный участок массового рабочего движения, борьбы самих трудящихся, а как объект парламентской, международно-правовой, пропагандистско-просветительской и филантропической деятельности. Намеченные в резолюциях цели отражали определенные интересы трудящихся, но не выходили за рамки капитализма или связывались с перерастанием капитализма в социализм посредством введения лишенного классового содержания «общественного контроля», что предопределяло их несостоятельность. Социал-демократия ориентировалась на «позитивную» работу в рамках существующего строя, в парламентах и правительствах, на расширение сотрудничества с господствовавшей буржуазией, а не на развертывание классовой борьбы, массовых выступлений.

Организационные вопросы в работе конгресса не занимали много места, но им придавалось серьезное значение. В докладе секретаря Исполкома Адлера говорилось о необходимости превратить РСИ из европейской организации во всемирную, создать сильные социал-демократические организации на всех континентах. Однако конкретных и эффективных мер указать никто не мог.

Конгресс внес некоторые изменения в устав РСИ, касавшиеся норм представительства и взносов партий, а также деятельности членов Исполкома. Получила одобрение резолюция проведенной в дни конгресса конференции о технических вопросах социалистической печати, предусматривавшая создание в рамках РСИ Комитета для обмена информацией о печати. Была поддержана и резолюция, принятая Международной социалистической конференцией женщин по докладу А. Попп «О за-

дачах и методах социалистического женского движения». Рассматривая текущий этап деятельности социал-демократии как процесс «воплощения социализма»<sup>1</sup>, она требовала активного участия масс, в том числе женщин, в обновлении общества. Хотя резолюция была построена на социал-реформистских иллюзиях о перерастании капитализма в социализм, тем не менее она выражала и некоторые важные интересы трудящихся — требовала освобождения женщин и обеспечения их равноправия, особой охраны прав и интересов женщин. Правда, осуществление этих требований, как и многих других, не связывалось с классовой борьбой, с массовыми выступлениями. Намечалось укрепить сотрудничество Международного социалистического женского комитета с Секретариатом РСИ.

В целом решения по организационным вопросам укрепляли РСИ на той социал-реформистской основе, которая была выработана его I, Гамбургским конгрессом и приспособлена к условиям частичной стабилизации капитализма II, Марсельским конгрессом.

### Брюссельский конгресс

Важной вехой в развитии РСИ в годы частичной стабилизации капитализма был его III, Брюссельский конгресс, состоявшийся в августе 1928 г. В нем участвовало 456 делегатов, представлявших 5 международных организаций и 38 (из 47, входивших в РСИ) партий. Эти партии в 30 странах объединяли тогда свыше 6,6 млн. трудящихся и пользовались поддержкой более 25 млн. избирателей. Среди гостей конгресса были представители ряда международных и национальных рабочих организаций социал-реформистской ориентации. Но из колоний, кроме делегатов из Палестины и гостей из Индии, Цейлона и Тринидада, на конгрессе не было никого<sup>2</sup>.

В повестке дня конгресса значились вопросы, волновавшие широкие массы трудящихся: положение в мире и международное рабочее движение, милитаризм и разоружение, колониальная проблема, послевоенная экономическая обстановка и экономическая политика рабоче-

---

<sup>1</sup> Zweiter Kongress..., S. 370.

<sup>2</sup> См.: Dritter Kongress..., S. IV, 164; VI, 115; VII, 118—122.

го класса. Предполагалось также обсудить предложения международной конференции женщин и организационные вопросы РСИ. О деятельности Исполкома по колониальному и некоторым другим вопросам конгрессу были представлены заранее подготовленные материалы (проекты резолюций, предложения отдельных партий). Для выработки согласованного мнения по всем вопросам повестки дня работало шесть комиссий.

Обстановка, в которой заседал конгресс, заметно отличалась от обстановки предшествующих лет, когда пришлось работать II конгрессу. Прочнее стали позиции СССР и активизировались его выступления в защиту мира. Углубились противоречия капитализма и обострились столкновения рабочего класса с буржуазией, активизировался фашизм. Стало шире и дифференцированное национально-освободительное движение, в котором все более серьезную роль играл пролетариат. При этом обнаружилось, что социал-демократия за прошедшие после II конгресса РСИ три года серьезных успехов в решении самой же ею поставленных задач добиться не смогла, что вело к падению ее влияния.

Конгресс открылся исполнением «Интернационала» и речами Гендерсона и Вандервельде. Гендерсон, несмотря на снижение влияния социал-демократии, оптимистически говорил об ее успехах и росте прогрессивных сил. Он назвал Женевский протокол «великой хартией международного разоружения и мира»<sup>1</sup>, восхвалял предложение Келлога об отказе от войны и выражал надежду на дальнейшие успехи Лиги наций. Заявляя о стремлении социал-демократов к конечной цели, об их продолжающейся борьбе за разоружение и самоопределение народов, Вандервельде обрушился с клеветой на коммунистическое движение. Только после «размежевания» с коммунистами он осудил фашизм и национализм. Фашизм, по его мнению, связан с «неокапитализмом» и буржуазией, боящейся роста социалистического движения, но вместе с тем фашизм представляет собой лишь разновидность буланжизма или бонапартизма. Антикommунизм и неумение оценить классовую специфику фашизма, как свидетельствуют материалы конгресса, были характерными чертами многих лидеров РСИ.

Центральное место занял вопрос о мировом положении

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. ., S. VI, 10.

нии и международном рабочем движении. Обсуждение носило ярко выраженный антисоветский характер. На пленарном заседании СССР, большевизм и коммунистическое движение были атакованы Даном и Сухомлинским. Чтобы очернить поиски большевиками путей дальнейшего строительства социализма и укрепления международного положения СССР, они распространяли клеветнические измышления об агрессивности Советского Союза, о якобы исходящей от него угрозе соседним странам и миру во всем мире, пророчили неизбежное и близкое крушение Советской власти.

С нападка на большевизм выступил Турати, прямо объявивший большевиков не менее опасным врагом рабочего класса, чем фашизм, несмотря на различие их целей, экономических и социальных основ. Повторялись измышления о ставке большевиков на победу революции путем мировой войны, на диктатуру меньшинства против большинства, на решение социальных проблем насилем. Такой злой карикатуре на большевизм противопоставлялся «демократический социализм». В. Ориоль осуждал большевиков как врагов демократии, виновников раскола рабочего движения, стремился отделить завоевания российской революции от политики большевиков. Клевета на большевизм, на коммунистов сочеталась с призывами к единству рабочего движения на основе социал-реформизма, в рамках РСИ. Противоречие заключалось в том, что, хотя все ораторы отмежевывались от антисоветской политики правящих кругов капиталистических держав и контрреволюционных сил, от планов изоляции СССР и антисоветской интервенции, считали борьбу против большевизма внутренним делом рабочего движения, их призывы к решительной борьбе против большевизма и всех компартий явно служили интересам врагов рабочего движения.

Несколько иначе говорил об СССР и коммунистах О. Бауэр. Он подчеркивал значение для социал-демократии примера вовлечения в революционное движение крестьян России и утверждал, что в Азии и Африке рабочий класс должен «приобрести в крестьянах союзников, без которых он не может победить»<sup>1</sup>. Считая, что победа рабочего класса в Европе зависит от борьбы народов Востока, Бауэр видел историческую заслугу СССР

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. VI, 151.

в том, что он своим существованием и политикой ускорил процесс национальных революций на Востоке и что за большевиками идут широкие массы. В то же время он утверждал, будто заявления Коминтерна о стабилизации капитализма, о неизбежности войн и порождении ими революционных кризисов являются «теорией отказа» от борьбы за социализм в существующих условиях. Отрицая связь раскола рабочего движения с подкупом части рабочих буржуазией, считая причиной раскола только спор о путях победы рабочего класса, Бауэр бездоказательно объявлял коммунистов ответственными за раскол.

Своеобразной была позиция английской делегации. Ч.-Р. Бакстон заявил, что она не считает возможным в документах конгресса высказывать суждение о внутреннем положении СССР, против которого ведется кампания английским правительством. Его в этом поддержали Д. Ландсбери и П. Доллан. Бакстон выступил за восстановление дипломатических отношений между Англией и СССР и призвал поддержать советские предложения о разоружении в комиссии Лиги наций. Ландсбери подчеркнул значение великих событий и перемен на Востоке и сказал, что английские рабочие желают рабочим России успехов в социалистическом строительстве, даже если их методы отличаются от английских. П. Доллан подтвердил, что рабочие СССР стремятся к миру, не считают войну средством социальной революции и выразил несогласие с утверждением, будто причиной экономического кризиса в России является существующий там политический строй. Он протестовал против попыток возложить на коммунистов ответственность за репрессии, проводимые правящими кругами капиталистических стран.

Часть выступавших, например И. Ниджалковский (Польша), Ж. Зиромский (Франция), И. Панкен (США), Й. Пистнер (Румыния), вообще не говорила ни об СССР, ни о большевизме. Важно, что глашатаев социал-реформистского антикоммунизма они не поддержали.

Немало внимания было уделено фашизму. Часть выступавших, правильно связывая фашизм с «буржуазной плутократией», с капиталистической реакцией, подчеркивали его опасность для демократии, мира и будущего социализма, раскрывали враждебность фашизма демократии, приверженность к насилию и террору, его социальную демагогию, разрушительные устремления и отсут-

стве созидательных идей, особую агрессивность, в каких бы разнообразных формах он ни проявлялся. Справедливо отвергая дилемму «фашизм или большевизм», выступавшие доказывали необходимость защиты демократических свобод и парламентского строя, подчеркивали решающую роль рабочего класса в защите демократии. Но четкого определения классовой сущности фашизма дано не было. Не только Вандервельде, но и многие другие характеризовали фашизм только как «бонапартизм второго издания»<sup>1</sup>, недооценивая его опасность. Не обобщая опыт борьбы масс, не рекомендуя конкретных мер, выступавшие ограничивались призывами защищать демократию и крепить интернациональную солидарность.

Обсуждая другие аспекты мирного развития, ораторы отмечали, что ведущей страной капиталистического мира стали США. Критике были подвергнуты «сказки о процветании» — процветании США, где трудящиеся подвергались усиленной эксплуатации и страдали от безработицы. Делегаты конгресса высказались против экспансии США в Латинской Америке и Европе, отмечали, что правящие круги США поддерживают капиталистический строй в Западной Европе. В связи с этим подчеркивалась необходимость укрепления интернациональной солидарности и взаимодействия рабочих Западной Европы и США.

Выступавшие осуждали использование колонизаторами насилия и высказывались за независимость и равноправие Китая, Египта и Индии. Бауэр считал пробуждение и освобождение народов Востока важным условием победы рабочего класса в Европе. Он отмечал возросшую активность пролетариата в азиатских странах, особенно в Китае. Но рост рабочего движения в Китае оценивался им без учета специфики мировой обстановки и упрощенно отождествлялся с ранними этапами рабочего движения Западной Европы. Бауэр бездоказательно утверждал, будто большевизм способствует распространению среди трудящихся Востока народнических иллюзий, и пытался опровергнуть подтверждавшуюся опытом МНР идею перехода к социализму, минуя капитализм. Исходя из ошибочного мнения, что все народы должны пройти через капитализм, он призывал рабочих Азии заимство-

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. VI, 54.

вать взгляды и способы борьбы у западноевропейского пролетариата, т. е., по его убеждению, исключительно социал-демократические. Цели же национально-освободительного движения сводились лишь к ликвидации неравноправных договоров, завоеванию политической независимости. Задача углубления этого движения, развертывания борьбы народов колоний и зависимых стран за демократизацию даже не ставилась.

После дискуссии по первому вопросу конгресс единогласно принял Манифест — обращение к рабочим всего мира, констатирующее, что мир может быть обеспечен только социализмом. В нем осуждались гонка вооружений, обострение национальных противоречий, социального гнета и несправедливости, безработица и нищета, усиление монополий, действовавших в международном масштабе и использовавших пролетариат колоний против рабочих Европы и Америки.

Однако мировое развитие рассматривалось без учета возросшей роли СССР. Вместо этого на авансцену выдвигалась социал-демократия, влияние которой значительно преувеличивалось: она провозглашалась «существенной основой мира»<sup>1</sup>.

Более решительно, чем прежде, Манифест критиковал буржуазию США, европейских и других стран за эксплуатацию и грабеж трудящихся масс, за противодействие укреплению мира и демократии, за экспансию в Китае, Египте, Индии. Резко осуждались фашизм и буржуазный национализм. Подчеркивая ценность демократических свобод, Манифест разъяснял, что демократия является средством достижения социального равенства. Он приветствовал национально-освободительную борьбу народов Востока и призывал пролетариат поддерживать ее.

Вместе с тем Манифест заявлял, будто простое расширение демократических свобод создаст условия для установления «пролетарской демократии»<sup>2</sup>. Игнорируя специфику стран Азии, Манифест рекомендовал рабочим этих стран заимствовать методы борьбы рабочих Европы, считал условием их успеха только борьбу на почве политических свобод, предлагал им влиться в РСИ.

Манифест призывал к интернациональному единству пролетариата; в нем говорилось даже о героизме рабочих

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. IX, 4.

<sup>2</sup> Ibid., S. IX, 6.

Советского Союза в борьбе против капитализма и контрреволюции. Но в то же время коммунисты обвинялись в расколе рабочего движения. Коминтерн осуждался за то, что он якобы связывает революционную перспективу только с мировой войной. Советская власть расценивалась как диктатура меньшинства. Обещая, что РСИ будет защищать СССР от агрессии и требовать нормализации отношений с ним, Манифест призывал рабочий класс Советского Союза объединиться с РСИ на основе защиты демократии, сделав ее «инструментом освобождения человечества».

Важные интересы рабочего класса и других трудящихся Манифест Брюссельского конгресса выражал неполно, непоследовательно и искаженно. Печать антикоммунизма и антисоветизма, социал-реформистская ограниченность трактовки проблем демократии и национально-освободительного движения, отсутствие обобщения опыта и конкретных рекомендаций массовой борьбы против фашизма и опасности войны лишали его необходимой действенности. Манифест не соответствовал объективным потребностям рабочего класса и других прогрессивных сил.

По второму вопросу повестки дня — о милитаризме и разоружении — разногласий почти не было. Комиссия усовершенствовала заранее подготовленный проект резолюции. Обосновывая его на пленарном заседании, И.-В. Альбарда подчеркнул решающее значение разоружения для сохранения мира, указав, что конгресс обращается не только к правительствам и Лиге наций, но и к народам, прежде всего к рабочему классу, зовет их на борьбу за мир. Он предостерегал, что рабочие потеряют веру в Лигу наций, если она не сможет решить проблему разоружения. Полагая, что война уже тогда могла быть предотвращена, Альбарда предлагал использовать страх буржуазии перед революциями, которые могут быть порождены войнами, добиться установления над вооружениями и вооруженными силами контроля парламентов и демократизации вооруженных сил. Сохранение мира он считал важным условием перехода к социализму.

Выступавшие в прениях поддержали эту резолюцию. Х. Дальтон, не считавший возможным добиться разоружения и обязательного решения третейскими судами международных конфликтов в условиях капитализма, отметил необходимость бороться против экономических

причин конфликтов — «экономического империализма» — и мобилизовать все силы, чтобы помешать возникновению новой войны. Рендель придавал первостепенное значение вовлечению в борьбу за мир масс, их выступлениям против правительств, отказывающихся от мирного урегулирования международных конфликтов; он говорил о руководящей роли РСИ в борьбе за мир. Броквей считал практически неэффективным требование частичного разоружения, запрещения газов и т. п., так как, по его мнению, с началом войны такие ограничения будут нарушены. Он особо поддерживал мысль призвать рабочих к революции против тех правительств, которые выступают зачинщиками войны, и подчеркивал важность интернациональной солидарности рабочих во время войны. Криспин обратил внимание на тот факт, что, несмотря на заключение ряда соглашений, гонка вооружений продолжается и опасность войны возрастает. Напомнив идеи Ж. Жореса о революции против войны, он заявил, что народ должен восстать против правительства, если оно будет заставлять его воевать против народов других стран. Аплодисментами был встречен его призыв свергнуть прибегшее к насилию правительство его же оружием.

Принятая конгрессом резолюция о милитаризме и разоружении была обстоятельной и конкретной, ее тон — весьма решительным. Осуждая «всеобщую тенденцию капитализма к войне», конгресс игнорировал возможность и необходимость справедливых освободительных войн. Целью РСИ является всеобщее и полное разоружение, которого можно добиться только совместной и энергичной борьбой пролетариата против господствующих классов. В качестве непосредственной задачи выдвигалось ограничение вооружений. Ее предлагалось решить путем использования стремлений части буржуазии к сохранению мира и ее страха перед революцией, а главное — путем усиления давления рабочего класса на правительства, выступлений в парламентах и «постоянных и энергичных действий масс», «даже в самой революционной форме»<sup>1</sup>, против правительств, отказывающихся от урегулирования международных конфликтов третейским судом и идущих к войне.

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. IX, 8.

В резолюции было выставлено требование решать все международные споры третейским судом, заключить соответствующие соглашения с участием всех государств, включая США и СССР, и бороться за всеобщее разоружение на основе равноправия, без привилегий держав-победительниц. Предлагались конкретные меры для того, чтобы ни одно государство не имело готовых к действиям значительных вооруженных сил. Считалось необходимым сократить сроки военной службы и уменьшить число призываемых на нее граждан. Намечалось добиваться соглашений между государствами о запрете газовой и бактериологической войн, об ограничении военных расходов, числа тяжелых орудий, танков и т. п., об установлении национального и интернационального контроля с помощью Лиги наций над производством, торговлей и перевозкой вооружения. Выдвигались требования демократизации вооруженных сил, расширения парламентского контроля над ними, запрещения фашистских военных организаций.

Отмечая стремление империалистов к войне и увеличению числа государств с диктаторскими правительствами, конгресс подчеркивал обострение опасности войны и предостерегал рабочих против чувства ложной безопасности, даже если будут заключены соглашения об ограничении или сокращении вооружений. Он подчеркивал значение «независимых и прямых действий интернационального рабочего класса против капиталистических правительств», даже против «всех форм капитализма»<sup>1</sup>

Как выступления делегатов, так и резолюции о милитаризме и разоружении заметно отличались от речей и резолюции о мире, принятых на Марсельском конгрессе. Теперь они отражали возросшую заинтересованность рабочего класса в сохранении мира, его усилившееся недоверие к буржуазным правительствам, соглашениям между ними и Лигой наций, а также увеличившееся стремление к активным выступлениям, что представляло собой шаг вперед. Но в этих документах не говорилось о возможности, даже неизбежности освободительных, справедливых войн и необходимости их поддержки; не было рекомендовано конкретных форм тех массовых антивоенных выступлений, которым отводилась решающая роль. Был обойден вопрос о необходимости единства действий

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. ., S. IX, 12.

рабочих организаций и о конкретных формах сотрудничества с коммунистами, а также о вовлечении в борьбу за мир средних слоев населения и их массовых организаций. Общих же призывов к сплочению было явно недостаточно. Недоставало признания возрастающей роли в борьбе за мир, в частности за разоружение, Советского Союза, без учета которой невозможно верно оценить перспективы сохранения мира. Все это снижало эффективность принятой конгрессом резолюции о милитаризме и разоружении и осложняло ее выполнение.

По колониальному вопросу конгрессу был предложен целый ряд материалов. Кроме рассмотренного выше подготовленного специальной комиссией Исполкома программного документа имелись пространные меморандумы БЛП, Голландской СДРП, Единой социалистической партии итальянских рабочих, СП США, СФИО, Датской СДП. В меморандумах и приложениях к ним конкретно характеризовались положение в различных колониях и позиция разных социал-демократических партий. При всей специфике их деятельности отношение к колониям и национально-освободительному движению имело общий знаменатель: социал-реформистский подход.

Заранее подготовленный программный документ был по поручению комиссии представлен конгрессу ветераном английского рабочего движения С. Оливером, который не только обратил внимание на частные изменения, внесенные в документ комиссией конгресса, но и характеризовал различные этапы колониальной политики — коммерческого, либерального и империалистического колониализма. Осуждая противопоставление белых рабочих цветным и дискриминацию цветных рабочих в Южной Африке, он все же нашел возможным похвалить англичан за распространение в колониях принципов независимости и христианства.

Предложенный комиссией проект резолюции от имени немногочисленных и не оказывавших заметного влияния представителей из колоний поддержал приехавший с Мадагаскара член делегации СФИО Э. Лонге (Стефани). Серьезные вопросы были подняты только Ш.-Г. Крамером (Голландия). Опираясь на опыт создания «радикальной концентрации» против колониализма в Индонезии, он выдвинул идею единого фронта всех сил, выступающих против реакции. Заявив, что время, когда судьбы цветных народов решались без их участия, про-

шло, Крамер предложил искать формы единства с националистами, борющимися за освобождение колоний. Полагая, что в данный момент сотрудничество с коммунистами неосуществимо, он призвал объединить усилия с Лигой борьбы против колониализма, которая, по его мнению, выражала интересы народов колоний. Считая, что борьба в Восточной Азии имеет решающее значение для социализма, Крамер подчеркнул необходимость создания в колониях единого фронта белых и цветных рабочих против капитализма, укрепления связи социал-демократии с угнетенными народами, созыва РСИ конгресса представителей народов колоний. Но на резолюцию его выступление заметного влияния не оказало.

Конгресс единогласно принял программный документ, предложенный комиссией. Дополнительно подчеркивалась поддержка РСИ освободительной борьбы народов «за независимость и их требований свободы и права», указывались конкретные страны — Китай, Индия, Египет, Сирия, Ирак, Филиппины, Корея, Аннам, несколько конкретнее осуждалась агрессия США в Гаити, Сан-Доминго, на Кубе. Были расширены требования улучшения условий труда и обеспечения элементарных прав местных рабочих в колониях с «неразвитой культурой».

Одобренная конгрессом социал-реформистская программа РСИ в колониальном вопросе, по существу, не вносила во взгляды и практику социал-демократии ничего нового. Она не соответствовала мировой обстановке, даже признанному частью социал-реформистов влиянию СССР на национально-освободительное движение, интересам рабочего класса капиталистических стран, выросшему массовому антиколониальному движению, которое никак не укладывалось в рамки мирной борьбы за реформы и, конечно, не могло удовлетвориться намеченными конгрессом реформами, даже если бы они были осуществлены. Поэтому резолюция скорее мешала, чем способствовала развертыванию массовой борьбы против колониализма, за освобождение колоний и зависимых стран.

Внимание участников Брюссельского конгресса привлек вопрос об экономическом положении в послевоенное время и «экономической политике рабочего класса». Докладчик М. Хилквит рассматривал развитие мирового хозяйства без учета его раскола и успехов СССР. Характерными чертами развития экономики после первой мировой

войны он считал централизацию, интернационализацию и американизацию. Первая выражалась в сосредоточении значительной части мирового производства в США и перемещении туда из Европы центра тяжести хозяйственного развития. Проявление второй он видел в преодолении монополиями национальных барьеров, в индустриализации аграрных стран, в превращении всего мира в арену конкурентной борьбы монополий, что усиливало опасность войны. «Американизацией» Хилквит называл процесс рационализации производства, ведущий к интенсификации труда и доводивший труд до «физической непереносимости».

Докладчик считал, что от капитализма, который уже неспособен управлять мировой экономикой, нельзя ожидать назревших и необходимых экономических преобразований, хотя эти преобразования сводились лишь к ликвидации таможенных барьеров, улучшению охраны труда, особенно азиатских рабочих, установлению над монополиями международного контроля с участием рабочего класса. Таких реформ, по мнению Хилквита, может добиться только рабочий класс. Решение проблемы осложняется неравномерностью развития рабочего движения, слабо организованного в Америке и вовсе не организованного в Азии. Он призывал к повышению уровня организованности и интернациональной солидарности рабочих всех стран.

В дискуссии выявились две тенденции. Одна, выразителем которой был Ф. Нафтали, преувеличивала глубину изменений в капитализме, связанных с усилением монополий. Запоздалое признание решающей роли монополий, выясненной еще в начале XX в., привело Нафтали не к ленинскому учению об империализме и его революционным выводам, а к заявлению, будто «становится зримым социалистическое хозяйство»<sup>1</sup>. Несмотря на оговорки о силе сопротивления монополий, задачу перехода к социализму он сводил к тому, чтобы поставить последние под контроль наций, а международные концерны — под контроль сообщества наций. Подчеркивая значение рационализации производства для увеличения производительности труда, Нафтали призывал использовать ее также для строительства социалистического мирового хозяйства. Этот глашатай «организованного капитализма»

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. VI, 31.

совершенно игнорировал необходимость утверждения власти рабочего класса и установления общественной собственности на средства производства.

Представители другой тенденции оценивали изменения в капитализме гораздо скромнее. Вслед за докладчиком они обратили внимание на тяжелые для рабочего класса последствия усиления монополий и рационализации капиталистического производства и внесли целую серию конкретных предложений, направленных на защиту интересов рабочего класса в изменившихся условиях, призывали организовывать изучение и законодательное регулирование деятельности монополий и условий труда через Лигу наций и Международное бюро труда. С переходом к социализму эти меры, однако, не связывались.

Несмотря на заметные различия, обе тенденции были социал-реформистскими. Поэтому в комиссии, готовившей проект резолюции, их без особого труда удалось объединить.

Принятая конгрессом резолюция игнорировала длительный процесс развития монополий и факт их господства с начала XX в., как и развитие в противовес капитализму социалистического хозяйства в СССР. Но она верно констатировала, что рабочий класс сталкивается всюду, за исключением «русского континента», со все более мощными монополиями, отмечала перемещение центра тяжести мировой капиталистической экономики в США. В ней подчеркивались усиление противоречий между ростом производительных сил и спросом трудящихся на товары, обострение конкурентной борьбы и возрастание опасности войны. Не разделяя оптимизм Нафтали, резолюция говорила не об «элементах», а о «предпосылках» социализма.

Перед рабочим классом ставилась задача установить над экономикой свое господство, защитить интересы трудового крестьянства и других пролетаризирующихся слоев населения. Однако решить ее предлагалось без революции — «через нации и Лигу наций», профсоюзы и кооперативы, поставить под контроль общественности и постепенно вытеснить монополии, использовать рационализацию производства для улучшения защиты труда и обеспечения права рабочих организаций на соучастие в управлении. Интернациональные задачи сводились к борьбе за принцип «открытых дверей» и «возвращение» СССР в мировую экономическую систему, за междуна-

родное регулирование условий труда и миграции рабочей силы, за создание в Лиге наций экономического органа с участием организованных рабочих для контроля над монополиями.

Справедливое недовольство трудящихся последствиями усиления монополий и капиталистической рационализации производства конгресс стремился направить не в русло классовой борьбы и массовых выступлений, а в сторону сотрудничества рабочего класса с предпринимателями, парламентских выступлений за реформы, организационно-хозяйственной позитивной деятельности профсоюзов и кооперативов, соглашений между капиталистическими государствами и надежд на Лигу наций. Намеченные конгрессом меры поражали своей несостоятельностью и напоминали сеть, которую хотели сплести мыши, чтобы поймать и заставить служить себе kota.

К этой резолюции примыкала принятая без дискуссии резолюция о 8-часовом рабочем дне, протестовавшая против попыток правящих кругов некоторых стран ревизовать Вашингтонскую конвенцию, против наступления на интересы рабочего класса. Но дальше рекомендации усилить массовую агитацию за ратификацию конвенции резолюция не пошла.

Конгресс рассмотрел итоги III Международной конференции женщин, касавшиеся положения женщины и детей, и рекомендовал улучшить обеспечение матери и ребенка, положение женщины на производстве, а также совершенствовать и выполнять законы о страховании и обеспечении больных, инвалидов, престарелых. Конгресс одобрил резолюцию по этому вопросу.

Решения конгресса по организационным вопросам противоречили интересам рабочего класса. Умолчав о наметившемся снижении влияния социал-демократии, секретарь РСИ Адлер призывал повысить активность и сплоченность социал-демократических организаций. Но основным содержанием его доклада по организационным вопросам были нападки на Коминтерн, обвинение коммунистов в ставке на войну и в стремлении ликвидировать социал-демократию. Адлер отрицал наличие теоретических и принципиальных разногласий социал-демократов с коммунистами, но решительно выступал против любого сотрудничества социал-демократов и коммунистов, требовал категорического запрещения участия социал-демократов в организациях, линия которых направ-

лена против или расходится, не совпадает с линией РСИ, включения в устав РСИ соответствующих положений.

Развернувшаяся дискуссия выявила разные мнения. Некоторые делегаты конгресса выступали против запрета участия социал-демократов в таких организациях, как Лига борьбы против империализма, Межрабпом и другие, позиция которых не совпадала с позицией РСИ. Они отражали растущее стремление рядовых социал-демократов к совместной с коммунистами борьбе против общего врага, к единству действий. Но верх одержали антикоммунистически настроенные лидеры РСИ, противники любого сотрудничества с коммунистами. В устав РСИ был включен абзац, запрещающий социал-демократам участвовать в работе «международных политических объединений, с чьими тенденциями РСИ находится в программном или тактическом противоречии»<sup>1</sup>. Было также решено созывать конгрессы РСИ не «по меньшей мере», а «как правило», раз в три года, а в случае необходимости Бюро РСИ получило возможность на определенных условиях проводить конференции РСИ по вопросам «международной политики и тактики»<sup>2</sup>. Таким образом, призыв к активизации и сплоченности социал-демократических организаций во многом был направлен против усилившейся тенденции сотрудничества социал-демократов с коммунистами, на углубление раскола рабочего движения.

Работа конгресса закончилась, как и началась, в торжественной обстановке. Приветствуя делегатов конгресса от имени Бельгийской рабочей партии, Вандервельде заявил, будто социал-демократия стала тем, чем она тогда являлась, благодаря гению Маркса и Энгельса. Гендерсон подчеркнул значение конгресса для рабочих всего мира.

В действительности роль социал-демократии и место этого конгресса в развитии рабочего движения были вовсе не такими, какими считали или хотели показать их лидеры РСИ. Брюссельский конгресс должен был уделить внимание СССР, противоречиям капитализма, требованиям рабочего класса капиталистических стран, фашистской опасности, национально-освободительному движению больше, чем Марсельский. Вместе с тем и рас-

---

<sup>1</sup> Dritter Kongress. . . , S. IX, 24.

<sup>2</sup> Ibid., S. IX, 25.

хождения между различными тенденциями в социал-демократическом движении по некоторым вопросам, в частности об СССР, о монополиях и рационализации производства, в 1928 г. оказались сильнее, чем в 1925 г. В целом же социал-реформизм не поспевал за ускоряющимся развитием общества.

III конгресс РСИ обсудил ряд важных проблем, волновавших широкие массы рабочего класса. В его резолюциях нашли отражение многие интересы трудящихся, был выдвинут значительный круг соответствующих им требований.

Однако эти требования, не отличаясь полнотой и последовательностью, были нацелены не столько на коренное решение проблем в интересах трудящихся, сколько на компромисс с капитализмом. По существу, они не выходили за рамки капитализма, не затрагивали его устоев — власти и собственности буржуазии, хотя некоторые из них выдавались за условие перехода к социализму, что вводило часть трудящихся в заблуждение. Клеветническое осуждение коммунистов, требование изменить государственный строй СССР, принцип «открытых дверей» и т. п. соответствовали интересам буржуазии, а не пролетариата и дезориентировали часть трудящихся. Для осуществления выдвинутых требований, за исключением противодействия милитаризму и войне, конгресс рекомендовал только легальные, в основном парламентские и агитационно-пропагандистские средства борьбы, игнорировал уроки крупнейших массовых выступлений трудящихся Англии, Австрии, ориентировал на реформы, а не на революцию, на классовое сотрудничество, а не на развертывание классовой борьбы пролетариата. Поэтому, несмотря на выставление многих требований, соответствовавших интересам трудящихся, резолюции конгресса в целом не способствовали, а мешали росту и повышению идейно-политического уровня международного рабочего движения.

\* \* \*

Вторая половина 20-х годов была периодом консолидации сил и активизации международного социал-реформизма. Временное поражение революционного авангарда рабочего класса капиталистических стран, частичная стабилизация капитализма и усилия самих социал-реформистов привели к изменению соотношения сил в рабо-

чем движении капиталистических стран в пользу социал-реформизма. Социал-реформисты способствовали стабилизации капитализма, однако она вела к сужению рабочего движения в целом и к снижению значения социал-демократических партий по сравнению с буржуазными. В годы частичной стабилизации капитализма социал-реформистам не удалось добиться ни расширения своего влияния в рабочем движении, ни увеличения политического веса социал-демократии в капиталистическом мире.

К концу 20-х годов наметилось снижение влияния социал-реформистов, а вместе с тем и политической роли социал-демократии. Это было следствием не только наступления реакционных сил на рабочий класс, на рабочее движение, включая социал-демократию, но и односторонности, непоследовательности и противоречивости выдвинутых социал-реформистами концепций мирового развития, ограничения ими средств защиты интересов трудящихся, несоответствия социал-реформистских установок объективным задачам и возможностям рабочего класса. Социал-реформистская уступчивость ради сотрудничества с буржуазией вела к сдаче одной позиции за другой и все более обнаруживала несостоятельность социал-реформизма.

## ГЛАВА III. КРИЗИС РСИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОБОСТРЕНИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В 1929—1933 ГГ.

С конца 20-х годов, вскоре после III конгресса, начался новый этап развития РСИ, обусловленный изменением объективных условий международного рабочего движения — обострением противоречий и классовой борьбы в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., а также успехами социалистического строительства и ростом влияния СССР.

### **В годы кризиса**

Экономический кризис перепроизводства, начавшийся осенью 1929 г., развивался неравномерно, но поразил все капиталистические страны и все отрасли экономики. Он продолжался 4 года и имел огромную разрушительную силу.

Следствием мирового экономического кризиса явилось резкое ухудшение положения всех трудящихся. Разорились миллионы крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Инфляция и безработица ударили по служащим и интеллигенции. Но тяжелее всех пришлось рабочим. Число безработных в капиталистических странах увеличилось почти в 3 раза, превысило 30 млн. человек, а временами доходило до 40 млн., что составляло примерно 15—20% всей наемной рабочей силы. Предприниматели воспользовались безработицей для усиления эксплуатации работающих: интенсивность их труда повышалась, а зарплата снижалась. Реальная заработная плата рабочих в 1932 г. была ниже, чем в 1929 г., в среднем примерно на 30%<sup>1</sup>. Миллионы трудящихся были лишены средств существования. Буржуазные партии и правительства поддерживали банкиров и предпринимателей. Под предлогом стимулирования производства они предоставляли крупному капиталу льготы и помощь за счет народных масс, усилили государственное регулирование экономики в интересах монополий, добиваясь сокращения пособий и пенсий, отказывая в помощи многим

---

<sup>1</sup> См.: XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1933, т. I, с. 4, 43.

безработным, возлагая на трудящихся бремя новых налогов. Результатом было расширение и обострение противоречий между трудом и капиталом, борьбы между трудящимися и буржуазией.

Мировой экономический кризис вызвал обострение противоречий между финансовой олигархией и другими слоями буржуазии, что увеличило политическую неустойчивость в мире.

Более других от экономического кризиса пострадали слабая промышленность и отсталое сельское хозяйство колоний и зависимых стран, что повлекло за собой обострение противоречий и конфликтов народов колоний и зависимых стран с их угнетателями. Ожесточилась конкурентная борьба между империалистическими державами. Это обусловило усиление их агрессивности, милитаризацию и гонку вооружений, обострение международных конфликтов. Созданная державами-победительницами после первой мировой войны версальско-вашигтонская система договоров стала разваливаться. Там, где монополии исчерпывали возможность поддерживать свое господство иными средствами, наиболее агрессивные и реакционные круги буржуазии все решительнее использовали фашистов, увлекавших социальной и националистической демагогией часть средних слоев и добивавшихся ликвидации демократических свобод, установления террористической диктатуры, готовивших передел мира путем войны. Усилились массовые репрессии.

Мировой экономический кризис положил конец частичной стабилизации капитализма. Он развернулся на базе общего кризиса и способствовал его углублению — обострению всех противоречий капитализма, увеличению его экономической, политической и идеологической неустойчивости.

В совершенно ином направлении развивался Советский Союз. После того как рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством добился изоляции буржуазии в городе и кулачества в деревне, в конце 20-х годов в развитии советского общества «наступил переломный момент»<sup>1</sup>: началось развернутое наступление социализма. Ускорились темпы индустриализации и технической ре-

---

<sup>1</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах, т. 4, кн. 2, с. 32.

конструкции народного хозяйства, завершилась коллективизация в сельском хозяйстве, а кулачество как класс было ликвидировано. К концу 1933 г. в СССР был создан фундамент социалистической экономики. «Ленинская политика социалистической индустриализации, производственного кооперирования крестьянства и ликвидации эксплуататорских классов одержала решающую победу»<sup>1</sup>. Укрепили союз рабочего класса с крестьянством, дружба народов, социалистический общественный и государственный строй, усилилась роль рабочего класса и его партии — ВКП(б). Выросли благосостояние и культура народа. Была полностью ликвидирована безработица, введен 7-часовой рабочий день, уничтожена нищета в деревне, обучены грамоте десятки миллионов рабочих и крестьян.

Эти и другие достижения были особенно заметны на фоне мирового экономического кризиса, поразившего капиталистические страны, и подчеркивали преимущества социализма. СССР стал привлекать внимание трудящихся всех стран не только потому, что являлся страной, где рабочие совершили победоносную революцию, «но и потому, — как писал английский социалист Р. Милибэнд, — что теперь в ней видели страну планирования, рационального и научного использования ресурсов, полной занятости. Не меньшее значение имело, конечно, и то, что Советская Россия казалась... движимой высоким нравственным идеалом, на создание которого капитализм был совершенно неспособен»<sup>2</sup>.

Вместе с тем возросла активность СССР в борьбе за разоружение. Советский Союз, срывая планы изоляции и военные провокации, подписал с соседними и другими государствами ряд соглашений, способствовавших упрочению мира. Многие рабочие капиталистических стран в годы экономического кризиса сохраняли работу благодаря заказам СССР, потреблявшего 24% всего мирового экспорта машин<sup>3</sup>. Десятки тысяч зарубежных безработных нашли работу в Советском Союзе. Все это повысило авторитет СССР в глазах трудящихся всего мира, укрепило его международные позиции, усилило влияние на развитие мирового революционного движения.

---

<sup>1</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах, т. 4, кн. 2, с. 261.

<sup>2</sup> Милибэнд Р. Парламентский социализм, с. 279.

<sup>3</sup> См.: XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. II, с. 66.

В условиях усиления двух противоположных линий развития — капитализма и социализма, ухудшения экономического и политического положения трудящихся капиталистических стран, натиска монополий, активизации наиболее реакционных и агрессивных кругов империализма, наступления фашистов — объективной непосредственной задачей рабочего класса и других слоев трудящихся в годы мирового экономического кризиса являлась защита своих жизненных социально-экономических интересов, демократических свобод и мира между народами. Для ее решения более, чем прежде, необходимы были мобилизация и напряжение всех сил рабочего класса, единство действий его организаций, а также сплочение потенциальных союзников — средних слоев города и деревни, национально-освободительного движения, всех прогрессивных сил, упрочение интернациональной солидарности. В эту борьбу втягивались самые широкие слои трудящихся. Во главе шел рабочий класс, активность, организованность и сознательность которого значительно повысились. «После периода относительной стабилизации капитализма в мире началось нарастание революционного рабочего и национально-освободительного движения»<sup>1</sup>.

Рабочие и другие трудящиеся сыграли решающую роль в свержении монархии и развитии буржуазно-демократической революции 1931 г. в Испании. В 1929—1933 гг. в забастовках участвовало свыше 16 млн. трудящихся. В Индии, Индокитае, Бирме, Индонезии и Египте вспыхнули антиимпериалистические и антифеодалные восстания. На XII пленуме ИККИ летом 1932 г. отмечалось: «Никогда мы еще не имели на протяжении короткого периода таких разнообразных и крупных боев, как в последнее время. При этом характерно, что во всех этих боях рабочим классом в большинстве случаев была проявлена необыкновенная решительность, выдержка и революционная воля в борьбе... все это свидетельствует о высокой степени радикализации масс»<sup>2</sup>.

Годы кризиса стали временем сурового испытания для всех рабочих партий и других организаций трудящихся. Коммунистическое движение было «единственной

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 279.

<sup>2</sup> XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. I, с. 43.

организованной политической силой, выступавшей в годы кризиса решительно и непримиримо против империалистической реакции...»<sup>1</sup>. Признавая и подчеркивая эту роль коммунистов, известный деятель лейбористского движения Д. Коул писал, что «многие годы коммунисты практически в одиночку боролись против международных сил, выступавших за войну и сохранение капитализма...»<sup>2</sup>.

Уже в начале 1930 г. Президиум ИККИ, отметив тенденцию к расширению «фронта пролетарской борьбы» и втягиванию в нее союзников рабочего класса, обязал коммунистов выдвигать лозунги для развития выступлений трудящихся, разрабатывать конкретные требования рабочих на каждом предприятии и увязывать их с общими задачами борьбы рабочего класса. XI пленум ИККИ (1931) сосредоточил внимание коммунистов на борьбе против наступления фашизма и происков агресоров.

Констатировав «переход к новому туру крупных столкновений между классами и государствами, к новому туру революций и войн»<sup>3</sup>, XII пленум ИККИ в 1932 г. ближайшими задачами коммунистов капиталистических стран считал конкретную борьбу против наступления капитала, против фашизма и реакции, против надвигавшейся империалистической войны и опасности антисоветской интервенции.

Коммунисты проявляли героизм, проводя эту линию. В 1933 г. возможность действовать легально имели не 35 компартий, как в 1928 г., а лишь 16. Только 7 компартий могли работать полуполигально, а 38 — вместо 27 в 1928 г. — были вынуждены функционировать нелегально. Коммунистов преследовали даже там, где компартии были легальными: рабочих-коммунистов первыми увольняли, среди них был наибольший процент безработных. Тяжелые потери несли компартии в результате ужесточившихся репрессий и фашистского террора. Но, как отмечалось на XIII пленуме ИККИ, «в Болгарии, Польше, Японии, Китае и других странах, где каждый коммунист, попадая в руки классового врага, подвергается из-

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 322.

<sup>2</sup> Cole G. D. H. A History of Socialist thought. London, 1960, vol. V, p. 11.

<sup>3</sup> XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. III, с. 163.

биениям, пыткам, приговаривается на долгие сроки тяжелого тюремного заключения, коммунисты в своем большинстве не перестают быть коммунистами и вести борьбу даже в тюрьме. Выходя же из тюрьмы, большинство из них сразу же снова берется за работу»<sup>1</sup>.

Коммунисты обоснованно критиковали социал-реформистов за соглашательство с буржуазией и капитулянтство перед фашистами, за антикоммунизм и антисоветизм. Одновременно они боролись против проникавших в компартии оппортунистических настроений и некоторых левацко-сектантских тенденций.

В деятельности Коминтерна и его секций имелись недостатки. Преувеличивая темпы назревания революционного кризиса и готовность трудящихся к борьбе за социалистическую революцию, коммунистическое движение «не сразу учло своеобразие изменившейся обстановки и вытекавшую из нее необходимость сосредоточить все усилия первоначально на решении общедемократических, антифашистских задач»<sup>2</sup>. Хотя возмущение коммунистов социал-реформизмом было совершенно справедливым, характеристика ими социал-демократии как социал-фашизма и основной социальной опоры буржуазии, их заявления об особой опасности ее левого крыла и о направлении основного удара компартий против социал-демократии не соответствовали действительности. Эти неверные установки, как и тенденция к отождествлению буржуазно-демократических и фашистских методов господства, «серьезно препятствовали коммунистическому движению использовать громадные возможности, открывшиеся в годы мирового экономического кризиса, для вовлечения широчайших масс трудящихся в борьбу против реакции и фашизма»<sup>3</sup>. Нащупывая более верный путь, компартии с 1931 г. стали больше внимания и сил концентрировать на борьбе против фашизма и активнее добиваться совместных выступлений с социал-демократами.

Преодолевая трудности и восполняя потери, коммунистическое движение набирало силы. С лета 1928 г. до лета 1932 г. число коммунистов в капиталистическом ми-

---

<sup>1</sup> XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 175.

<sup>2</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 329.

<sup>3</sup> Там же, с. 331.

ре выросло с 588 тыс. до 870 тыс.<sup>1</sup>, т. е. почти на 50%. Идеино-политическое влияние компартий росло еще быстрее их организаций. «Стойкая и последовательная защита Коминтерном и его секциями интересов трудящихся, героизм и несгибаемость в борьбе с фашизмом и империализмом вызвали рост симпатий к коммунистам среди передовых рабочих, трудящихся крестьян, левой интеллигенции»<sup>2</sup>. Коммунисты выступали в авангарде растущего движения против фашизма и войны и начинали сплачивать вокруг себя все прогрессивные силы.

Иными в годы мирового экономического кризиса были роль и судьба социал-демократии. Расширение и обострение борьбы рабочих за социально-экономические интересы трудящихся, за демократические свободы и сохранение мира между народами не привели к общему росту социал-демократии и укреплению РСИ. Вследствие усиления неравномерности развития капиталистических стран увеличилась и неравномерность развития социал-демократического движения. Но в целом с 1928 по 1932 г., несмотря на рост отдельных социал-демократических партий (Испания, Швеция), общее число членов в партиях РСИ сократилось более чем на 300 тыс. (почти на 5%), а количество голосовавших за них избирателей, невзирая на успехи социал-демократов Скандинавских стран и Испании, снизилось почти на миллион (4%). Примерно на 900 тыс. (7%) увеличилось только число членов профсоюзов, объединенных МФП.

Хотя социал-демократы нигде не подвергались таким жестоким преследованиям, как коммунисты, и всюду в капиталистических странах, кроме Италии, Югославии и Литвы, до 1933 г. действовали легально, их крупнейшие партии потерпели серьезные поражения, наиболее тяжелым из которых было крушение СДПГ. Причем причиной поражений было не бесспорное превосходство сил противника, а выявившиеся в обстановке обострения идейно-политической борьбы органическая слабость и несостоятельность социал-реформизма. В результате роль социал-демократии в целом, за исключением отдельных стран, уменьшилась. Падение сил и влияния РСИ в условиях роста рабочего движения объяснялось

---

<sup>1</sup> См.: XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет, с. 412.

<sup>2</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 339.

тем, что он не смог указать трудящимся путей борьбы за решение важных проблем, обострившихся на рубеже 30-х годов: защиты их социально-экономических интересов и демократии против наступления фашизма, сохранения мира между народами. Линия, проводимая руководством РСИ, все более расходилась с основным направлением международного рабочего движения, с интересами рабочего класса и других трудящихся.

Для руководителей социал-демократических партий мировой экономической кризис был неожиданным. В новых условиях социал-реформисты оказались не в состоянии эффективно защищать даже элементарные социально-экономические интересы трудящихся. Поспешив объявить кризис явлением случайным, они не отказались от концепции «организованного капитализма» и считали необходимым «предотвратить крушение капитализма»<sup>1</sup>. Разъясняя отношение социал-реформистов к капитализму в годы кризиса, один из видных деятелей СДПГ заявил, что социал-демократы играют двойную роль врача и наследника у постели больного капитализма, заботясь при этом о якобы заинтересованных в его жизнеспособности трудящихся массах. Некоторые лидеры социал-демократии уверяли, будто противоречия капитализма переместились из сферы производства в сферу распределения. Другие считали, что центр тяжести классовой борьбы из экономики передвинулся в этику. Третьи искали прагматического решения проблем кризиса путем «равенства жертв» рабочих, лишившихся средств существования, и предпринимателей, обходивших все меры ограничения их прибылей. Большинство социал-реформистов сходилось на том, что «наступление на капитал... нельзя вести при ухудшающейся конъюнктуре»<sup>2</sup>. Таким путем сдерживались выступления трудящихся: даже элементарные социально-экономические требования рассматривались как увеличивающие неустойчивость капиталистической экономики, а значит, эгоистические.

Лидеры социал-демократии никак не связывали преодоление кризиса с борьбой за социализм, даже с иллюзией перерастания капитализма в социализм (кроме Бельгийской рабочей партии). Как правило, они искали

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 320.

<sup>2</sup> Vorwärts, 1930, Juli 24.

лишь средства смягчения кризиса и его последствий путем расширения вмешательства существующего государства в хозяйство в соответствии с теориями известного буржуазного экономиста Д.-М. Кейнса. Даже в лучшем случае это вело лишь к усилению государственно-монополистического капитализма. Когда добиться хотя бы временного притупления обострившихся противоречий между рабочими и буржуазией оказывалось невозможно, социал-реформисты так или иначе приносили интересы пролетариата в жертву буржуазии.

Несостоятельность «антикризисных» мер социал-реформистов яснее всего обнаружилась там, где они имели самые сильные позиции и к началу кризиса возглавляли коалиционные или рабочие правительства, — в Германии и Англии. Существовавшее в Германии с 1928 г. правительство «большой коалиции», возглавлявшееся Г. Мюллером, как признавали многие социал-демократы, было «не в состоянии действовать в интересах пролетариата»<sup>1</sup>. Оно сократило пособия некоторым категориям безработных, увеличило взносы трудящихся на страхование, сократило расходы местных органов на социальные нужды, повысило многие прямые и косвенные налоги и вместе с тем увеличило субсидии монополиям, снизило налоги на собственность и оборотный капитал, повысило ввозные пошлины. Социал-реформисты добивались прекращения стачек. С санкции правительства, призывавшего «противодействовать разрушительным тенденциям», многие выступления рабочих подавлялись силой. «Закон о защите республики» власти использовали не столько против фашистов, сколько против трудящихся. В марте 1930 г. новое требование финансовой олигархии снизить пособия безработным натолкнулось на сопротивление профсоюзов. Коалиционное правительство, оказавшись между «молотом и наковальней», пало.

СДПГ и в дальнейшем не смогла защищать социально-экономические интересы трудящихся. Ее лидеры, исключавшие возможность совместных действий с коммунистами, пытались помешать приходу гитлеровцев к власти путем поддержки «меньшего зла» — созданного без социал-демократов реакционного буржуазного правительства Г. Брюнинга, которое беспощадно попирало

---

<sup>1</sup> См.: *Кульбакин В. Д.* Германская социал-демократия. 1924—1932 гг., с. 110.

социально-экономические интересы трудящихся, но пользовалось неизменной поддержкой социал-реформистов.

В Англии незадолго до начала экономического кризиса в результате парламентских выборов 1929 г. было создано лейбористское правительство Р. Макдональда, который заявил, что капитализм всюду потерпел крах, и обещал защищать не столько собственность, сколько жизнь граждан. Но лейбористское правительство ограничилось улучшением системы помощи безработным и сокращением длительности рабочего дня шахтеров. В 1931 г., не желая затрагивать интересы буржуазии и стремясь экономить на социальных расходах, правительство провело закон, лишивший пособий ряд категорий безработных. Однако финансовую олигархию это не удовлетворило. Произошло столкновение между нею и профсоюзами, в котором лейбористское правительство стало на сторону крупной буржуазии, решив урезать социальные расходы, что означало сокращение пособий безработным еще на 10%.

Возмущение трудящихся заставило правительство уйти в отставку. Тогда Р. Макдональд сформировал коалиционное правительство с участием консерваторов и либералов. Это «национальное правительство», провозгласив лозунг «равенства жертв» рабочих и предпринимателей, действовало в соответствии с требованиями финансовой олигархии. Генсовет БКТ и Исполком БЛП вместе с большинством парламентской группы лейбористов осудили политику «национального правительства» и даже исключили Макдональда из БЛП. Но линия их осталась прежней: они не одобряли и не поддерживали развернувшиеся в стране массовые выступления против политики «национального правительства», ограничивались оппозицией в парламенте и ориентировались только на «воспитание и организацию масс». В результате БЛП потеряла поддержку почти 25% прежних своих избирателей.

Не смогла эффективно защищать социально-экономические интересы трудящихся даже выросшая в ходе буржуазно-демократической революции Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП). Участвуя в буржуазно-демократическом правительстве, она стала самой сильной партией в парламенте. Но ее руководители сводили роль рабочего класса в буржуазно-демократической революции к поддержке буржуазных республиканцев.

ИСРП выдвинула сравнительно скромную программу социально-экономических реформ, а массовые выступления трудящихся считала даже помехой ее осуществлению. Буржуазия имела возможность использовать социально-экономические реформы в своих интересах или саботировать их. Последствия экономического кризиса обрушились на трудящихся. Все это привело к падению влияния партии в массах, к исключению ее представителей из коалиционного правительства и в конечном итоге облегчило победу в Испании реакционных сил.

На первый взгляд более эффективными были «антикризисные» меры существовавшего в Дании с апреля 1929 г. коалиционного правительства Т. Стаунинга, возглавлявшегося социал-демократами, и созданного в 1932 г. в Швеции социал-демократического правительства П.-А. Хансона. Однако первое впечатление обманчиво. Во-первых, экономический кризис поразил эти страны только в 1931 г., а закончился не позже, чем в других, т. е. продолжался всего 1,5—2 года. Здесь социал-реформисты располагали необходимым временем для разработки и осуществления «антикризисных» мер с учетом опыта других стран. Тем не менее они свелись в основном к поддержанию «мира в промышленности» путем организации сотрудничества рабочих с предпринимателями, обязательного арбитража конфликтов между ними, подавления стачек, к снижению заработной платы, некоторому увеличению пособий безработным, организации общественных работ, к финансовой помощи государства предпринимателям. Предотвратить или существенно ослабить удар кризиса по трудящимся такие меры не могли: в разгар кризиса в Швеции безработные составляли около 50% всех рабочих и служащих; в Дании — почти 32%. Заметно усилилась эксплуатация и ухудшилось положение работавших. Но иллюзию отсрочки и смягчения кризиса эти меры создавали.

Во-вторых, осуществление социал-демократами в союзе с радикалами и буржуазно-крестьянскими партиями «антикризисных» программ под лозунгами «равенства классов», превращения Швеции в «дом народа», строительства «датского социализма» совпало с началом циклического оживления промышленности, обеспечившего облегчение положения трудящихся, что создало иллюзию эффективности социал-реформистской политики и способствовало расширению влияния и упрочению авто-

ритета социал-демократических партий в Северной Европе.

Бесплодным с точки зрения защиты социально-экономических интересов трудящихся во время экономического кризиса было участие социал-демократов в коалиционных правительствах Эстонии с 1931 г. и Чехословакии в 1929—1932 гг.

Социал-демократические партии, находившиеся в годы мирового экономического кризиса в более или менее «благожелательной оппозиции» почти всюду — во Франции, Австрии, Бельгии, Голландии, Румынии, требовали для смягчения последствий кризиса различных мер: от увеличения пособий безработным, установления 8-часового рабочего дня до организации общественных работ, контроля над монополиями, регулирования цен, помощи крестьянам и т. п. Лидеры Бельгийской рабочей партии (БРП) — единственной из всех попытались связать подобные меры с идеей перерастания капитализма в социализм. Они одобрили разработанный А. де Маном «Пятилетний план безболезненной социализации страны» («План труда»), предусматривавший национализацию важных отраслей хозяйства, создание «смешанной экономики», но лишенный реального значения из-за отсутствия власти рабочего класса.

При всем том социал-реформисты ограничивались только парламентскими выступлениями, были против активных массовых действий трудящихся — демонстраций, стачек, игнорировали организованное движение безработных. Даже парламентские выступления этих партий в защиту некоторых социально-экономических интересов трудящихся сдерживались опасениями поколебать устойчивость умеренных правительств, чтобы не открыть дорогу правым силам, стремлением вместо борьбы против всякого «зла» поддерживать из двух зол «меньшее».

В годы мирового экономического кризиса обнаружилась вся несостоятельность социал-реформистской политики защиты демократических свобод против наступления фашизма. Все социал-демократические партии подчеркивали возраставшую тогда опасность фашизма. Однако социал-реформисты, хотя и считали фашизм порождением капитализма, не смогли до конца раскрыть его конкретную связь с крупным капиталом, его сущность как орудия наиболее реакционных и агрессивных кругов крупной буржуазии. Одни из них продолжали расцени-

вать фашизм только как бонапартизм, лавирующий между классами. Другие на основании анализа социального состава фашистского движения считали его мелкобуржуазным не только по составу, но и по характеру. Причины активизации и распространения фашизма рассматривались без учета интересов наиболее агрессивных и реакционных кругов крупного капитала, и вопрос об этих, самых глубоких корнях фашизма, как правило, социал-реформистами не поднимался. Страдая неполнотой и односторонностью, такой подход был связан с переоценкой возможности сопротивления фашизму буржуазных партий, а также устойчивости буржуазно-демократических учреждений и традиций.

В сочетании с антикоммунизмом подобные ошибочные оценки привели лидеров социал-демократии к выводу, будто оградить демократические свободы можно только путем защиты буржуазно-демократического строя в союзе с нефашистскими буржуазными партиями. Эта основанная на ошибочных оценках стратегия защиты демократических свобод сочеталась с традиционной социал-реформистской тактикой. Всюду, где не были ликвидированы парламенты, они оставались главным полем деятельности социал-демократии, так как социал-реформисты стремились ограничить борьбу против фашизма рамками буржуазной законности. Массовые выступления рассматривались как вспомогательные. Имевшиеся у социал-демократии силы, в том числе и вооруженные, использовались только для обороны и скорее лишь как потенциальная угроза противнику.

В странах с «демократическими традициями» — в Англии, Франции, скандинавских государствах — социал-реформисты недооценивали опасность фашизма. В странах с фашистскими режимами (например, в Италии, Венгрии) они ориентировались лишь на восстановление обанкротившихся дофашистских порядков. В странах, где фашисты наступали особенно активно, рвались к власти, — в Германии, Австрии и др., социал-реформисты, исключая возможность совместных действий с коммунистами, стремились помешать приходу фашистов к власти — «большему злу» путем поддержки «меньшего зла» — стоящих у власти реакционных буржуазных правительств, крупной буржуазии, на деле прокладывавших дорогу фашистам.

В Германии, ставшей с начала 30-х годов важнейшим

участком борьбы против фашизма, эта линия разрабатывалась и осуществлялась одной из крупнейших партий РСИ наиболее полно и потерпела самое сокрушительное поражение. Реакционное правительство Г. Брюнинга урезало демократические свободы и права трудящихся, но в соответствии с политикой поддержки «меньшего зла» оно не было лишено поддержки социал-демократических фракций рейхстага. Как «меньшее зло» на президентских выборах 1932 г., СДПГ поддержала кумира юнкеров и милитаристов П. Гинденбурга, который вскоре назначил рейхсканцлером А. Гитлера. Уже летом 1932 г. фашисты отстранили от власти возглавлявшееся социал-демократами правительство Пруссии, но даже для защиты этого правительства и нарушенной фашистами конституции руководители СДПГ не обратились к массам, не использовали огромную силу партийных организаций, профсоюзов, вооруженных отрядов «Рейсбаннера», силу своего «Железного фронта», а возложили надежды на имперский суд и предстоящие выборы. Подводя итоги антифашистской деятельности СДПГ в те годы, один из ее лидеров — К. Зеверинг признавал: «Мы делали мало. Если мы оказывали некоторое сопротивление, то оно не было централизованным и организованным»<sup>1</sup>.

Когда Гитлер пришел к власти, массы немецких социал-демократов, как отмечал видный социал-реформистский историк Ю. Браунталь, от своих руководителей «нетерпеливо ждали приказа вступить в борьбу»<sup>2</sup>. Но и тогда, несмотря на призывы КПГ, лидеры СДПГ не бросили имевшиеся в их распоряжении значительные силы на чашу весов. Считая, что правительство Гитлера сформировано в соответствии с конституцией, они не желали нарушать «законность». Кроме того, их успокаивало, что правительство было коалиционным и члены НСДРП составляли в нем меньшинство. Наконец, они не хотели подставлять под удар себя и свою партию и были удовлетворены лживым заявлением правительства, что оно ограничится принятием мер только против коммунистов.

Вскоре выяснилось, что момент для нанесения решающего удара упущен, надежды на выборы не оправда-

---

<sup>1</sup> См.: *Кульбакин В. Д.* Германская социал-демократия. 1924—1932 гг., с. 236.

<sup>2</sup> *Braunthal J.* Op. cit., S. 381.

лись и на социал-демократов обрушились массовые репрессии. Спасти СДПГ не могли уже ни позорное отречение О. Вельса от РСИ, ни предательское голосование большинства социал-демократической фракции рейхстага за доверие Гитлеру, ни подлый призыв лидеров профсоюзов к сотрудничеству с фашистами. Страшнее, чем все репрессии, направленные на уничтожение рабочих организаций и их активистов, были идейно-политическая и моральная деградация большинства руководителей немецкой социал-демократии, их капитуляция перед фашизмом, предательство ими интересов рабочего класса и всех прогрессивных сил. Секретарь РСИ Адлер писал, что «все попытки приспособления в Германии, безумная тактика профсоюзов, которая выдала врагу крепости рабочего класса в возможно более сохранном состоянии, безумная тактика одной части парламентской фракции, которая вместо того, чтобы разоблачить Гитлера, прикрыла его, еще больше усилили замешательство в рабочем классе, еще больше подорвали его доверие»<sup>1</sup>. Созданный Брейтшейдом, Криспиным и некоторыми другими руководящий центр СДПГ в Праге не мог организовать систематического сопротивления гитлеровцам, так как линия партии не была пересмотрена и сама она, оказавшаяся непригодной к деятельности в новых условиях, фактически распалась.

Судьба СДПГ не была случайным исключением. В сущности, такого же курса придерживалась СДП Австрии. В 1929 г. она, располагая значительными, в том числе и вооруженными, силами, не решилась противодействовать пересмотру конституции республики реакционерами. Ее лидер К. Реннер призывал «предоставить буржуазным партиям время опомниться, чтобы они сами сумели освободиться от фашизма»<sup>2</sup>. Руководствуясь такой концепцией «отсрочки» борьбы, СДПА фактически не препятствовала активному наступлению нацистов в 1932 г., не оказала серьезного сопротивления ликвидации парламента и началу террора весной 1933 г. Бауэр признавался: «...мы тогда испугались борьбы»<sup>3</sup>. СДПА откладывала массовые выступления и своим поведением демо-

---

<sup>1</sup> Arbeiterzeitung, 1933, Juni 11.

<sup>2</sup> Kampf, 1930, Februar.

<sup>3</sup> Bauer O. Der Aufstand der österreichischen Arbeiter. Praga. 1934, S. 25.

рализовала трудящихся, что позволило фашистам укрепить свои позиции. В Финляндии руководители СДПГ не организовали отпора фашистскому лапуасскому движению, которое после разгрома компартии и профсоюзов обрушилось и на социал-демократов. Запоздалые парламентские выступления СДПГ не могли помешать принятию антирабочих законов, ограничению демократических свобод и установлению реакционного режима, к которому ее лидеры пытались приспособиться.

Во Франции в годы мирового экономического кризиса СФИО была бессильна против фашизма. «Именно антимарксистские идеи разоружали социал-демократов перед лицом фашизма»<sup>1</sup>. В Польше парламентская оппозиция ППС в союзе с некоторыми буржуазными партиями не могла помешать разгону фашистами сейма в августе 1930 г. Серьезное значение имело только участие ППС в массовых антифашистских выступлениях вплоть до вооруженной борьбы. Нейтралитета придерживалась Социалистическая партия Аргентины в отношении реакционного переворота, совершенного в стране в сентябре 1930 г. Только позже, когда реакционная диктатура уже упрочилась, она заявила о своей «бескомпромиссной оппозиции».

Социал-реформистская стратегия и тактика защиты демократических свобод нигде не могли задержать развернувшееся наступление фашистов. Несмотря на то что социал-демократические партии имели значительные силы и влияние, принятые ими стратегия и тактика обрекали их на поражение, благоприятствовали усилению фашистов.

Малоэффективной и почти бесплодной в годы мирового экономического кризиса оказалась социал-реформистская политика сохранения мира между народами. Выступая против милитаризации, вооружения и агрессивной внешней политики фашистских государств, социал-демократы не шли дальше морально-политического осуждения их политики, и заместного влияния на развитие международных отношений их выступления не оказывали. В Скандинавских странах и Голландии социал-демократы выступали за «национальное разоружение», расценивая его как «пример интернационального разоруже-

---

<sup>1</sup> Салычев С. С. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг., с. 262.

ния»<sup>1</sup>. Но их инициативы и предлагавшиеся ими законопроекты (Дания), натолкнувшись на сопротивление буржуазных партий, оказались в тупике. Во Франции, Голландии и Бельгии социал-демократы вели широкие кампании за созыв международной конференции по разоружению, голосовали против увеличивавшихся военных расходов. Однако их программы действий оставались расплывчатыми и главные противники разоружения не разоблачались.

Лейбористское правительство Англии в 1929 г. восстановило дипломатические отношения с СССР, ранее разорванные консерваторами. Его представители выступали за всеобщее разоружение, исходным пунктом которого должны были стать равные права на вооружение государств-победительниц и побежденных.

Руководство СДПГ требовало для Германии равных с другими державами прав на вооружение, выступало за увеличение вооруженных сил и военных расходов. Возглавлявшееся социал-демократами коалиционное правительство Г. Мюллера осуществляло ранее одобренную рейхстагом программу строительства военных кораблей.

Встревоженные обострением вопроса о репарациях, социал-реформисты поддержали решения Лозаннской конференции, впрочем так и оставшиеся невыполненными. Как еще один шанс укрепить сотрудничество европейских государств большинство социал-реформистов приветствовало французский план объединения Европы — создания пан-Европы, также оставшийся на бумаге. Надежды рушились одна за другой. Вместо разоружения Лондонская морская конференция держав привела к усилению гонки вооружений. Лига наций оказалась бессильной против японской агрессии. Созванная Лигой наций долгожданная международная конференция по разоружению зашла в тупик и признала права Германии на равенство в вооружениях. Ее единственным позитивным результатом (к лету 1933 г.) было подписание предложенной СССР конвенции об определении агрессора.

Социал-демократы видели крушение прежних надежд на Лигу наций, на разоружение, третейские суды и соглашения между государствами, но продолжали следовать

<sup>1</sup> Vierter Kongress der Sozialistischen Arbeiter — Internationale. Wien, 25. Juli — 1. August 1931. Berichte und Verhandlungen (далее: Vierter Kongress...), Zürich, 1932, S. 279.

в фарватере внешней политики буржуазно-реформистских, консервативных или реакционных правительств своих стран. Альтернативы буржуазной внешней политике не было и у социал-демократических партий, участвовавших в правительствах. Разработать такую альтернативу и указать трудящимся пути эффективной борьбы за сохранение мира социал-реформисты не могли. Почти повсюду, кроме Голландии, Бельгии и Франции, их деятельность в защиту мира ограничивалась рамками парламентов.

Несмотря на начало нового подъема освободительной борьбы народов колоний и зависимых стран, социал-реформисты не проявили никакого интереса к их судьбе. Голландская социал-демократия требовала безусловного права на самоопределение индонезийского народа и решила поддерживать его освободительную борьбу, протестовала против расправ колонизаторов с индонезийскими патриотами, но большинство социал-демократических партий уже не находило сил для реализации даже той скромной программы помощи народам колоний, которая была намечена на III конгрессе РСИ. БЛП считала: «...чтобы укрепить международный мир, надо укрепить мир в пределах Британской империи»<sup>1</sup>. Она добивалась прекращения выступлений народов колоний против колонизаторов, призывая их к соглашению без удовлетворения требований народов о независимости.

В условиях мирового экономического кризиса увеличился и обнажился разрыв между теорией, которую социал-реформисты продолжали называть марксистской, и практикой, которая стала полностью оппортунистической, между провозглашавшимися социал-реформистами социалистическими целями и их курсом на спасение капитализма, между намерениями защитить интересы трудящихся и результатами деятельности, приносившей интересы рабочего класса в жертву буржуазии. В РСИ и его партиях имелся влиятельный слой деятелей, пользовавшихся марксистской фразеологией и провозглашавших весьма радикальные лозунги, но всегда находивших достаточно веские причины, чтобы оправдать и одобрить соглашательство. К ним относились видные деятели социал-демократии — Адлер, Бауэр, Брейтшейд, Л. Блюм и многие другие.

---

<sup>1</sup> См.: XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет, с. 14.

Разрыв между теорией и программой, с одной стороны, и политикой — с другой, был особенно характерен для социал-демократических партий и деятелей, участвовавших в коалиционных или «рабочих» правительствах капиталистических стран. Выявились несколько важных общих черт их деятельности. Типичным было отсутствие контроля над министрами социал-демократами со стороны их партий и даже парламентских фракций партий, которые сами, как правило, находились вне контроля партий. Характерным является отказ министров социал-демократов опираться на массы, использовать массовые выступления даже как вспомогательное средство своей деятельности. При отсутствии у социал-демократов абсолютного или даже относительного большинства в парламентах общей чертой министров социал-демократов было стремление оставаться у власти любой ценой, укладывавшейся в рамки конституции. Ради этого они ограничивали свою деятельность только тем, что могло быть принято их союзниками по правительственной коалиции и большинством депутатов парламента, совершенно не считаясь ни с программами своих партий, ни с их предвыборными обещаниями, ни с требованиями трудящихся, выходящими за границы «приемлемого». Это во многом объясняет малоэффективность и неудачи большинства социал-реформистских партий, решившихся участвовать в управлении капиталистическими странами.

Характерной чертой идеологии и политики социал-реформизма оставался антикоммунизм, причем его наиболее крайней формой являлся антисоветизм. Многие социал-реформисты пытались отрицать огромное социально-политическое значение и социалистический характер индустриализации народного хозяйства и коллективизации сельского хозяйства в СССР. Им принадлежали клеветнические измышления об использовании в СССР «методов первоначального накопления», о контрреволюционном перерождении большевизма и превращении Коминтерна в орудие «советской экспансии». Своеобразным манифестом злобного социал-реформистского антисоветизма стала книга Каутского «Большевизм в тупике»<sup>1</sup>.

Острые антикоммунистической кампании социал-демократов было направлено против коммунистических

---

<sup>1</sup> См.: *Kautsky K. Der Bolschewismus in der Sackgasse.* Berlin, 1930.

партий капиталистических стран. Лживо объявив коммунистов врагами демократических свобод, многие лидеры социал-демократии ставили их в один ряд с фашистами, а некоторое время считали даже опаснее фашистов. Один из руководителей СДПШ заявил, что с коммунистами «не дискутируют, их ликвидируют»<sup>1</sup>.

Общей чертой всех социал-демократических партий был категорический отказ от контактов и сотрудничества с компартиями. Даже в один из самых острых моментов борьбы против фашизма Брейтшейд писал, что «с руководством КПГ и ее системой (т. е. с массовыми организациями. — Авт.) не может быть никакого единого фронта»<sup>2</sup>. Многократные обращения компартий Германии, Франции, Польши и ряда других стран к социал-демократам с предложением совместно защищать интересы трудящихся и бороться против фашизма неизменно отвергались лидерами социал-демократии. Более того, руководящие органы почти всех социал-демократических партий запрещали членам своих партий сотрудничать с коммунистами в любой форме. Для оправдания своего злобного антикоммунизма социал-реформисты использовали сектантские ошибки компартий и их неверные оценки социал-демократии, во многом вызванные справедливым возмущением ее деятельностью. Но антикоммунизму социал-реформистов не может быть оправдания. Он препятствовал установлению единства действий рабочих организаций, когда такое единство стало особенно необходимым и важным, мешал организации сопротивления трудящихся наступлению монополий и фашизма. В Германии и некоторых других странах антикоммунизм сыграл роковую роль.

В годы мирового экономического кризиса в связи с обострением капиталистических противоречий и классово-вой борьбой все более обнаруживались неэффективность и даже несостоятельность взглядов и политики социал-реформистов в защите социально-экономических интересов трудящихся, демократических свобод и мира между народами. Это вызвало объективную необходимость пересмотра ранее сложившихся социал-реформистских установок, явилось источником кризиса социал-рефор-

---

<sup>1</sup> См.: Чернышова О. В. Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны, с. 160.

<sup>2</sup> Vorwärts, 1933, Januar 27.

мизма. Необходимость изменения прежних установок, а также степень, характер и направление их пересмотра стали в социал-демократии объектом споров, в которых нашли отражение интересы разных слоев трудящихся, устремления различных элементов, участвовавших в социал-демократическом движении.

В результате в начале 30-х годов в РСИ сложились наметившиеся прежде течения: правое, умеренное, или центристское, и левое. Дискуссия между ними касалась вопросов теории и практики, связанных прежде всего с проблемами защиты социально-экономических интересов трудящихся от наступления монополий, демократических свобод — от рвавшихся к власти фашистов, с отношением социал-демократов к буржуазным и коммунистическим партиям. От соотношения этих течений зависели отношение социал-демократических партий к острейшим проблемам современности, их линия. Хотя такие споры, как правило, не выходили за рамки социал-реформизма, предмет дискуссий был настолько серьезен, что они привели к расколу ряда социал-демократических партий, к обособлению в некоторых странах правых и левых течений, породили тенденцию интернациональной консолидации их сил.

Активизация правых была обусловлена усилением идейно-политического влияния на рабочий класс, на социал-демократическое движение крупной буржуазии. Когда обострение классовой борьбы сделало невозможным дальнейшее сотрудничество пролетариата с буржуазией, правые социал-реформисты, выражая интересы рабочей аристократии, встали на сторону крупной буржуазии, поддерживали ее линию «преодоления» кризиса за счет трудящихся. Такие капитулянтские решения правые стремились навязать всем социал-демократическим партиям. Несмотря на разнообразие оттенков, правый социал-реформизм, сложившийся как направление в международной социал-демократии в начале 30-х годов, всюду имел общие черты. Социал-реформисты открыто отказывались от марксизма и его учения о классовой борьбе, выступали за превращение социал-демократических партий из партий рабочего класса в партии всех классов, в «народные» партии.

Правые социал-реформисты подчеркивали мифическую жизнеспособность капитализма, прогрессивность развития монополий и капиталистической рационализа-

ции производства, предлагали урезать социально-экономические требования трудящихся и расширить экономические функции государства, на которое возлагалось примирение интересов рабочих и предпринимателей, что способствовало усилению государственно-монополистического капитализма. Они добивались расширения сотрудничества социал-демократии с буржуазными партиями, вплоть до приспособления к фашистским диктатурам, требовали прекращения массовых выступлений трудящихся и укрепления существующей государственности, создания устойчивых и сильных правительств, призывая в этом «опередить фашизм». Считая коммунистов опаснее фашистов, правые социал-реформисты резко осуждали любые контакты с компартиями. Стремясь использовать в своих целях растущее стремление трудящихся к единству, они утверждали, будто условия для этого существуют только в рамках социалистических партий. Подобные взгляды распространялись под названиями «авторитарный социализм», «неосоциализм», «национал-лейборизм», «скандинавский социализм» и т. п. Их глашатаями выступали де Ман, Макдональд, П. Сноуден, Деа, Ренодель, Вельс, Реннер, Стаунинг, Ханссон, Пейер, Е. Морачевский и др. Некоторые из них проявляли готовность сотрудничать с фашистами, действительно сотрудничали (Пейер, Морачевский, позже — де Ман) или даже прямо перешли на сторону фашистов (О. Мосли).

Активизация левых социал-демократов была вызвана усилением недовольства широких масс трудящихся, страдавших от последствий кризиса и наступления фашизма, возмущенных капитулянтством социал-реформистов. Левые социал-демократы стремились выражать и защищать интересы основной массы трудящихся, хотя коммунисты делали это полнее, последовательнее и решительнее. Они считали себя марксистами или в определенной мере опирались на марксизм, но при этом отвергали важнейшие идеи В. И. Ленина. Однако ими подчеркивалось значение классовой борьбы. Некоторые из них призывали ориентироваться на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, хотя бы временную. Левые пытались отстоять классовый, пролетарский характер социал-демократических партий. Они выступали за проведение серьезных реформ: национализацию ключевых отраслей хозяйства, банков, за планирование раз-

вития экономики и обеспечение полной занятости, за решительное улучшение положения трудящихся. Левые протестовали против сотрудничества социал-демократических партий с буржуазными, осуждали уступчивость многих социал-демократических партий буржуазии и политику поддержки «меньшего зла», требовали организации массовых выступлений трудящихся, активизации борьбы против фашизма вплоть до всеобщих забастовок и применения вооруженной силы. Они осуждали антикоммунизм, склонялись к сотрудничеству с коммунистами, устанавливали с ними контакты.

Часть левых, вопреки запретам, участвовала совместно с коммунистами во Всемирном антивоенном конгрессе в Амстердаме (1932), в Европейском антифашистском конгрессе (зал Плейель в Париже, 1933), в развернувшемся после этих конгрессов массовом антивоенном и антифашистском движении, выступала в защиту Г. Димитрова, обвиненного фашистами в поджоге рейхстага. Виднейшими представителями этого течения стали Л. Кабальеро, И. Прието, Ж. Зиромский, М. Пивер, М. Зейдевиц, К. Розенфельд, Ф. Весг, Л. Вагнер, Ю. Дейч, Дж. Мэкстон, С. Криппс, Д. Притт, П. Шмидт, А. Энгберг, Г. Брантинг, И. Блюм. Позже некоторые из левых социал-демократов, например Ж. Зиромский, перешли в компартии.

Наиболее влиятельными оставались умеренные лидеры социал-демократии, которые приспособляли социал-реформизм к изменяющимся условиям, стремились интегрировать правых и левых, несколько уступая тем из них, чей напор оказывался сильнее. В некоторых партиях РСИ — в Испании, Франции, Италии, даже в БЛП — левые, особенно с 1933 г., когда выявились тяжелые последствия деятельности правых в Германии, стали оказывать заметное влияние на линию своих партий. Еще в 1928 г. из ППС вышла сотрудничавшая с фашистами группа Е. Морачевского. Некоторые правые были исключены из БЛП и создали под руководством Р. Макдональда Национал-лейбористскую партию. В 1933 г. правых исключили из СФИО и они основали Социалистическую партию Франции — Союз Жореса.

Однако в большинстве партий РСИ — в Германии, Австрии, Швеции, Дании — правые пользовались поддержкой умеренных и играли ведущую роль. Левые вынуждены были обособляться организационно или даже

уходить из этих партий. В 1931 г. вышедшие из СДПГ левые создали Социалистическую рабочую партию Германии. Вышла из БЛП ориентировавшаяся на немедленную победу социализма НРП, а в БЛП сложилась Социалистическая лига. В СДПА оформилось течение так называемых революционных социалистов, проводших осенью 1933 г. свою первую конференцию. Организации и группы левых социал-демократов имелись в Польше — Независимая социалистическая рабочая партия, в Норвегии, Франции и в некоторых других странах.

Пытаясь оказать влияние на линию РСИ и на все международное рабочее движение, левые социал-демократы стремились к интернациональному объединению своих сил. Уже в 1930 г. в Голландии состоялась встреча представителей НРП Англии — Дж. Мэкстона, Ф. Броккуэя, К. Стефана, Норвежской рабочей партии — Ф. Моз, Польского Бунда — Г. Эрлиха и лидера голландских левых социал-демократов — П. Шмидта, которые опубликовали манифест, осудивший коалиции социал-демократических партий с буржуазными, Лигу наций и веру в сохранение мира в условиях капитализма. Манифест призывал социал-демократов бороться против военных бюджетов капиталистических государств и организовать революционные массовые выступления против фашизма и опасности войны. В феврале 1933 г. состоялась международная конференция левых, в которой участвовали представители НРП Англии, Норвежской рабочей партии, Итальянской социалистической рабочей партии, Партии пролетарского единства Франции, НСРП Польши и СРП Германии. Конференция заявила, что все рабочие единодушны в «борьбе против реакции и фашизма, в сопротивлении нападкам на жизненный уровень и на их политические права». Главным условием успешной борьбы трудящихся против реакции и фашизма участники конференции считали создание «пролетарского фронта всех рабочих». Они обратились с призывом к руководителям Коминтерна и РСИ созвать в ближайшее время совместную конференцию для выработки общей программы действий против фашизма. Был создан Международный комитет революционных социалистических организаций, выступавший за единство действий всех течений в рабочем движении. В 1933 г. он неоднократно требовал от РСИ начать переговоры с Коминтерном о единстве действий.

Таким образом, углубление общего кризиса капитализма и рост социализма в СССР, обострение классовой борьбы в капиталистических странах в годы мирового экономического кризиса, наступление монополий и активизация фашизма, усиление опасности войны выявили несостоятельность выработанных ранее установок социал-реформизма и вызвали его кризис. Кризис проявлялся в неспособности социал-демократии защитить социально-экономические и политические интересы трудящихся, в тенденции к пересмотру прежних установок, в усилении дифференциации и в расколах партий. Все это привело к ослаблению позиций социал-демократии и кризису РСИ.

### **Исполком РСИ и проблемы обострения классовой борьбы**

Вопросы, волновавшие широкие массы, тяжелые последствия мирового экономического кризиса и наступление монополий на социально-экономические интересы трудящихся, активизация фашизма, обострение международных конфликтов, гонка вооружений и опасность войны неоднократно обсуждались Исполкомом РСИ в 1929—1931 гг.

В мае 1930 г. сессия Исполкома РСИ приняла резолюцию, в которой говорилось, что «анархия капиталистического производства приходит во все большее противоречие с жизненными интересами рабочих масс; что капиталистическая рационализация ведет к изнурительной интенсификации труда и становится источником небывалой по размаху безработицы, что кризис используется капиталистами для наступления на заработную плату, для реакционного похода против трудового законодательства и реакционного пересмотра налоговой системы»<sup>1</sup>. Исполком подчеркивал, что мировой экономический кризис выявляет необходимость более серьезных усилий для перехода к социалистическому способу производства, и обязывал секции воспользоваться экономическим кризисом, чтобы убедить трудящихся в необходимости борьбы против капитализма за социалистическое преобразование экономики.

---

<sup>1</sup> Labour and Socialist International. Appendix XV to Report of the Conference of the Labour Party. 1930, p. 320; Daily Herald, 1930, 19 may.

Однако конкретная программа действий, разработанная осенью 1930 г. совместной комиссией РСИ и МФП, была рассчитана только на то, «чтобы преодолеть бремя кризиса и смягчить страдания его жертв»<sup>1</sup>. В ней говорилось, что следует «вести оборонительную борьбу всеми силами», но причины кризиса освещались поверхностно — сводились к несоответствию между развитием производства и возможностями сбыта, между накоплением капитала и покупательной способностью масс. Поэтому выдвинутые задачи ограничивались усовершенствованием капиталистического хозяйства с учетом интересов трудящихся: поддержание уровня реальной заработной платы, повышение покупательной способности масс, улучшение страхования безработных и сокращение рабочего времени, предоставление оплачиваемых отпусков, установление общественного контроля над монополиями, государственного регулирования валют, финансирования, рынка, рабочей силы и миграции населения, снижение пошлин, организация общественных работ и т. п. Это связывалось с борьбой за разоружение, против фашизма и опасности войны.

Но ставка делалась отнюдь не на развертывание классовой борьбы. В начале 1931 г., развивая свою программу, эта комиссия отметила, что «ликвидация фашистских диктатур и диктаторских устремлений является предпосылкой всякого политического успокоения Европы, без которого невозможно оздоровление мирной экономики»<sup>2</sup>. Она высказывалась против агрессивных планов итальянских фашистов, за нормализацию отношений капиталистических стран с СССР, за поддержку освободительной борьбы рабочих Китая, Индонезии и других колоний. Ею признавалось, что полная ликвидация безработицы возможна только в социалистическом обществе. Вместе с тем, исходя из социал-реформистской концепции перехода к социализму, комиссия разъясняла, что «политическое беспокойство обостряет экономический кризис»<sup>3</sup>, не делая исключения для массовых выступлений трудящихся.

Эти идеи были изложены комиссией в специальной брошюре<sup>4</sup> и широко распространялись в социал-демокра-

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 46.

<sup>2</sup> Ibid., S. 49.

<sup>3</sup> Ibidem.

<sup>4</sup> См.: Im Kampf gegen Wirtschaftskrise und Arbeitslosigkeit. Amsterdam, 1931.

тической печати, но существенного значения ни для улучшения положения трудящихся в годы кризиса, ни для борьбы за социализм не имели.

Относительно более эффективными были выступления Исполкома за упрочение мира, за решение проблемы разоружения. Но действительное значение имели не разрабатывавшиеся специальной комиссией Исполкома проекты соглашений, конвенций о разоружении и о сотрудничестве, а кампания петиций, в которую были втянуты широкие массы. С весны 1929 г. было проведено много демонстраций и собраний. Тысячи петиций с требованием решить наконец проблему разоружения поступили в Лигу наций, что имело большое морально-политическое значение.

По инициативе Исполкома широко распространялись листовки о разоружении, проводились массовые демонстрации, участники которых требовали разоружения от правительств своих стран, устраивались массовые протесты против агрессивных речей Б. Муссолини и т. п.

Комиссия Исполкома выработала программу требований: разоружение должно быть стабильным и основанным на равноправии всех стран; равноправие не может служить оправданием довооружения; сокращение вооружений следует начать немедленно; сокращению подлежат все виды вооружения; прекратить всякую подготовку войн и т. п. Комиссия предложила организовать массовое движение, выступления в печати, в парламентах в защиту этой программы. Особенно широким движение за разоружение стало во Франции, Голландии и Бельгии. Эти массовые выступления, в которых нередко социал-демократы действовали вместе с коммунистами, оказали влияние на работу подготовительной комиссии международной конференции по разоружению.

Исполком стремился поддержать всякие соглашения между капиталистическими государствами, если они не вели прямо к созданию военных союзов, и тем дезориентировал массы. Он одобрил в целом «план Юнга», отнюдь не решивший репарационный вопрос и не облегчивший положение трудящихся Германии. Им было поддержано чреватое опасностью «аншлюса» австро-германское таможенное соглашение. Его специальная комиссия по проблемам Лиги наций тщетно разрабатывала проекты конвенций о международном сотрудничестве государств для решения различных вопросов — ни одно пра-

вительство их всерьез даже не обсуждало. Так же бесплодно Исполком призывал к улучшению положения национальных меньшинств и народов колоний. На деле он солидаризировался с лейбористским правительством Англии, добивавшимся прекращения антиимпериалистических выступлений в Индии. Результаты были таковы, что даже Вандервельде, ездивший в Китай, должен был признать, что народы Азии в своей борьбе за независимость рассчитывают на Коминтерн, а отнюдь не на РСИ.

Если массовая кампания за разоружение имела определенное позитивное значение, а поддержка «плана Юнга» или политики английского лейбористского правительства в Индии причиняла ущерб более всего самому РСИ, то определенный урон международным отношениям нанесла позиция Исполкома в отношении СССР. Призывая к нормализации отношений капиталистических стран с СССР и протестуя против антисоветских выступлений реакционных кругов, против планов новой интервенции, Исполком в то же время пытался дискредитировать последовательное стремление СССР к миру и особенно его путь строительства социализма.

Созданная для изучения положения в СССР комиссия Исполкома РСИ распространяла клеветнический вымысел, будто политика Советского Союза представляет угрозу миру, демократии и рабочему движению Европы. В мае 1930 г. Исполком обратился с воззванием «К рабочим Советского Союза!», в котором, искажая положение дел в нашей стране, протестовал против «насильственной коллективизации» крестьян, якобы усиливающегося разрыва союза рабочего класса с крестьянством. Под предлогом «спасения страны от новой гражданской войны и победы контрреволюции» он призвал рабочих во имя абстрактно толкуемых демократии и социализма бороться против реального конкретно-исторического пути построения социализма. Лучшим опровержением этих выступлений РСИ были успехи социалистического строительства в СССР.

Как выступления за улучшение национально-экономического положения трудящихся, так и выступления за сохранение мира РСИ стремился связывать с борьбой против наступления фашизма. Однако Исполком не рекомендовал антифашистам никаких средств борьбы против фашизма, не обобщал уже имеющийся опыт. Он исходил только из того, что массы, отстояв или восстановив

демократические свободы, нанесут поражение фашистам на выборах. Исполком подчеркивал, что борьба против фашизма требует сплочения социал-демократии и «демократических сил всех стран»<sup>1</sup>. При этом он использовал предложение НРП Англии о создании «всеохватывающего Интернационала» как лозунг объединения всех течений рабочего движения, обеспечивающего гегемонию социал-реформистов.

Исходя из того что единство рабочего движения может быть достигнуто только на идейно-политической платформе РСИ, Исполком наметил некоторые меры для укрепления идейно-политического единства РСИ и преодоления усилившейся дифференциации в рядах социал-демократии. Предполагалось создать комитет для разработки теоретических проблем, программных вопросов и пропагандистских установок, однако только в рамках социал-реформистских принципов РСИ. Это была попытка ограничить и направить в безопасное русло нараставший поток предложений и требований о корректировке и пересмотре несостоятельных установок социал-реформистов.

Но ни идейно-политической консолидации РСИ, ни вовлечения в него под лозунгом создания «всеохватывающего Интернационала» различных не входивших в РСИ социал-демократических партий и групп, не говоря уже о компартиях, добиться Исполкому не удалось. Дифференциация в социал-демократическом движении углублялась. В Европе, Америке, Азии, Африке вместе с рабочими партиями Австралии и Новой Зеландии к тому времени насчитывалось свыше 35 социал-демократических партий и групп (в том числе 13 в колониях), не присоединившихся к РСИ. Да и влияние самого РСИ не росло, а заметно уменьшалось.

Принципы социал-реформизма оставались неизменными, но линия Исполкома РСИ корректировалась. В воззвании Исполкома к 1 мая 1929 г. первое место занимали призывы к разоружению, к выступлениям против милитаризма; социально-экономические требования сводились к введению 8-часового рабочего дня; антифашистские лозунги были очень общими и находились почти на последнем месте; призывов к единству рабочего движения вовсе не было. В первомайском воззвании 1930 г.

---

<sup>1</sup> The Activities of the IFTU. 1930—1932, p. 97.

Исполком на первое место поставил лозунги борьбы против фашизма. Значительно расширились призывы к защите социально-экономических интересов трудящихся. Наряду с лозунгом демократизации СССР в воззвание был включен призыв к преодолению раскола рабочего движения, к «социалистическому единству». В 1931 г. центральным звеном первомайского возвания являлись развернутые социально-экономические требования. Затем шли лозунги борьбы за разоружение и сохранение мира, причем о борьбе против фашизма опять говорилось почти в самом конце. Призыв к единству пролетариата дополнялся лозунгом создания «всеохватывающего Интернационала».

Такая корректировка линии Исполкома РСИ отражала возросшие социально-экономические требования трудящихся в социал-реформистской интерпретации, недовольство масс гонкой вооружений и угрозой войны, усиливавшееся стремление трудящихся к единству, которому социал-реформисты пытались придать форму, обеспечивающую их гегемонию. Но эта корректировка далеко не соответствовала объективным задачам рабочего класса. Кроме ложного толкования интересов трудящихся она отличалась недооценкой опасности фашизма, антикоммунизмом, мешавшим необходимому единству действий всех рабочих организаций, антисоветизмом, препятствовавшим консолидации всех сил, выступавших за сохранение мира.

### **Венский конгресс**

Все более волновавшие трудящихся вопросы сохранения мира и защиты демократии от фашизма, а также последствия мирового экономического кризиса стали предметом обсуждения на очередном, IV конгрессе РСИ, который состоялся в конце июля 1931 г. в Вене, в «Красной Вене» — оплоте социал-демократии. На конгрессе были представлены 38 партий из 28 стран и примыкавшие к РСИ международные организации. Среди них было всего три неевропейские партии — США, Аргентины и Палестины. Но широко были представлены российские, грузинские, украинские и армянские эмигрантские группы меньшевиков и эсеров. В работе конгресса участвовало 655 делегатов и 75 гостей<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 603.

Конгресс открылся в торжественной обстановке. К его открытию был приурочен большой спортивный праздник на стадионе. Конгресс получил немало приветствий от различных рабочих организаций — многие рабочие надеялись, что он укажет путь решения волновавших их проблем.

Однако уже пространное вступительное слово Вандервельде задавало конгрессу тон, не соответствовавший интересам трудящихся. Вандервельде игнорировал значение существования СССР как социалистического государства, оплота освободительного движения и борьбы за сохранение мира. Наоборот, он поставил его в один ряд с фашистскими государствами, клеветнически объявил ответственным за гонку вооружений, противопоставил примеру России социал-реформистский путь к социализму и намекнул, будто кризис, поразивший капиталистические страны, не обошел и СССР. Разделив Европу на демократический Запад и диктаторский Юг и Восток, он призывал к борьбе не против фашизма, а против всех «диктатур», подразумевая и советский строй. Подчеркнув особое значение пограничной полосы между этими зонами — Германией и Австрией, где идет «борьба не на жизнь, а на смерть», Вандервельде предлагал трудящимся учиться «говорить по-австрийски» — брать пример с австрийских социал-демократов, добившихся успеха на выборах. Это представлялось ему верным путем к победе.

Однако единодушия на конгрессе не было. Разногласия оказались глубже, а споры острее, чем на предшествовавшем. Это обнаружилось при обсуждении уже первого вопроса — борьба за разоружение, против опасности войны. Постоянная совместная комиссия РСИ и МФП по разоружению выработала «Требования к конференции Лиги наций по разоружению», которая должна была начать работу в 1932 г., специальные предложения «О разоружении на море» и «Совместную программу действий РСИ и МФП за разоружение». В «Требованиях» отмечалась связь борьбы за сохранение мира с борьбой против капитализма, но более всего подчеркивалась необходимость разоружения и успеха международной конференции по разоружению. В пяти разделах содержался целый ряд конкретных требований: создать стабильную систему разоружения на основе равноправия всех государств, не проводить «довооружения» под

предлогом равноправия, не подменять стабилизацией вооружений немедленного и всеобщего сокращения вооружений, сокращать все элементы вооружений, запретить химическое и бактериологическое оружие, ликвидировать военно-воздушные силы, организовать кроме национального всесторонний международный контроль, вплоть до контроля над производством оружия и торговлей им, продолжать сокращение вооружений вплоть до разоружения при содействии постоянной интернациональной организации.

В программу разоружений на море включались существенное сокращение и ограничение военно-морских сил, а также ликвидация ряда конкретных видов морских вооружений.

Совместная программа действий намечала конкретные меры — конференции и массовые выступления, демонстрации и митинги, выступления в парламентах и прессе, петиции, депутатии и т. п., которые будут организованы РСИ и МФП до и во время работы международной конференции по разоружению.

Эти документы имели несколько общих характерных черт. Во-первых, они носили прагматический характер и оставляли в стороне коренные вопросы о соотношении борьбы за мир и борьбы за социализм, борьбы за разоружение и борьбы за мир, борьбы за сокращение вооружений и борьбы за разоружение, борьбы за мир и борьбы за демократию, против фашизма, наконец, о возможности войн различного характера — захватнических и освободительных. Во-вторых, они совершенно игнорировали СССР как оплот борьбы за мир, его инициативу в решении проблем разоружения, а также активную анти-милитаристскую деятельность компартий. В-третьих, лозунг разоружения сводился в них к конкретным предложениям о сокращении и ограничении вооружений, значение реализации которых для предотвращения войн не было освещено. В-четвертых, добиваться сокращения и ограничения вооружений намечалось только через Лигу наций и созываемую ею международную конференцию по разоружению, которые сами по себе решить ничего не могли. В-пятых, ничего не говорилось о силах, противодействующих разоружению, сокращению и ограничению вооружений, для преодоления которых было недостаточно запланированных мер.

Эта серия документов была дополнена подготовлен-

ным комиссией проектом резолюции «К рабочей программе совместной комиссии по разоружению», в которой говорилось, что «борьба против опасности войны в современной обстановке является высшей задачей социалистических партий»<sup>1</sup>. Их задача — использовать против правительств, нарушающих мир, все средства, вплоть до революционных, а постоянная комиссия по разоружению обязана координировать эти выступления, способствовать совместным интернациональным акциям. Решительный тон проекта названной резолюции, видимо, должен был компенсировать прагматическую умеренность других документов.

Однако подготовленные комиссией материалы вызвали целый ряд критических замечаний со стороны представителей СФИО, НРП Англии, СП США, Польского Бунда, НСП Польши, СДП Швейцарии, СДРП Голландии. Считая их неудовлетворительными, делегации НРП Англии, НСП Польши и Польского Бунда во время конгресса предложили комиссии иной проект резолюции. В нем верно указывались многие причины усиления опасности войны, включая антисоветские выступления империалистов, предлагалось усилить борьбу против империализма и войны, укрепить интернациональную солидарность социал-демократии.

В проекте говорилось, якобы международные соглашения и дипломатические комбинации исключают возможность определения характера войны как захватнического или оборонительного. Поэтому, осуждая буржуазную ложь о единстве наций, проект требовал бороться против опасности всякой войны, использовать «революционное давление»<sup>2</sup> на правительства, а если война начнется — действовать в соответствии с резолюциями Штутгартского и Копенгагенского конгрессов II Интернационала, добиваться прекращения войны путем свержения капиталистического строя. При этом условием успешной борьбы социал-демократии за мир считался отказ от сотрудничества с буржуазными партиями и от политики «гражданского мира».

Расценивая вооруженные силы капиталистических государств не только как орудие защиты интересов буржуазии, но и как средство подавления рабочего движения,

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 871.

<sup>2</sup> Ibid., S. 685.

проект предлагал социал-демократам выступать против увеличения вооруженных сил. Предостерегая массы от иллюзорных надежд на Лигу наций и ее усилия по разоружению, которыми прикрывается империалистическая политика, этот документ подчеркивал, что самое верное средство борьбы против вооружений и войны — готовность рабочего класса превратить войну в «пролетарскую революцию»<sup>1</sup>. Борьба против войны отождествлялась с борьбой против капитализма за социализм, при котором будет обеспечен постоянный и надежный мир. Всякой военной опасности предлагалось противопоставить совместные действия РСИ и МФП, поднять пролетариат всех стран.

Осуждая империализм как постоянную угрозу миру, документ подчеркивал право каждого народа на независимость и приветствовал освободительную борьбу народов Индии, Египта, Индонезии, Китая и других стран.

Проект выражал взгляды части левых социал-демократов, опираясь на исторический опыт II Интернационала и революционных социал-демократов начала современной эпохи. В нем содержалось немало важных верных установок, принятие которых способствовало бы повышению эффективности антимилитаристской и антивоенной политики социал-демократии 30-х годов, преодолению сковывавшего ее социал-реформизма.

Но и этот документ не был свободен от просчетов и противоречий. По-прежнему игнорировался СССР как оплот мира и освободительной борьбы, не уделялось никакого внимания антивоенным выступлениям коммунистов. Отождествляя борьбу за мир с борьбой за социализм, авторы проекта не видели необходимости сплочения для защиты мира всех прогрессивных сил. Выступление против всех войн не соответствовало заявлению о солидарности с борьбой угнетенных народов. Но во всяком случае проект резолюции выражал интересы рабочего класса гораздо полнее и точнее, чем серия документов, подготовленных совместно комиссией РСИ и МФП.

В комиссии правые и умеренные отвергли предложения левых и поддержали заранее подготовленные документы. Комиссия решила предложения левых даже не выносить на обсуждение конгресса. На пленарном заседании документы комиссии обосновывали и разъясняли

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 685.

де Брукер, Жуо, Ф. Ноэль-Бейкер, Дейч, Турати, Ренодель, Фор, Альбарда, которые не были во всем единодушны. Одни считали невозможным критиковать Лигу наций и утверждали, что «международное разоружение может быть достигнуто только через Лигу наций»<sup>1</sup>, другие предостерегали от преувеличенных надежд на Лигу наций и призывали усилить на нее влияние социал-демократов. Одни подчеркивали важность массовых выступлений трудящихся, другие больше полагались на деятельность социал-демократов в парламентах. Одни считали, что к социализму можно прийти только в условиях мира, другие допускали возможность добиться мира в результате победы социализма, начав борьбу за него в условиях войны.

Все выдвигали лозунг «Война войне!» и призывали активизировать борьбу за разоружение и предотвращение войны до начала вооруженного столкновения держав. Многие считали, что «фашизм — худший враг мира и демократии», и предостерегали о возрастании опасности войны, если в Германии победят гитлеровцы. Многие предлагали добиваться контроля рабочих организаций над всем военным производством, а некоторые считали невозможным возражать против военных расходов там, где социал-демократы участвовали в правительствах. Все ораторы большинства хвалили документы комиссии за умеренность, которую называли реализмом, и никто не выходил за их рамки.

Предложения левых замалчивались или прямо отвергались. Руководство конгресса помешало их оглашению и деловому обсуждению. Попытка представителей НРП продолжить дискуссию и добиться серьезного обсуждения проекта резолюции трех партий успеха не имела. Д. Кирквуд и Ф. Брокуэй считали, что документы комиссии необходимо отвергнуть, как не соответствующие существующим отношениям, и разъяснили позицию левых. Они исходили из того, что будто бы «никогда не было так возможно, как сейчас, осуществить социализм»<sup>2</sup>, и в то же время подчеркивали, что «империализм есть постоянная война», особенно против угнетенных народов. Они осуждали как пособничество капитализму участие социал-демократов в буржуазных правительствах и со-

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 504.

<sup>2</sup> Ibid., S. 669.

трудничество с буржуазными партиями, а также надежды на Лигу наций и созываемую ею конференцию, где будут господствовать империалистические державы. «Мы за разоружение путем примера и не верим в разоружение на основе соглашений и договоров»<sup>1</sup>, — заявляли они. Сокращение и ограничение вооружений, по их мнению, не могло помешать войне. Доказывая, что социал-демократы должны противостоять любой войне, эти левые призывали крепить интернациональную солидарность и, если начнется война, добиваться завоевания социализма.

Кроме того, швейцарский делегат А. Шмидт заявил, что «центр тяжести борьбы за мир между народами и против войны лежит в самом рабочем классе»<sup>2</sup>. Он призывал добиваться сплочения всего пролетариата, не ограничиваться посылкой петиций в Лигу наций, всюду голосовать против военных кредитов и не рассчитывать на разоружение.

Некоторые другие делегаты сомневались в правильности отдельных положений документов комиссии, но никто более проект резолюции левых не поддержал. Подавляющим большинством голосов конгресс одобрил подготовленные комиссией документы о борьбе за разоружение и против войны, которые выражали стремление трудящихся к сохранению мира неполно, односторонне и не указывали путь сплочения всех прогрессивных сил и средства эффективного противодействия гонке вооружений, действиям агрессоров.

Не менее острая дискуссия развернулась и при обсуждении второго вопроса повестки дня. В связи с усилением фашистов и обострением обстановки в Германии было решено сосредоточить внимание на борьбе рабочего класса за демократию в Германии, Центральной Европе.

Правые и умеренные, составлявшие подавляющее большинство участников конгресса, сплотились вокруг резолюции, разработанной и обоснованной Бауэром. В этой резолюции, одобренной специально созданной комиссией, и в докладе Бауэра констатировался факт наступления фашизма не только в отсталых, но и в высоко развитых капиталистических странах Европы, хотя по-прежнему опасность его в «демократических нациях» — в

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 668.

<sup>2</sup> Ibid., S. 499.

Англии, Франции, Бельгии, США — недооценивалась. Докладчик и большинство ораторов полагали, что капитализм в Германии еще не может быть свергнут, но крушение немецкой экономики приведет к краху существующий политический строй, и это, в свою очередь, будет использовано фашистами для установления своей диктатуры. Возможная победа фашистов в Германии справедливо расценивалась как великое несчастье немецкого народа, удар по демократии во всех странах Центральной и Восточной Европы, срыв планов разоружения и сохранения мира, подготовка новой войны.

В резолюции, одобренной комиссией, предлагалось прежде всего и как можно скорее добиться от правящих кругов крупных держав (Англии, США, Франции) и банкиров предоставления правительству Германии кредитов. Сторонники резолюции исходили из слепой веры в то, что финансовая олигархия «демократических наций» никак не заинтересована в победе фашизма в Германии, во всяком случае должна опасаться возникновения там гражданской войны и возможной в этом случае победы социализма. Кредиты, как говорилось в резолюции, должны быть предоставлены без всяких условий, особенно тех, которые ущемляют суверенитет Германии, так как иначе усилится национализм и цель достигнута не будет. Кредиторам предлагалось удовлетвориться добровольным заявлением германского правительства, что оно употребит полученные средства только на мирные и демократические цели, хотя такое заявление противоречило бы целям и линии реакционнейшего правительства Г Брюнинга. В то же время великим державам предлагалось аннулировать военные долги и облегчить, если не ликвидировать, бремя репараций, способствовать разоружению и экономическому восстановлению Европы.

Имелось в виду, что кредиты приведут к улучшению положения народных масс. В результате волна национализма и недовольства существующим строем спадет, фашисты лишатся массовой опоры и потерпят поражение. Добиться от крупных держав предоставления Германии существенных кредитов без всяких условий — так, по существу, формулировалась в докладе резолюции ключевая задача социал-демократии всех стран. В этом заключалась, по мнению большинства делегатов, основная интернациональная помощь рабочему классу Германии в борьбе против фашизма.

Во втором разделе резолюции говорилось, что только рабочий класс может защитить демократию в Центральной Европе, что защита демократии, особенно в Германии, его важнейшая задача. Но, как разъяснял докладчик, эта задача сводилась к нейтрализации государственной власти. «...Проблема нейтрализации государственной власти в борьбе против фашизма, как показал пример Австрии, — говорил Бауэр, — решает судьбу не только немецкой, но и мировой демократии»<sup>1</sup>. Подчеркивая, что социал-демократия выступает за пересмотр имеющихся в мирных договорах несправедливостей на основе демократии и международного права, резолюция осуждала как угрозу миру, как путь к войне стремление фашистов к пересмотру мирных договоров силой, а вместе с тем безосновательно обвиняла в таком стремлении и коммунистов.

В заключительном разделе заявлялось о том, что социал-демократия будет всюду бороться и добиваться власти на почве демократии, демократическими средствами и методами. Здесь указывалось, что фашистскому насилию, защищаясь от него, рабочий класс может быть вынужден противопоставить все свои силы, т. е. намекалось на возможность ответить насилием. «Или немедленная и крупная интернациональная акция для спасения экономики, демократии и мира, или катастрофа и гражданская война»<sup>2</sup>.

Изложенный в этой резолюции и обоснованный в выступлениях Бауэра, Блюма, Брейштейда стратегический план защиты демократии в Германии и во всей Центральной Европе подкреплялся ссылками на опыт мирного свержения фашистской диктатуры в Испании, на некоторые успехи австрийской социал-демократии, оказавшиеся лишь небольшой паузой в наступлении фашизма, на заявления о солидарности с СДПГ почти всех партий РСИ. Но он основывался на неверных, ложных предположениях. Его создатели недооценивали глубину и размах мирового экономического кризиса и потому предполагали, что получить кредиты не так уж трудно и кредитов достаточно, чтобы излечить Германию от кризиса. Социал-демократия, не сумевшая добиться увеличения расходов на пособия безработным даже в Англии, конечно,

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . ., S. 527.

<sup>2</sup> Ibid., S. 875.

не могла серьезно повлиять на решение вопросов о кредитах, о военных долгах и репарациях, являвшееся везде прерогативой финансовой олигархии. Влиятельные круги финансовой олигархии Англии и США были заинтересованы в победе фашистов в Германии и готовы были предоставить займы, только чтобы помочь им, так как видели в них хранителей своих капиталовложений и ударный отряд против большевизма. Правительство Г. Брюнинга было заинтересовано в получении кредитов, но лишь для укрепления позиций крупного капитала и юнкерства, для подавления рабочего движения и вооружения Германии, что прокладывало путь к власти фашистам и усиливало опасность войны. Недостижимой была нейтрализация государства, оставшегося орудием господствовавшей в Германии крупной буржуазии.

Стратегический план был полон противоречий. Цели финансовой олигархии, которая готова была предоставить кредиты Германии, как и цели правительства Брюнинга, противоречили целям социал-демократии. Сведения основной задачи рабочего класса — борьбе за кредиты противоречило провозглашению пролетариата основным защитником демократии. В то время как фашисты терроризировали рабочих, широко использовали насилие, резолюция только намекала на возможность ответить им насилием.

Ложная основа и противоречия этого плана были следствием отхода его авторов — социал-реформистов — от классово-пролетарской оценки происходивших тогда процессов и их движущих сил. Это не позволило верно оценить интересы крупного капитала и связь между ним и фашизмом, классовую сущность фашизма, системы кредитования и самого государства, а главное — пути борьбы и возможности рабочего класса. Вместо признания необходимости единства действий всех рабочих организаций углублялось размежевание с компартиями, которые ставились в один ряд с фашистами. Вместо сплочения всех прогрессивных сил делалась ставка на взаимопонимание и сотрудничество с крупной буржуазией, с реакционными буржуазными кругами. Такой стратегический план был порочен и совершенно несостоятелен.

Часть левых социал-демократов видела многие его пороки и пыталась выработать альтернативу. Делегация НРП Англии распространила среди участников конгресса свой проект резолюции, который затем огласила на

заседании. В нем утверждалось, что небывалая несостоятельность капитализма, проявляющаяся в Центральной Европе, представляет симптом его упадка. В проекте осуждались правительство Г. Брюнинга за содействие усилению фашизма и опасности войны, а также поддержка СРПГ этого правительства, ослабляющая рабочий класс и ведущая к ухудшению его положения.

Проект призывал социал-демократию Германии покончить с поддержкой реакционного правительства и проводить независимую политику с целью захвата власти на основе «социалистической революционной программы». Всем партиям РСИ предлагалось отказаться от поддержки буржуазных партий и повысить свою классовую боеспособность. Рабочий класс всех стран призывался к «окончательной борьбе» за власть в парламентах и вне парламентов. Исходя из того что экономические условия для социализма созрели, авторы проекта заявляли, что Интернационал должен всюду поддерживать борьбу социал-демократов непосредственно за свержение капитализма и победу социализма.

Конечно, мнение, будто экономический кризис необратим, а сложившаяся обстановка позволяет начать непосредственную борьбу за социализм, было ошибочным. Недооценивая силы противника и явно переоценивая социал-демократию, выдвигая на первый план социалистические задачи, эти левые игнорировали действительно первоочередные задачи рабочего класса — защиту демократических свобод от фашизма. Они, хотя и не отмежевывались от коммунистов, не видели необходимости единства действий всех рабочих организаций, сплочения всех прогрессивных сил. Предлагаемая ими линия не соответствовала объективным задачам рабочего класса в то время.

Но их критика курса СДПГ и большинства других партий РСИ была меткой, особенно по вопросу политики поддержки «меньшего зла», широкого и беспринципного сотрудничества с буржуазными, даже самыми реакционными партиями. Они считали, что в Германии фашизм в значительной степени создан коалиционной политикой немецкой социал-демократии. Стратегический план Бауэра эти левые называли планом спасения германского капитализма, они отвергали попытку возложить на РСИ заботу о кредитах, считали, что, даже если кредиты будут предоставлены, они помогут реакции. Дж. Мэкстон,

Г. Эрлих и другие левые социал-демократы убедительно показали несостоятельность расчетов спасти демократию с помощью международной финансовой олигархии и правительства Г. Брюнинга. Они призывали к решительной борьбе против фашизма во всех странах, против всего капиталистического строя, вплоть до применения вооруженной силы, до гражданской войны.

Умеренные и правые защищали резолюцию комиссии, используя слабость предложенной левыми альтернативы, необоснованность их призывов к немедленной борьбе за власть, за переход к социализму. Правые — О. Вельс и другие решительно оправдывали линию СДПГ, высокомерно отвергая критику английских и польских левых социал-демократов. Вельс, который спустя полтора года больше всех опозорил СДПГ своим трусливым капитулянством и отречением от РСИ, заявлял, якобы «честе немецкой социал-демократии... в хороших руках»<sup>1</sup>.

Умеренные — Бауэр, Л. Блюм и другие верно считали, что полностью исключить возможность компромиссов социал-демократии с буржуазными партиями нельзя, но отказывались рассматривать по существу конкретный случай — политику поддержки «меньшего зла». Они доказывали, будто критиковать СДПГ не следует, надо ей полностью доверять и предоставить свободу действий. «Не связывать немецких товарищей директивами, — говорил Бауэр, — значит оказать им помощь»<sup>2</sup>.

Умеренные заявляли, что революционной ситуации ни в Германии, ни в других капиталистических странах не существует и начинать непосредственную борьбу за свержение капитализма пока невозможно. Вместе с тем они считали, что в борьбе против фашизма рабочий класс не может ограничиваться легальными действиями, а в случае победы фашистов он должен ответить насилием на насилие и уж тогда завоюет политическую власть, свергнет капиталистический строй. Говорили об этом умеренные весьма решительно, вызывая аплодисменты, но вопрос о том, возникнет ли революционная ситуация после победы фашистов и будет ли рабочий класс тогда готов к непосредственной борьбе за власть, не рассматривался. Такая решительность не имела конкретного содержания, но многих примиряла с отстаивавшимся умеренными стра-

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 584.

<sup>2</sup> Ibid., S. 527.

тегическим планом. Умеренные уверяли, что помощь банкиров США, Англии и Франции Германии будет не спасением для германского капитализма, а помощью немецкому народу, рабочему классу, подобно братской помощи народов друг другу при социализме.

Как правые, так и умеренные использовали обсуждение проблем борьбы против фашизма для выступлений против компартий, резко отмежевываясь от опыта Октября. Некоторые выступавшие пытались возложить на коммунистов всю ответственность за раскол рабочего движения. Никто из них не допускал возможности единства действий с коммунистами. Резолюция, ориентированная на преодоление фашизма путем прежде всего предоставления международной финансовой олигархией кредитов Германии, молчаливо соглашавшаяся с политикой поддержки «меньшего зла», игнорировавшая необходимость единства действий всех рабочих организаций и сплочения прогрессивных сил, была принята подавляющим большинством голосов.

Конгресс обсудил вопрос о мировом экономическом кризисе и безработице. Докладчик — Р. Гримм и подготовленный комиссией проект резолюции исходили из верного положения, подтвержденного опытом СССР, что экономические кризисы могут быть устранены только с ликвидацией капитализма, с переходом к социалистическому плановому хозяйству. Отмечалось дальнейшее расширение и углубление мирового экономического кризиса, небывалое обострение противоречий капитализма, борьбы между классами и указывалось, что «все средства, которыми капитализм пытается преодолеть кризис, при его господстве превращаются в проклятье для рабочего класса»<sup>1</sup>.

Проект резолюции, доклад и многие выступления отражали усилившееся стремление трудящихся масс безотлагательно помочь всем жертвам обостряющегося кризиса, их разочарование в Лиге наций, растущую убежденность в необходимости более решительно и с напряжением всех сил действовать самим, связывать борьбу против кризиса с борьбой против капитализма, за завоевание политической власти, за плановое социалистическое хозяйство, пример которого показывал СССР, за социализм. Предлагалось подтвердить выработанную

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 876.

ранее совместной комиссией РСИ и МФП программу мер, направленных на облегчение положения трудящихся. Признавалось, что Лига наций не в состоянии способствовать улучшению положения жертв кризиса. Докладчик заявил, что борьбу за непосредственные интересы рабочего класса необходимо объединить с борьбой за «великие цели социал-демократии» и в первую очередь использовать собственные силы рабочего класса, а не рассчитывать на помощь со стороны. Подчеркивая несостоятельность капитализма, проект резолюции призывал «использовать современный кризис для систематической борьбы пролетариата против классового господства буржуазии»<sup>1</sup> и выставлял требования установить «демократический контроль» над экономикой, особенно над монополиями, ввести государственную монополию торговли, провести социализацию ключевых отраслей хозяйства, передать в руки государства банки и кредитную систему.

В нем указывалось, что борьба рабочего класса против кризиса является вместе с тем и борьбой за завоевание им политической власти. Смягчение тяжелых последствий кризиса ставилось в зависимость от успехов классовой борьбы пролетариата. Проект резолюции призывал рабочих сплотиться и напрячь все свои силы, а средние слои — поддержать борьбу пролетариата против общего врага. Он подчеркивал ведущую роль социалистического движения и необходимость «использовать все возможности классовой борьбы»<sup>2</sup> против реакции, за социализм и мир между народами.

Радикализм этого документа отражал настроение широких масс трудящихся. Однако социал-реформизм мешал решению волновавших их проблем. Называя осуществление выдвинутых в нем социально-экономических требований почвой для перехода к социалистическому плановому хозяйству, для «осуществления социализма», проект резолюции умалчивал о решающем условии — изменении классовой сущности государства. отождествление борьбы против кризиса с борьбой за завоевание политической власти принижало значение конкретных проблем завоевания власти, о которых в проекте резолюции вообще не говорилось.

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 876—877.

<sup>2</sup> Ibidem.

Левые социал-демократы обратили внимание на то, что установка на решительные действия самих трудящихся противоречит принятому ранее конгрессом плану борьбы против фашизма с помощью международной финансовой олигархии. В комиссии и на заседании конгресса они поддерживали радикализм этого документа и стремились взять реванш за прежние поражения. Нельзя надеяться на помощь банкиров и голосовать за национализацию банков, говорил конгрессу П. Шмидт. Он считал, что серьезное отношение к установкам этого проекта резолюции исключает «призыв о помощи» к банкирам. Подчеркивая неизбежность роста революционного движения, П. Шмидт предупреждал, что оно развернется «в любом случае — с нами или без нас, и если без нас, то будет обращено против нас и разрушит РСИ»<sup>1</sup>.

Делегации НРП Англии, Польского Бунда, НСП Польши и голландцы предложили исключить из проекта резолюции заявление о том, что борьба против кризиса вместе с тем является борьбой за завоевание политической власти, и некоторые другие положения, а вместо них включить заявление о последовательной борьбе против капитализма, о сплочении занятых и безработных трудящихся, об использовании всех парламентских и внепарламентских средств борьбы, а главное — основные идеи их проекта резолюции, отвергнутого при обсуждении второго вопроса повестки дня. Но и на этот раз правые и умеренные — подавляющее большинство делегатов проголосовало против предложения левых. Проект резолюции, подготовленный комиссией, был принят без изменений.

Без дискуссии конгрессом были одобрены итоги состоявшейся 23—25 июля 1931 г. Международной социалистической женской конференции и выработанные ею резолюции, в которых решительно осуждался фашизм, выдвигался ряд требований, выражавших интересы женщин-работниц.

Новое столкновение большинства с левыми произошло при обсуждении конгрессом отчета о деятельности Исполкома и Секретариата РСИ. При поддержке СП США и Польского Бунда НРП Англии предложила принять специальную резолюцию. Эта резолюция была отклонена комиссией по организационным вопросам. Но

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 738.

левые размножили ее и передали делегатам. Дж. Патон выступил с ее обоснованием. Он указывал, что в осложнившейся обстановке деятельность РСИ недостаточна, не может противостоять силам капитализма, организовать интернациональные выступления трудящихся. Рабочие партии ориентируют свою деятельность, утверждал Патон, на Лигу наций, а не на РСИ, который не имеет собственной политической линии. Он призывал дать Исполкому РСИ необходимые полномочия для решения важнейших проблем и руководства борьбой масс. Для этого предлагалось превратить РСИ во всеохватывающий Интернационал, который объединит рабочий класс всех стран, разработать «новую социалистическую политику борьбы» против империализма и войны, за скорейшее достижение социализма, установить связь со всеми рабочими организациями, не входящими в РСИ, а также с организациями национально-освободительного движения, которое необходимо активно поддерживать против империализма. Кроме того, левые требовали гарантировать в РСИ возможность выступлений меньшинства.

Как свидетельствует это выступление, левые видели слабость РСИ, но выработать ясную альтернативу его курсу не могли. Они переоценивали возможность непосредственной борьбы за социализм и недооценивали опасность фашизма. Даже левые социал-демократы в то время не решались поставить вопрос о единстве действий с коммунистами.

Ф. Адлер и другие руководители РСИ не возражали левым по существу этой резолюции, но считали ее излишней, так как РСИ якобы и без того следует этим курсом. За резолюцию левых голосовали только делегации НРП Англии и НСП Польши. Большинство ограничилось внесением в устав РСИ незначительных изменений, направленных на расширение представительства партий в органах РСИ.

Конгресс завершился пением «Интернационала». Руководители РСИ и большая часть социал-демократической прессы выдавали его резолюции за ясный ответ на волновавшие трудящихся проблемы. В действительности принятая конгрессом тактика борьбы за разоружение и сохранение мира не могла быть серьезным препятствием агрессивным силам и дезориентировала массы. Одобренная конгрессом стратегия борьбы против фашизма являлась порочной, сковывала силы трудящихся и благопри-

яствовала успехам фашистов. Антикризисный курс конгресса, несмотря на радикализм резолюции, не был последовательным. Меры по укреплению РСИ были явно недостаточны для повышения эффективности его действий во все более осложнявшейся обстановке.

Многие социал-демократы сомневались в плодотворности конгресса и обоснованно критиковали его резолюции. IV конгресс РСИ, как заявил М. Хилквит, — это «первый конгресс нашего современного интернационала, на котором есть организованная оппозиция»<sup>1</sup>. Он имел в виду левую оппозицию и считал ее выступления признаком жизнеспособности РСИ. Левая оппозиция выступала, в сущности, по всем вопросам, обсуждавшимся конгрессом. В действительности она была гораздо шире тех групп, которые отстаивали предложения левых, и полнее других направлений социал-демократии выражала стремления и настроения широких слоев трудящихся. Но ее силы не были объединены. Их разделяли существенные разногласия, особенно в связи с левацкими тенденциями, характерными для руководителей НРП Англии и некоторых других левых социал-демократов. Левые остро и во многом убедительно критиковали резолюции конгресса, но из-за собственной слабости не могли выдвинуть верной альтернативы. На конгрессе они потерпели поражение, которое оказалось прелюдией к поражению резолюций, принятых большинством конгресса — широкой коалицией умеренных и правых. Обострение классовой борьбы вскоре после IV конгресса РСИ обнаружило несостоятельность его курса и привело к дальнейшему углублению кризиса социал-демократии.

### **Несостоятельность антифашистской стратегии РСИ**

После IV конгресса активность РСИ возросла в основном в борьбе за разоружение. Она была связана с подготовкой и работой созданной Лигой наций международной конференцией по разоружению. К началу этой конференции под петициями с призывом к немедленному и существенному сокращению всех видов вооружений и военных бюджетов, к разоружению было собрано много тысяч подписей. Вскоре после начала работы конфе-

---

<sup>1</sup> Vierter Kongress. . . , S. 739.

ренции, открытой известным деятелем РСИ Гендерсоном, эти петиции были переданы ей представителями руководства РСИ и МФП. Затем, в мае 1932 г. в Цюрихе состоялось совместное заседание (конференция) руководителей РСИ и МФП, в котором участвовали также представители различных примыкавших к РСИ международных организаций. Обсуждая ход работы и перспективы международной конференции по разоружению, участники этого заседания высказались за прекращение репарационных платежей и таможенной войны между державами, осуждали, как опасный для судеб мира, выдвинутый правящими кругами Франции план создания международной армии. Представители левых социал-демократов Ф. Брокюэй и Г. Эрлих требовали отказаться от всяких надежд на конференцию по разоружению и от имени рабочего класса заявить, что борьба против вооружений и войны перерастает в пролетарскую революцию.

Справедливо разоблачая несостоятельность надежд на Лигу наций и созванную ею конференцию, левые ошибочно отвергали необходимость специальной антимилиитаристской деятельности, сводили борьбу за мир к революции, возникновение которой связывали только с мировой войной. Они не видели, что борьба против возраставшей угрозы войны требует совместных действий социал-демократов с коммунистами и сплочения всех прогрессивных сил. В противовес им некоторые правые выразили опасения, что разоружение приведет к сокращению военного производства и вызовет увеличение безработицы.

По инициативе большинства участников Цюрихское заседание руководителей РСИ и МФП приняло резолюцию, в которой подтверждались требования, выдвинутые IV конгрессом. Она призывала к доверию между державами путем урегулирования вопроса о межгосударственных долгах и репарациях, частичного сокращения вооружений и прекращения таможенной войны. В резолюции предлагалось в первую очередь запретить наступательное оружие, частное производство всякого вооружения и международную торговлю оружием. Но в ней не говорилось ни об организации предусмотренных конгрессом самых решительных массовых выступлений, ни о необходимости сплочения всех прогрессивных сил.

Позже, в мае и августе 1933 г., совместная комиссия РСИ и МФП дважды обсуждала вопрос о разоружении.

Ее предложения были рассмотрены и одобрены состоявшейся в августе 1933 г. конференцией РСИ. Но серьезного влияния на ход международной конференции по разоружению, заведенной империалистическими державами в тупик, эти выступления не оказали. Руководство РСИ не могло преодолеть сепаратизм и ограниченность своей деятельности в этом направлении, подняться до понижения несостоятельности в тех условиях надежд на буржуазные правительства и Лигу наций, решающего значения развертывания массового движения против конкретных милитаристских кругов капиталистических стран, необходимости сотрудничества с коммунистами и сплочения всех прогрессивных сил.

РСИ выступил против нападения Японии на Маньчжурию. Бюро РСИ в начале ноября 1931 г. приняло резолюцию, в которой осуждалась японская агрессия. Выражая сожаление, что Лига наций не смогла прекратить этот конфликт, Бюро призывало рабочий класс оказать давление на правительства, чтобы они способствовали принятию Лигой наций необходимых решений. В феврале 1932 г. Бюро опубликовало манифест «Положение на Дальнем Востоке. К рабочим всех стран». В нем критиковались великие державы, не принимавшие никаких мер против японской агрессии, было выставлено требование объявить Японию агрессором, прекратить ей поставки военных материалов и отказать в кредитах. Манифест призывал рабочих добиваться этого от правительств посредством массовых демонстраций.

В мае 1932 г. вопрос о японской агрессии был обсужден Исполкомом РСИ. Исполком подтвердил позицию Бюро и сделал следующий шаг — высказался в защиту СССР, осудил антисоветские планы Японии. В принятой Исполкомом резолюции говорилось, что в случае усиления угрозы СССР со стороны Японии РСИ вместе с МФП будет добиваться прекращения производства, погрузки и перевозки военных материалов для Японии, организует бойкот всех судов, идущих в Японию и из нее. В случае нападения Японии на СССР намечалось призвать все социал-демократические партии в соседних с СССР странах противодействовать попыткам их правящих кругов угрожать СССР. Ориентация на массовые действия, направленные непосредственно против агрессора, и солидарность с СССР соответствовали интересам и настроениям трудящихся. Однако и в этом случае, выступая про-

тив японской агрессии, руководство РСИ не признало необходимыми ни сотрудничество с коммунистами, ни сплочение всех прогрессивных сил. Исполком РСИ игнорировал факт участия многих социал-демократов совместно с коммунистами в Амстердамском движении против империалистической агрессии. Это мешало консолидации сил защитников мира и было на руку агрессорам.

Осуществление принятого IV конгрессом плана борьбы против фашизма у Исполкома РСИ до начала 1933 г. беспокойства не вызывало: Германия даже без усилий со стороны социал-демократии получила возможность не платить репараций, ей были предоставлены кредиты, а СДПГ, свобода действий которой была подтверждена конгрессом, продолжала поддерживать «меньшее зло». Но в январе 1933 г. непредвиденно для лидеров РСИ это закончилось приходом Гитлера к власти.

Установление фашистской диктатуры в Германии и разгром гитлеровцами рабочих организаций явились тяжелым ударом не только по немецкому, но и по международному рабочему движению. Фашисты активизировались во всех, даже самых демократических буржуазных странах, включая Францию и Англию, чего социал-реформисты тоже не ожидали. При этом обнаружилось, что СДПГ не решилась ответить насилием на беззакония фашистской диктатуры, как предусматривалось резолюцией IV конгресса РСИ, оказалась неспособной организовать нелегальную борьбу, а многие ее лидеры, пытаясь приспособиться к фашистской диктатуре, капитулировали перед гитлеровцами. Даже перед лицом смертельной опасности руководители СДПГ отказались от предложенного коммунистами единства действий. Победа фашистов в Германии и их повсеместная активизация обнаружили пороки и несостоятельность антифашистской стратегии СДПГ и РСИ в целом. Вызванное всем этим замешательство еще более ослабило международную социал-демократию. Ее кризис обнажился и углубился.

В то время как «Коминтерн и его секции начинают настойчиво искать реальные пути для сплочения всех антифашистов и отпора фашистскому наступлению»<sup>1</sup> международная конференция семи левых социал-демократических организаций 6 февраля 1933 г. обратилась к Ком-

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 350.

мунистическому Интернационалу и РСИ с призывом немедленно сообщать провести конференцию для разработки плана совместной борьбы против фашизма. Не только левые, но и многие другие социал-демократы убедились теперь в пагубности использованного фашистами раскола рабочего движения и в необходимости хотя бы «пакта ненападения» между РСИ и Коминтерном. Они все более серьезно относились к постоянным призывам компартий создать единый фронт рабочего класса.

Учитывая все это, 19 февраля 1933 г. Бюро РСИ рассмотрело положение в Германии и проблему сотрудничества с коммунистами. Отметив серьезную угрозу миру, возникшую в результате установления в Германии фашистского режима, оно обратилось к рабочим всех стран с призывом «прекратить взаимные нападки и вместе бороться против фашизма». Руководители РСИ заявили, что якобы они «всегда были готовы вести переговоры с Коммунистическим Интернационалом о таком единстве борьбы, как только последний выразит свою готовность к этому»<sup>1</sup>. В действительности Бюро РСИ согласилось вести переговоры с Коминтерном о прекращении взаимных нападков и о борьбе против фашизма впервые за всю историю РСИ. Однако продолжавшаяся антикоммунистическая и раскольническая деятельность руководителей социал-демократических партий в Германии и других странах не могла не вызывать у ИККИ сомнения в серьезности такого впервые сделанного предложения и в необходимости прямого и немедленного отклика на него. Стремясь выяснить реальную возможность достижения единства действий, 5 марта ИККИ обратился с воззванием, в котором рекомендовал компартиям установить единый фронт с социал-демократами не помимо их руководителей, как пытались прежде, а «при посредстве социал-демократических партий» и предлагал совместно дать отпор фашистам, защищать рабочие организации, демократические свободы и социально-экономические интересы трудящихся.

Отнесясь к этому воззванию ИККИ, содержащему конкретные предложения, с необоснованным недовери-

---

<sup>1</sup> *Le Populaire*, 1933, février 21; см. также: *The New Leader*, 1933, March 10; *Cole G. D. H. A History of the Labour Party from 1914*. London, 1948, p. 285.

ем, ссылаясь на то, что в нем не видно «готовности вести переговоры на международной основе», Секретариат РСИ предостерег социал-демократические партии от переговоров с компартиями и рекомендовал им выждать, пока Исполком РСИ уточнит свое отношение к предложению Коминтерна. Состоявшееся 18—19 марта заседание Исполкома РСИ подтвердило рекомендации Секретариата, призвав социал-демократические партии не вступать в переговоры с компартиями до выяснения результатов контактов РСИ с Коминтерном. В конце марта Бюро РСИ вновь заявило о готовности вести переговоры с руководством Коминтерна, на которые ИККИ в то время еще не решался, а социал-демократическим партиям советовало «воздержаться от всяких сепаратных переговоров с коммунистами». Социал-демократические партии, к которым компартии обращались тогда с предложением о совместной борьбе против фашистов, — во Франции, Австрии, Чехословакии и ряде других стран — отклоняли предложения коммунистов или выставляли совершенно неприемлемые условия, вплоть до отказа компартий от своих программ. Это затормозило и осложнило крайне необходимое сплочение антифашистских сил, было на руку фашистам.

Однако необходимость единства действий рабочих организаций по инициативе коммунистов постепенно прокладывала себе дорогу. В июне 1933 г. в Европейском антифашистском рабочем конгрессе в Париже (зал Плейель) вместе с коммунистами участвовали многие социал-демократы. От имени 200 делегатов этого конгресса — социал-демократов из Франции, Бельгии, Англии, Испании и Италии — социал-демократ Маларт выступил с заявлением, в котором осуждал руководство РСИ за то, что оно запретило социал-демократам участвовать в работе конгресса, тогда как многие из них «полны решимости вести совместную борьбу на основе единого революционного фронта»<sup>1</sup>. Эти социал-демократы способствовали разработке конгрессом широкой программы борьбы против фашизма, сплочения всех антифашистов. Многие социал-демократы поддержали деятельность созданного в результате слияния Амстердамского и Плейельского движений в августе 1933 г. Всемирного комитета против войны и

---

<sup>1</sup> Правда, 1933, 7 июня.

фашизма. Значительная часть социал-демократов была вовлечена в развернувшиеся повсюду выступления в защиту Г. Димитрова и его товарищей. Весной и летом 1933 г. в Австрии, Франции, Испании, Бельгии, Чехословакии, Финляндии, Англии, Швейцарии, США широкой волной прокатились массовые антифашистские демонстрации, в которых вместе с коммунистами участвовали социал-демократы и другие противники фашизма. Созданный левыми социал-демократами Международный комитет революционных социалистических организаций все настойчивее требовал от руководства РСИ начать переговоры о единстве действий с коммунистами.

Антифашистское движение ширилось, а Исполком РСИ тормозил его развитие. Заседание Исполкома 18—19 марта по настоянию О. Вельса, стремившегося приспособить СДПГ к фашистской диктатуре, отложило публикацию своих резолюций, осуждавших гитлеровский режим. Неделью спустя Бюро РСИ вынуждено было ответить на прямые нападки Г. Геринга на международную социал-демократию и заклеило жестокость и произвол гитлеровцев. Отмежевываясь от этого выступления Бюро, Вельс вышел из руководящих органов РСИ. Бюро не осудило Вельса и не подвергло критике капитулянтскую линию руководства СДПГ, а вину за поражение рабочего движения в Германии пыталось возложить на коммунистов. Только после позорнейшего голосования большинства социал-демократической фракции рейхстага за доверие гитлеровскому правительству Бюро РСИ 18 мая заявило, что такая линия не выражает подлинных интересов немецкого рабочего класса и противоречит принципам РСИ.

Социал-реформисты всех стран обсуждали причины и последствия победы фашистов в Германии на собраниях и в печати, в особенности в «Кампф» и «Нойен Форвертс». Но ни Бюро, ни Исполком РСИ, ни состоявшееся 19 мая совместное заседание руководителей РСИ и МФП не могли извлечь уроки из происшедших в Германии событий и наметить конкретные пути борьбы масс против фашизма. Они ограничились призывами осознать «смертельную опасность» для рабочего движения и цивилизации и продолжать борьбу против германского и итальянского фашизма. Для обсуждения стратегии и тактики социал-демократии в новой обстановке Бюро решило созвать в августе 1933 г. конференцию РСИ.

Первая и последняя конференция РСИ состоялась в Париже 21—25 августа 1933 г. В ней участвовали посланцы социал-демократов 23 стран, а также лидеры российских, украинских, грузинских и армянских социал-реформистов и националистов — всего 145 делегатов, располагавших по уставу РСИ 314 голосами своих 30 организаций<sup>1</sup>. Сила РСИ, как признавали участники конференции, оказалась «решительно ослаблена поражением в Германии»<sup>2</sup>. Все социал-демократические партии были потрясены, обнаруживали в обострившейся обстановке свою беспомощность и колебания. Делегаты конференции выяснили глубокие, по заявлению О. Бауэра, расхождения во мнении<sup>3</sup> между партиями и внутри партий. Эти расхождения проявлялись прежде всего в обсуждении единственного вопроса повестки дня конференции — о «стратегии и тактике международного рабочего движения во время фашистской реакции», — но касались и многих других проблем.

Уже на проведенном перед конференцией заседании Исполкома РСИ произошло острое столкновение между правыми и левыми по вопросу о единстве действий с коммунистами. В ходе конференции и на созданной ею комиссии для подготовки резолюции выяснилось, что расхождения между этими направлениями стали глубже и острее, так что выработать приемлемую для всех резолюцию не удалось. Стали заметными и приобрели существенное значение расхождения между правыми и умеренными; увеличились разногласия между умеренными и левыми. Теперь не два, как прежде, а три направления, оставаясь организационно неоформленными и не выступая в единстве, отстаивали по некоторым существенным вопросам свои особые позиции. В центре развернувшейся между ними дискуссии были оценка уроков поражения рабочего класса в Германии, пути и средства борьбы против наступления фашизма, а также отношение социал-демократии к коммунистическому движению.

---

<sup>1</sup> См.: *Compte rendu. Conference Internationale de l'Internationale ouvriere socialiste* (далее: *Conference. .*). Paris, Maison de la Mutualité, août 21—25, 1933, p. 4, 202.

<sup>2</sup> *Ibid.*, p. 38.

<sup>3</sup> *Ibid.*, p. 185.

Хотя среди левых социал-демократов не было полного единства, в выступлениях П. Ненни, Ж. Зиромского, М. Пивера, З. Альтера, М. Крюгера и других, а также в проекте резолюции, предложенном частью делегатов ИСП, СФИО, СП США и Эстонии, Бельгийской рабочей партии, польского Бунда, были выдвинуты основные положения, характеризовавшие общие позиции всех левых социал-демократов. Эти положения представляли собой результат развития взглядов, высказывавшихся левыми раньше, уже на IV конгрессе РСИ.

Выражая интересы и настроения широких масс трудящихся, левые социал-демократы сделали серьезный шаг вперед. Поняв, что одной из важнейших причин поражения немецкого рабочего класса являлся раскол рабочего движения, они стали выступать за единство действий всех рабочих организаций, за сотрудничество с коммунистами. Подчеркивая решающую роль рабочего класса в борьбе против фашизма и считая главным условием отпора фашистам его единство, левые требовали, чтобы РСИ немедленно начал переговоры с Коминтерном, а социал-демократическая партия — с компартиями для заключения соглашений о совместных действиях. Им предлагалось созвать объединенную конференцию РСИ, Коминтерна и МФП, провести международный конгресс всех рабочих организаций, чтобы развернуть интернациональное наступление против фашизма. Они подчеркивали возросшую необходимость укрепления интернациональной солидарности рабочего класса.

Левые социал-демократы решительно осуждали как политику поддержки «меньшего зла», так и капитулянтство лидеров СДПГ после установления в Германии фашистской диктатуры. Они доказывали, что фашистам необходимо противопоставить силу сплоченного рабочего класса, и призывали действовать революционно. Левые предлагали организовать политический, экономический и моральный бойкот гитлеровской Германии. Опираясь на опыт Италии, они предупреждали, что рассчитывать на слабость и разложение фашистских режимов не следует.

Но левые социал-демократы не смогли преодолеть и даже усугубили свои прежние ошибки. Не разобравшись до конца в германских событиях, они утверждали, что СДПГ должна была не защищать буржуазную демократию, а добиваться установления власти рабочего класса.

Верно говоря о кризисе буржуазной демократии, левые ошибочно считали, будто рабочий класс уже не заинтересован в сохранении и защите такой демократии. Заявляя, что якобы «капитализм сам по себе стал фашистским»,<sup>1</sup> они склонялись к ложному мнению, будто фашизм выражает интересы всей буржуазии и даже является стадией развития капитализма.

Из таких ошибочных положений делались неверные политические выводы. Левые призывали отказаться от защиты буржуазной демократии и от любых союзов с отстаивавшими ее буржуазными партиями. Их сектантство выражалось в том, что они не видели никаких союзников рабочего класса в борьбе против фашизма. Более того, борьба против фашизма отождествлялась ими с борьбой против капитализма вообще. Альтернативу фашистскому режиму они видели только в социалистической демократии, в диктатуре революционного класса и в установлении социалистического строя. Непосредственной целью совместных действий социал-демократов и коммунистов левые, игнорируя конкретно-историческую обстановку, считали завоевание политической власти и замену капитализма социалистическим строем на основе пролетарской демократии. При этом некоторые из них отвергали опыт СССР, заявляя, будто Советская власть представляет собой «диктатуру над рабочим классом»<sup>2</sup>.

Критика левыми социал-демократами несостоятельной линии СДПГ и РСИ была резкой и убедительной, но предлагавшаяся ими альтернатива, хотя и отражала стремление трудящихся к решительному сопротивлению фашизму, не соответствовала объективным возможностям антифашистского движения.

Правые социал-демократы — Вельс, Дальтон, Рендель, А. Фогт и другие выступали, по существу, против пересмотра ранее выработанной антифашистской политики РСИ. Они полностью оправдывали деятельность СДПГ, даже ее капитуляцию, ссылаясь на то, что правительство Гитлера, по их мнению, являлось конституционным. Объективные причины победы фашизма в Германии правые сводили к ущемлению национальных интересов немцев державами-победительницами, умалчивая об интересах немецкой и международной финансовой оли-

---

<sup>1</sup> Conference. . . , Annexe B, p. II.

<sup>2</sup> Ibid., p. 66.

гархии. Не желая видеть прямую связь фашистов с крупной буржуазией, они продолжали недооценивать силу и опасность фашизма.

Отрицая банкротство антифашистской стратегии СДПГ и РСИ, непосредственную ответственность за неудачи СДПГ и приход фашистов к власти в Германии правые стремились возложить на коммунистов, лживо обвиняя их в подрыве демократии и в пособничестве фашистам. Выступая с позиций злобного антикоммунизма, некоторые из них ставили СССР в один ряд с фашистскими государствами. Для этого ими использовалась гнусная клевета на большевиков и СССР, особенно активно распространявшаяся на конференции лидерами украинских и грузинских националистов. Не желая извлекать уроки из поражения в Германии, правые требовали запретить РСИ вести переговоры с Коминтерном, иметь любые контакты социал-демократических партий с компартиями.

Ставя под сомнение значение теории, особенно марксизма, преувеличивая различия национальных условий, правые социал-демократы отрицали необходимость и возможность разработки общих для всех социал-демократических партий принципов и стратегии борьбы против фашизма. Самостоятельность каждой социал-демократической партии трактовалась ими как обособленность, что вело к принижению общих интересов и международной солидарности.

Правые были, по существу, против организации массовых выступлений трудящихся и отвергали всякую связь борьбы против фашизма с борьбой за социализм. Некоторые из них — неосоциалисты А. Марке, П. Ренодель для повышения эффективности социал-демократической политики предлагали упредить фашистов, использовать их опыт привлечения средних слоев, содействовать созданию в капиталистических странах «твердой власти» и поддерживать вооружение под предлогом подготовки к отражению агрессии. Это вело к отказу от борьбы за демократию и за разоружение. Заботу о сохранении мира предлагалось полностью доверить Лиге наций, хотя она не была в состоянии ни остановить японских агрессоров, ни найти пути сокращения вооружений.

Платформа правых социал-демократов противоречила интересам и не соответствовала настроениям трудящихся масс. Линия, которая потерпела поражение в Гер-

мании и которую они продолжали защищать, уже не пользовалась доверием большинства социал-демократов. Поэтому влияние правых уменьшилось. Не решаясь предложить конференции собственный проект резолюции, они все силы направили на то, чтобы добиться отклонения предложений левых и существенных уступок от умеренных.

Умеренные социал-демократы — Ф. Адлер, О. Бауэр, Р. Гримм, Л. Блюм и многие другие, выступавшие на конференции, смогли учесть некоторые существенные интересы и настроения трудящихся, сделать шаг вперед. Они призывали социал-демократов извлечь уроки из тяжелого поражения в Германии и даже «переучиться». Ф. Адлер и Р. Гримм заявляли, что социал-демократии необходимо «больше марксизма, больше классовой борьбы и больше интернационализма»<sup>1</sup>.

Подчеркивая значение марксистской теории в исследовании событий, умеренные предлагали разработать пути к победе рабочего класса с учетом своеобразия различных стран. К первой группе они относили страны с фашистской диктатурой. Умеренные видели корни фашизма в капитализме и указывали на связь фашистов с крупным капиталом. Фашистская диктатура характеризовалась ими как рабство рабочих и террористический режим, существенно отличающийся от буржуазной демократии. Они считали, что в странах с фашистской диктатурой буржуазия сама разрушила демократию, исключила возможность использования рабочим классом демократических методов борьбы, а поэтому рабочий класс не может обойтись без насилия, должен действовать героически и решиться на революцию. Здесь, по мнению умеренных, могли произойти народные революции — демократические или социалистические. Победа демократической революции разрушила бы фашистский режим и восстановила бы демократические свободы, не уничтожая капитализма. Победа социалистической революции привела бы к ликвидации фашизма и его корней — капитализма, к установлению общественной собственности на средства производства и социалистической демократии.

Ко второй группе относились страны, где существовала буржуазная демократия, которой угрожало наступле-

---

<sup>1</sup> Conference. . . , p. 43.

ние фашистов. Умеренные говорили о классовой сущности, ограниченности и кризисе буржуазной демократии, но вместе с тем подчеркивали ее преимущество по сравнению с фашистским режимом и считали необходимым защищать ее до конца. Они отвергали распространенное тогда мнение, будто победа фашизма неотвратима во всех странах. «Было бы роковой ошибкой, — говорил Адлер, — считать, что фашизм обязательно должен взять верх»<sup>1</sup>. В борьбе против фашизма и плутократии умеренные предлагали использовать демократические свободы и опираться на массовые выступления трудящихся, направляя все силы и не страшась жертв. Извлекая урок из событий в Германии, они заявляли, что любые жертвы, которые рабочий класс принесет, чтобы воспрепятствовать захвату власти фашистами, окажутся меньше, чем те, которые выпадут на его долю, если фашисты победят.

К третьей группе относились такие страны, как Англия и скандинавские государства, в которых, по мнению умеренных, еще не было серьезной непосредственной угрозы фашизма.

Характеризуя особенности борьбы рабочего класса в различных группах страны, умеренные подчеркивали необходимость интернациональной солидарности и взаимодействия. Они предлагали организовать бойкот гитлеровской Германии, призывали поставить фашистов «вне закона наций». Ими был намечен ряд конкретных интернациональных выступлений в поддержку немецких антифашистов, против вооружения Германии, агрессивных планов гитлеровцев в отношении Австрии и Данцига, против гонки вооружений и т. д. Они подчеркивали необходимость укрепления РСИ и сохранения его даже в случае войны.

Умеренными были отвергнуты предложения некоторых правых — неосоциалистов об использовании опыта фашистов для привлечения средних слоев. Ими осуждались попытки оправдать вооружения необходимостью подготовки к отпору агрессорам. Они поставили под сомнение возможность и целесообразность поддержки социал-демократами буржуазных правительств и участия в них. Признавая, что важнейшей причиной поражения рабочего класса в Германии был раскол его сил, умеренные высказались за прекращение «братоубийственной борьбы» в

---

<sup>1</sup> Conference. . . , p. 11.

рабочем движении, за его единство. Л. Блюм и некоторые другие умеренные вместе с левыми требовали безотлагательно принять практические меры для переговоров с Коминтерном и компартиями. Но большинство умеренных смотрело на это иначе. Адлер и другие признавали героизм коммунистов в борьбе против фашистов, однако продолжали осуждать предложения коммунистов о единстве действий, как направленные на подрыв социал-демократии, ссылаясь на то, что некоторые коммунисты продолжали повторять, будто социал-демократия является главной опорой капитализма; они обвиняли коммунистов в стремлении уничтожить демократические свободы, в распространении мнения о неизбежности победы фашизма и т. п. На таком основании ими делался вывод, что якобы коммунисты не созрели для единства действий с социал-демократами, поэтому переговоры с ними откладывались на неопределенное время. Это противоречило интересам рабочего класса и всех прогрессивных сил, но было поддержано правыми.

Платформа, выдвинутая умеренными на конференции, представляла собой шаг вперед по сравнению с их прежней позицией, выраженной в резолюции IV конгресса. Однако она страдала непоследовательностью. Определение фашизма не было полным и точным. Как вопрос о революциях в фашистских государствах, так и проблема защиты демократии в других капиталистических странах при всей решительности тона выступавших были поставлены лишь в самых общих чертах. Были упущены из виду возможности борьбы рабочего класса за расширение и углубление демократических свобод. Не был поднят вопрос о союзниках рабочего класса, о путях и формах их сплочения вокруг пролетариата. Умеренные не видели возможности освободительных, справедливых войн и необходимости их поддержки. Они не решались определить задачи РСИ в случае войны даже в духе резолюции Штутгартского конгресса II Интернационала. Ими не учитывалась возросшая роль Советского Союза в защите мира, не говорилось о поддержке СССР. Наконец, влияние антикоммунизма помешало им решиться на назревшие практические шаги к единству действий с коммунистами.

Платформа умеренных социал-демократов решительностью своих лозунгов отражала настроение масс, а ограниченностью конкретных рекомендаций устраивала даже правых социал-демократов. На ее основе комиссия,

сделавшая некоторые уступки правым, разработала еще более умеренный проект резолюции, который был одобрен подавляющим большинством; против него голосовала только часть левых.

В резолюции говорилось о разрушительных последствиях мирового экономического кризиса, наступлении фашизма и усилении опасности войны. Подчеркивая несостоятельность капитализма и необходимость замены его социализмом, резолюция совершенно в соответствии с социал-реформистской концепцией перерастания капитализма в социализм рекомендовала для подготовки перехода к социализму создавать новые формы контролируемой государством организованной экономики, что на деле могло привести только к усилению государственно-монополистического капитализма. Она призывала трудящихся всюду решительно защищать демократические свободы, умалчивая о необходимости их расширения и углубления. При выборе средств рекомендовалось учитывать особенности различных групп стран, ориентируясь на народные революции в фашистских государствах и на организацию массовых выступлений, там, где фашисты добиваются власти. В резолюции намечалось провести интернациональные выступления против фашистских режимов, а также некоторые меры для укрепления солидарности социал-демократов и упрочения мира. Об отношении к коммунистам говорилось только, что РСИ, «пока отвергая все маневры, связанные с единым фронтом ...заявляет вновь, что он не пожалеет усилий, чтобы воссоединить разрозненные силы рабочего класса»<sup>1</sup>.

Подавляющим большинством голосов конференция одобрила подготовленную совместной комиссией РСИ и МФП в 1933 г. резолюцию о разоружении. Кроме выступлений, направленных на то, чтобы добиться на конференции по разоружению сокращения или ограничения вооружений и военных бюджетов, эта резолюция в качестве последнего средства для сохранения мира рекомендовала всеобщую стачку. В ней говорилось, что в случае международного конфликта государство, отвергающее арбитраж Лиги наций, будет объявлено агрессором, и тогда рабочие в этой стране должны начать всеобщую стачку, которую поддержат рабочие всех стран. Предусматривалась также организация бойкота агрессивного государ-

---

<sup>1</sup> Conference. . . , Annexe A, p. III.

ства. При всей решительности таких рекомендаций, отражавших настроение трудящихся масс, средства их реализации, особенно в Германии, Италии, не были выяснены.

Конференция стремилась разработать новую антифашистскую стратегию. Ее рекомендации, конечно, учитывали интересы и настроения трудящихся больше, чем установки IV конгресса. Но и эта стратегия имела существенные изъяны: она признавала необходимость, но не указывала пути единства действий рабочего класса, совсем не предусматривала сплочения вокруг пролетариата его союзников. Поэтому она не соответствовала объективным задачам борьбы против фашизма и войны и не могла быть эффективной, если бы даже и была взята на вооружение социал-демократическими партиями.

Таким образом, в годы мирового экономического кризиса, наступления фашизма и усиления опасности войны РСИ оказался не в состоянии найти пути решения проблем, волновавших рабочий класс и другие слои трудящихся капиталистических стран. Тщетные поиски их привели к усилению внутренних противоречий между сложившимися в РСИ течениями — правым, умеренным и левым, отражавшими различные тенденции. Социал-реформизм сковывал и направлял по ложному пути борьбу остававшихся под его влиянием трудящихся, защищавших свои социально-экономические интересы, выступавших против фашизма и угрозы войны. Антикommунизм социал-реформистов мешал необходимому единству действий рабочего класса, сплочению всех прогрессивных сил.

РСИ оказался неспособным извлечь все необходимые уроки из тяжелого поражения в Германии, ослабившего всю международную социал-демократию. Он переживал глубокий кризис и после конференции 1933 г. вступил в последний этап своего развития.

## ГЛАВА IV. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ БАНКРОТСТВО И РАСПАД РСИ

После конференции 1933 г. РСИ продолжал существовать еще более 6 лет. Объективные условия, а вместе с тем и задачи его становились все более сложными. 1934—1940 годы характеризовались подготовкой и развязыванием империалистами второй мировой войны, расширением и обострением борьбы между фашизмом, укреплению которого способствовали империалисты всех стран, и прогрессивными силами, авангардом которых были коммунисты, а опорой являлся СССР.

### **Активизация коммунистов и разложение социал-демократического движения**

Дальнейшее расширение и обострение столкновения между прогрессивными силами и фашизмом стало решающим испытанием для двух направлений в международном рабочем движении — коммунистического и социал-реформистского.

После победы фашистов в Германии активизировались реакционные силы во всем мире. Путем усиления террора стремились укрепить свою власть фашисты в Италии, Португалии, Венгрии, Польше, Литве, а также реакционные правящие круги Югославии и Финляндии. В первой половине 1934 г. утвердились фашистские режимы в Австрии, Эстонии и Латвии. Фашисты пытались захватить власть во Франции, Испании, Греции, Бразилии. Летом 1936 г. испанские фашисты при поддержке Германии и Италии подняли мятеж против Испанской республики.

Все это, как и попустительство со стороны правящих кругов Англии, США и Франции, стремившихся направить агрессию против СССР, благоприятствовало экспансии фашистских государств и началу ими войны за мировое господство. Заключенный по инициативе гитлеровцев «антикоминтерновский пакт» координировал агрессивные действия Германии, Японии и Италии. В марте 1938 г. гитлеровцы захватили Австрию. Осенью 1938 г. и весной

1939 г. их жертвой стала Чехословакия, затем Литва (Клайпеда). Опираясь на союз с Германией, Италия в 1935—1936 гг. захватила Эфиопию, вела войну против испанского народа, вышла из Лиги наций и превратила в свою колонию Албанию. Установив колониальный террористический режим в Маньчжурии, японские агрессоры летом 1937 г. развернули военные действия с целью порабощения всего Китая.

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. стало началом второй мировой войны. Оккупация гитлеровцами Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, а затем и Франции привела к установлению на их территории жесточайшего террористического режима. Война началась как столкновение двух групп империалистических держав, но народы поработанных фашистами стран уже тогда вели освободительную борьбу.

В эти годы международная роль и влияние СССР значительно возросли. Под руководством ВКП(б) советский народ ко второй половине 30-х годов построил социалистическое общество. Это усилило притягательность и влияние идей социализма во всем мире. «Ныне социализм живой, во плоти и крови — перед вашими глазами...»<sup>1</sup>, — разъясняли коммунисты трудящимся всех стран. Воздействие выявившихся преимуществ социализма и сила примера СССР увеличивались активной внешней политикой Советского государства, соответствовавшей интересам народных масс: последовательной поддержкой освободительной борьбы трудящихся и угнетенных народов, решительной защитой мира. «Теперь СССР всей своей политикой, — говорил В. Пик в 1935 г., — с каждым днем во все большей мере оказывает воздействие на судьбы мирового капитализма и на развитие освободительной борьбы мирового пролетариата и народов колоний и зависимых стран»<sup>2</sup>.

Растущая мощь СССР, на долю которого в 1937 г. приходилось уже около 10% мирового производства, заставляла империалистов, продолжавших злобную антисоветскую кампанию и разработку планов уничтожения социализма, все более считаться с Советским Союзом.

---

<sup>1</sup> Воззвание ИККИ к двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. — Коммунистический Интернационал, 1937, № 10—11, с. 9.

<sup>2</sup> Пик В. Отчет о деятельности ИККИ. М., 1935, с. 88—89.

В 1934 г. по приглашению многих государств СССР вступил в Лигу наций, стремясь использовать ее для противодействия активизировавшимся агрессорам. Он оказывал морально-политическую, экономическую и другую помощь жертвам фашистских захватчиков — народам Эфиопии, Испании, Китая, Монголии, Австрии, Чехословакии. Им была разоблачена как попустительство агрессорам политика «невмешательства» и «умиротворения». Он добивался создания в Европе системы коллективной безопасности.

Советский Союз выступал за коллективный отпор агрессорам, решительно отражая направленные против него вооруженные провокации, избегая международной изоляции и срывая попытки империалистов поставить его одного под удар фашистских держав. Это позволило ему накануне и в первый период второй мировой войны выиграть необходимое время для усиления своего военно-экономического потенциала, повышения обороноспособности и укрепления границ. Напряженным трудом советского народа под руководством ВКП(б) была создана несокрушимая материально-политическая основа для победы в надвигавшемся столкновении с фашистскими агрессорами, для защиты социализма и освобождения порабожденных народов.

Против фашизма, против подготовки и развязывания новой мировой войны выступали прогрессивные силы всех стран. Их ядром был рабочий класс, а авангардом — коммунистические партии. Объективно рабочий класс всюду был самым сильным и решительным противником фашизма и захватнических войн.

Рабочий класс, добившись некоторых успехов в борьбе за свои социально-экономические интересы в 1934—1936 гг., продолжал упорно защищать их в годы нового экономического кризиса (1937—1939). Даже по далеко не полным данным, в 11 развитых капиталистических странах в 1934—1939 гг. было проведено около 5,7 тыс. забастовок, в которых участвовало более 14 млн. трудящихся. Рабочие представляли собой основную силу вооруженной борьбы против фашистов в Австрии, Испании, а также массового антифашистского движения во всех странах. Они оказывали фашистам сопротивление даже там, где фашисты находились у власти. Фашисты смогли обмануть и использовать часть рабочих, но это удалось им меньше, чем в отношении других слоев населения.

Рабочий класс являлся основной силой массовых выступлений против агрессии фашистских государств; он был солидарен с их жертвами. Вместе с тем он являлся авангардом освободительной вооруженной борьбы народов Китая, Кореи, антиимпериалистического движения народов Индии и других стран.

В борьбе за социально-экономические интересы, против фашизма, агрессоров и колониализма росли активность, сознательность и организованность пролетариата.

Авангардная роль коммунистического движения в борьбе рабочего класса и других прогрессивных сил в 1934—1940 гг. значительно возросла. Во-первых, несмотря на усиление фашистского террора и репрессивных мер буржуазных правительств, более всего направленных против компартий, коммунисты оставались самыми стойкими, организованными и решительными защитниками интересов трудящихся, героическими борцами против фашизма, захватнических войн и колониализма.

Во-вторых, ИККИ и компартии сообща, накапливая опыт и преодолевая ошибки и сектантские тенденции, в 1934—1935 гг. выработали новую политическую ориентацию, обсужденную и утвержденную VII конгрессом Коминтерна (1935). Опираясь на марксистско-ленинский анализ мирового развития, этот конгресс выдвинул в качестве основной непосредственной задачи борьбу против фашизма — орудия наиболее реакционных и агрессивных кругов крупного капитала, против подготовки и развязывания новой мировой войны, против колониализма.

Считая важнейшим условием успеха единство рабочего класса, конгресс развил ленинскую идею единого фронта и разработал конкретные пути и формы единства действий всех рабочих организаций, равноправного сотрудничества коммунистов и социал-демократов, наметил перспективу преодоления раскола профсоюзного движения и создания единых рабочих партий. Это было связано с преодолением ошибочной оценки социал-демократии как социал-фашизма и главной опоры капитализма, а левых социал-демократов — как наиболее опасного направления. Конгресс рассматривал социал-демократию как часть рабочего движения и обоснованно критиковал ее за политику классового сотрудничества с буржуазией, за поддержку «меньшего зла», за антикоммунизм и отказ от сотрудничества с компартиями, причем критика

эта была направлена в основном против правого крыла. Левые социал-демократы расценивались как революционные элементы, переходящие на позиции классовой борьбы и соглашающиеся на единый фронт с компартиями; их критиковали за непоследовательность и нерешительность. В целом «Решения VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, пронизанные ленинскими идеями, имели историческое, поворотное значение для международного коммунистического и рабочего движения, для развития борьбы всех революционных и демократических сил против фашизма, империализма и войны»<sup>1</sup>.

В-третьих, ИККИ и компартии после VII конгресса Коминтерна добивались единства действий всех рабочих организаций, предлагали сотрудничество РСИ и социал-демократическим партиям, способствовали роспуску Профинтерна и ликвидации раскола рабочего движения, последовательно стремились к сплочению всех прогрессивных сил. Коминтерн призывал: «Создавайте всюду единство рабочих — это становой хребет единства народов!», «Нам нужен единый фронт в национальном и международном масштабе!»<sup>2</sup> — и коммунисты целестремленно добивались этого. Благодаря их деятельности повысилась общественно-политическая роль рабочего класса.

Вместе с другими прогрессивными силами Коминтерн смог в отдельных странах воспрепятствовать захвату власти фашистами, организовать вооруженное сопротивление фашизму, помешать осуществлению некоторых его агрессивных планов, несколько отсрочить развязывание второй мировой войны и нападение гитлеровцев на СССР. В его деятельности в те годы имелись и негативные явления. Но они не могут заслонить «великую историческую роль этой организации, находившейся в центре борьбы трудящихся масс против фашизма и войны, поднимавшей их на эту борьбу, указывавшей массам путь к сокрушению их злейшего врага — фашизма, путь к социальному прогрессу»<sup>3</sup>. С началом второй мировой вой-

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 422.

<sup>2</sup> Коммунистический Интернационал, 1939, № 5, с. 100; № 2, с. 132.

<sup>3</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 474.

ны обстановка значительно осложнилась, но коммунисты, несмотря на отдельные промахи, продолжали героическую борьбу против фашизма и других реакционных сил. «Компартии развернули огромную работу по сплочению антифашистских патриотических сил и организации боевого движения Сопротивления»<sup>1</sup>. Хотя к началу второй мировой войны свыше 50 из 78 компартий вынуждены были действовать нелегально, количество коммунистов в капиталистическом мире с 780 тыс. в 1935 г. увеличилось до 1750 тыс. в 1939 г. Еще более возросла их роль, особенно в годы мировой войны.

В ином направлении в 1934—1940 гг. развивалась международная социал-демократия. Ни одна из социал-демократических партий на деле не руководствовалась резолюциями состоявшейся в 1933 г. конференции РСИ. Резолюции конференции были непоследовательны, слишком абстрактны или двусмысленны в важнейших вопросах, рекомендовали меры, для осуществления которых не было средств (всеобщая стачка в государствах-агрессорах), и отклоняли те, которые были крайне необходимы и вполне осуществимы (единство действий с коммунистами). Социал-демократические партии несомненно ощущали их несостоятельность, но не высказывали этого. Действовало же их большинство, не считаясь с резолюциями; как правило, не учитывало общие интересы рабочих всех стран в борьбе против фашизма, шло вразрез с пролетарским интернационализмом. В некоторых социал-демократических партиях, во всяком случае в начале последнего периода деятельности РСИ, преобладала тенденция решительного сопротивления фашизму и агрессии. Однако в большинстве из них с самого начала, а в конечном счете почти во всех взяла верх тенденция капитулянтская, обусловленная социал-реформизмом и влиянием буржуазного национализма.

Каждый удар фашистов по рабочему классу, по трудящимся был вместе с тем ударом по социал-демократии. Но в странах, где в середине и во второй половине 30-х годов установились фашистские режимы (в Австрии, Эстонии, Латвии, Болгарии, Чехословакии) или усиливался фашистский террор (в Германии, Италии, Венгрии, Португалии, Польше, Литве), социал-демократи-

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 488.

ческие партии не смогли стать организаторами массового антифашистского движения и мешали сплочению его сил.

Правление СДПГ в Праге в январе 1934 г. опубликовало программный документ «Борьба и цель революционного социализма. Политика СДПГ» — так называемый «Пражский манифест». Руководство СДПГ считало своей целью свержение гитлеровской диктатуры и уничтожение ее корней — монополистического капитала, создание демократической и социалистической Германии. Оно признавало необходимость единства рабочего класса. Это соответствовало стремлениям социал-демократов, продолжавших борьбу против фашизма в Германии и в эмиграции. Многие группы немецких социал-демократов в Германии, Испании, Стокгольме, Копенгагене, Париже и Праге в 1935—1940 гг. стали сотрудничать с коммунистами и все решительнее высказывались за антифашистский Народный фронт. В 1936 г. некоторые лидеры СДПГ — Р. Брейтшейд и другие вместе с руководителями КПГ и видными деятелями культуры создали Комитет по подготовке Народного фронта. Однако правые социал-демократы противодействовали сплочению антифашистских сил. Среди социал-демократов усилились расхождения относительно путей и целей борьбы. В начале 1938 г. Правление СДПГ призвало к консолидации сил немецкой социал-демократии. Но преодолеть расхождения не удалось. Правление СДПГ упорно отказывалось от единства действий с КПГ, руководство которой настойчиво добивалось сплочения всех антифашистов. Перебравшись в Париж, лидеры СДПГ продолжали и после начала второй мировой войны выступать против сотрудничества с коммунистами. Они призывали трудящихся бороться против фашизма, но не указывали конкретных путей и фактически потеряли связь с участвовавшими в антифашистском движении социал-демократами.

Руководители СДП Австрии, несмотря на решимость рабочих и их вооруженных отрядов — шуцбунда — дать отпор любой реакции, с весны 1933 г. сдавали наступающим фашистам одну позицию за другой. Они не решались противопоставить силу организованных рабочих ни отказу правящих кругов созвать парламент, ни массовым арестам и созданию концентрационных лагерей, ни запрещению компартии, ни усилению фашистских банд и

началу разоружения и разгрома ими рабочих организаций. «Паралич воли» лидеров социал-демократии дезориентировал и деморализовал массы, позволил фашистам значительно укрепить свои позиции и подготовить завершающий удар. Только когда отряды шуцбунда в Линце и других местах оказали фашистским бандам вооруженное сопротивление, руководство СДПГ 12 февраля 1934 г. призвало к мобилизации шуцбунда и к всеобщей стачке. Трое суток в Вене и ряде других городов страны шуцбундовцы сражались с превосходящими силами полиции, армии и фашистских банд. Однако их действия не были объединены. Часть рабочих забастовала, но всеобщую стачку организовать не удалось. Фашисты зверски расправились с героями антифашистского выступления. Рабочий класс потерпел поражение, и все его организации были запрещены.

После этого часть руководящих работников СДПА согласилась участвовать в созданных фашистами «профсоюзах» и передала им вывезенные ранее за границу профсоюзные деньги. Другая часть лидеров австрийской социал-демократии в эмиграции провозгласила лозунг «Новыми путями к старым целям!», заявила в новой программе о необходимости «революционной переходной диктатуры», но от коммунистов отмежевалась и организовать сопротивление фашистам не смогла. Только «революционные социалисты» призвали РСИ к единству действий с коммунистами и вместе с ними участвовали в организации массовых демонстраций и стачек против фашистской диктатуры, в антифашистском движении.

Несмотря на последовательную борьбу компартий за единство действий рабочего класса и создание Народного фронта, установление контактов с левыми социал-демократами и отдельными социал-демократическими организациями, на неоднократные предложения о сотрудничестве с социал-демократическими партиями во второй половине 30-х годов, почти во всех европейских государствах с фашистскими режимами лидеры социал-демократии продолжали отказываться от сотрудничества с компартиями. Только в Австрии в 1934 г., Италии (вновь в 1937 г.), а в 1936 г. в Болгарии и Румынии партии РСИ сотрудничали с компартиями в борьбе против фашизма и империалистической агрессии.

К началу второй мировой войны социал-демократиче-

ские партии в фашистских государствах и захваченных ими странах были разгромлены, как в Германии и Австрии, или скованы, как в Венгрии. Их лидеры оказались не в состоянии руководить нелегальным сопротивлением фашизму, в котором участвовали многие социал-демократы, а некоторые из них капитулировали.

Во второй половине 30-х годов благодаря подъему рабочего движения возросла роль социал-демократических партий во многих малых странах Европы — в Швеции, Дании, Норвегии, Бельгии, Финляндии. В союзе с буржуазными партиями их лидеры участвовали в правительствах этих государств. В Швеции и некоторых других странах им удалось благодаря ширившемуся движению трудящихся провести отдельные законы, частично улучшавшие положение рабочих и служащих: о расширении избирательных прав, повышении заработной платы, оплачиваемых отпусках, увеличении пособий и т. п. Вместе с тем ими были приняты меры для расширения общественных работ, а также для предупреждения или улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями.

Социал-демократические партии этих стран пытались несколько ограничить деятельность местных фашистов. Но в Финляндии они были блокированы силами реакции, а в Бельгии неосоциалисты солидаризировались с фашистами. Результаты деятельности этих партий были неодинаковы. В Швеции политика социально-экономических реформ проводилась особенно интенсивно и привела к усилению влияния социал-реформистов. Несколько расширилось влияние социал-реформистов в Дании и Норвегии. СДПФ была скована союзом с буржуазными партиями, и в ней усилилось правое крыло. Активизация неосоциалистов вызвала кризис БРП — «партия оказалась дезорганизованной и ослабленной в идейно-политическом отношении...»<sup>1</sup>.

Тем не менее эти партии проводили сходную внешнюю политику. Несмотря на протесты многих социал-демократов — Л.-Д. де Брукера в Бельгии, Ф. Стрема в Швеции и других, их руководители — Г. Стаунинг, П.-А. Спаак, П. А. Ханссон и прочие с середины 30-х годов стали придерживаться курса пассивного нейтралите-

---

<sup>1</sup> *Неймарк М. А.* Бельгийская социалистическая партия: идеология и политика, с. 54.

та в отношении фашистских агрессоров, отказывались даже от поддержки мер, принимавшихся Лигой наций, стремились, особенно правые лидеры БРП и СДПД, расширить связи своих стран с гитлеровской Германией, отвергали планы создания оборонительного союза Скандинавских стран. Они надеялись остаться в стороне от охватившей весь мир борьбы и ради этого отказывались от пролетарской солидарности в борьбе против фашизма и даже от коллективного отпора агрессорам. Такая политика благоприятствовала фашистской агрессии и оказалась пагубной для их стран, которые, кроме Швеции, были оккупированы гитлеровцами.

Не отличалась последовательностью политика и других партий РСИ. БЛП с середины 30-х годов признала необходимость коллективной безопасности и коллективного отпора агрессорам. Она выдвинула лозунг «Оружие для Испании!», критиковала, как «нерешительную и неправильную», политику Н. Чемберлена. Но ее руководители «преднамеренно суживали поле своей политической деятельности, довольствуясь в большинстве случаев участием в перипетиях парламентских битв»<sup>1</sup>, ограничивались парламентской оппозицией проводившейся правительством консерваторов политике попустительства фашистским державам, не мобилизовывали массы против фашистов и их пособников в Англии. Лидеры БЛП отвергали сотрудничество с коммунистами и осудили СССР за меры, направленные на укрепление его западных границ.

Французские социалисты в 1933—1934 гг. больше других были вовлечены в совместные с коммунистами выступления против активизировавшихся фашистов. СФИО первой из крупных партий РСИ летом 1934 г. стала на путь сотрудничества с коммунистами и другими антифашистскими силами. Она участвовала в разработке программы Народного фронта. Значительная роль принадлежала ей в победе Народного фронта на парламентских выборах весной 1936 г. Она оказалась самой влиятельной партией Народного фронта, и ее лидер Л. Блюм возглавил правительство, опиравшееся на Народный фронт.

Это правительство содействовало осуществлению части программы Народного фронта и удовлетворению ряда требований активно выступавших трудящихся. Однако

---

<sup>1</sup> Миллибэнд Р. Парламентский социализм, с. 330.

оно не решилось опереться на массовые выступления, чтобы преодолеть сопротивление крупной буржуазии и международной реакции дальнейшему выполнению программы Народного фронта и оказанию помощи Испанской республике. Л. Блюм считал, будто СФИО имела право только «исполнять власть», т. е. управлять страной, но не получила полномочий для изменения существующего строя.

Кроме того, руководители СФИО стали опасаться растущего влияния ФКП и попустительствовали активизации антикоммунистических сил, фашистских группировок. Они, как и лидеры партии радикалов, отклонили предложения ФКП, направленные на укрепление органов Народного фронта, противились требованиям левых социалистов о развертывании массового движения трудящихся.

Сменявшие друг друга у власти лидеры СФИО и партии радикалов с 1937 г. отказались от выполнения программы Народного фронта, пошли на уступки финансовой олигархии внутри страны и попустительствовали фашистским агрессорам вплоть до одобрения Мюнхенского соглашения. Это привело к развалу Народного фронта. Руководство СФИО способствовало проведению правительством Э. Даладье антирабочих законов и подавлению всеобщей забастовки, что подрывало позиции массовых организаций трудящихся. Несмотря на протесты левых социалистов, лидеры СФИО отклонили все предложения ФКП о сотрудничестве, включились в антикоммунистическую кампанию.

СФИО пыталась сочетать лозунги коллективной безопасности с призывами к переговорам и соглашениям с фашистскими державами. В ней усилился разброд. В решающий для страны момент «народ и трудящиеся, — признавал Л. Блюм, — тщетно ожидали от партии ясного лозунга, указывавшего путь борьбы...»<sup>1</sup>. С началом второй мировой войны лидеры СФИО целиком солидаризировались с антикоммунистическим и антисоветским курсом буржуазного правительства.

В Румынии в 1936 г. СДП и другие социал-демократические организации вместе с КПР участвовали в развернувшемся по инициативе коммунистов движении в защиту мира, в союзе демократических сил, выступавших про-

---

<sup>1</sup> См.: Салычев С. С. Указ. соч., с. 382.

тив активизации фашистов. Однако в обострившейся обстановке в 1937 г. лидеры СДП отказались от сотрудничества КПП. После реакционного государственного переворота в начале 1938 г. они согласились сотрудничать с королевской диктатурой и отклонили предложения компартии о совместной борьбе против наступления реакции. Это способствовало ликвидации реакционерами рабочих организаций и подготовке к установлению в стране военно-фашистской диктатуры.

Свою стратегию защиты независимости страны и борьбы против фашизма руководство СДП Чехословакии строило на основе союза с буржуазными партиями, лидеры которых ориентировались на правящие круги Англии, Франции и США. Их отказ от защиты Чехословакии, несмотря на готовность СССР оказать ей всемерную помощь, привел к крушению всей политики СДП, руководители которой даже в критический момент отказывались от сотрудничества с КПЧ. Следствием полной несостоятельности этой стратегии и неспособности социал-демократических лидеров руководить освободительной борьбой трудящихся после расчленения страны гитлеровцами стал фактический распад СДП Чехословакии.

Значительную роль в победе Народного фронта в начале 1936 г. и в национально-революционной войне испанского народа в 1936—1939 гг. играла ИСРП. Это, как и ее сотрудничество с КПИ с конца 1934 г. вплоть до гибели Испанской республики, было обеспечено преобладанием в ИСРП левых тенденций, выражавших коренные интересы и настроения трудящихся. Уроки героического восстания рабочих Австрии в октябре 1934 г. убедили социалистов в необходимости единства действий всех рабочих организаций. Однако в самой ИСРП не было прочного единства, с осложнением обстановки в ней усиливалась дифференциация и партия не могла проводить последовательную политику. Лидер влиятельнейшего из левых направлений ИСРП Л. Кабальеро снискал себе популярность революционными лозунгами, но недооценивал значение демократических преобразований и важность сплочения всех прогрессивных сил, а также необходимость укрепления централизованного государственного руководства. Как глава правительства Народного фронта и руководитель ВСТ он допустил немало серьезных ошибок, мешавших организации борьбы против фашизма. Он стремился к ослаблению позиций КПИ, а созда-

ние в Испании единой рабочей партии считал возможным только путем вступления коммунистов в ИСРП.

Благодаря другим левым социалистам — Х. Негрину, возглавлявшему правительство Народного фронта после Кабальеро, А. дель Вайо, Р. Ламонедо и прочим — ИСРП оставалась в союзе с КПИ и в Народном фронте, участвовала в создании вооруженных сил и военной промышленности республики, в проведении глубоких демократических преобразований. Однако с 1937 г. не только Х. Бестейро, считавший себя больше антибольшевиком, чем антифашистом, но и преобладавшие в руководящих органах ИСРП умеренные — И. Прието и другие, а также последователи Кабальеро мешали сотрудничеству ИСРП с КПИ, чем ослабляли фронт и тыл республики.

С весны 1938 г. И. Прието и его сторонники превратились в пораженцев и препятствовали мобилизации всех сил народа на борьбу против фашизма. А Бестейро в марте 1939 г. стал одним из руководителей антинародного переворота в Мадриде, открывшего дорогу фашистам, призвал к борьбе против коммунистов. Гибель Испанской республики, задушенной совместными усилиями фашистов Испании, Германии и Италии при содействии правящих кругов Англии, Франции и США, привела к распаду ИСРП.

Тысячи социалистов и социал-демократов Испании, Франции, Италии, Германии, Англии, Австрии, Скандинавских и других стран в 1934—1940 гг. активно выступали против фашистов, протестовали против агрессии Италии, Германии и Японии, осуждали политику «невмешательства» и Мюнхенский сговор, защищали Испанскую республику, поддерживали в ряде стран Народный фронт, требовали организации коллективного отпора агрессорам, видели в СССР оплот борьбы против империализма. Многие из них совместно с коммунистами участвовали в смелых и решительных выступлениях — от нелегальных антифашистских акций в Германии, Италии и в захваченных ими странах до интернациональных бригад в Испании, в которых в начале 1937 г. сражалось более 1200 социал-демократов многих стран<sup>1</sup>. Немало из

---

<sup>1</sup> См.: *Майданик К. Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936—1937 гг. М., 1960, с. 207; *Аскарате М., Сандоваль Х.* 386 дней борьбы. М., 1964, с. 81; *Andersen E.* Hammer or anvil. The story of the German working class movement, London, 1945, p. 163—164, и др.

них пролили кровь и отдали свою жизнь в борьбе против фашизма и агрессоров, защищая демократию, мир между народами и социалистические идеалы.

В той или иной степени их настроения, взгляды и действия отражали активизировавшиеся в эти годы левые социал-демократы и социалисты — Ж. Зиромский и его сторонники в СФИО, левое крыло ИСРП, ППС-левица, Бунд в Польше, революционные социалисты Австрии, Социалистическая рабочая партия Германии и левые элементы СДПГ, Социалистическая лига в БЛП, левые социал-демократы Скандинавских и других стран. Уже в 1935 г. Г. Димитров указывал, что «идет дифференциация внутри всех социал-демократических партий... наряду с существующим лагерем реакционных элементов... начинает формироваться лагерь революционных элементов, питающих сомнение в правильности политики классового сотрудничества с буржуазией, стоящих за создание единого фронта с коммунистами и начинающих все в большей степени переходить на позиции революционной классовой борьбы»<sup>1</sup>. В дальнейшем этот процесс усилился.

Однако левым социал-демократам недоставало ясности и последовательности, решительности и единства. Поэтому ни в одной из социал-демократических партий они не смогли в те годы добиться прочной и полной победы. В некоторых странах они тогда уже имели либо создавали свои группы или даже партии, однако приобрести значительное и тем более преобладающее влияние среди организованных трудящихся не могли. Часть из них, так и не сумев найти верный путь, подобно сторонникам М. Пивера во Франции, становились выразителями мелкобуржуазной революционности. В целом они оказались не в состоянии изменить судьбы социал-демократии, в которой почти везде продолжали преобладать правые.

Ни в одной стране, где необходимо было возглавить массы и руководить их борьбой, организовать сопротивление наступлению фашистов и империалистической агрессии, социал-демократические партии не могли справиться с такими задачами. Обобщая этот опыт, П. Ненни признавал, что «социалистическая организация старого

---

<sup>1</sup> VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 137.

типа... повсеместно оказалась непригодной»<sup>1</sup>. Но дело было не только в организационной слабости социал-демократии. Основной причиной являлась ее идейно-политическая несостоятельность. «Социал-демократы, — писал в начале 30-х годов Д. Коул, — могли предложить лишь красивые слова... капитулировали в Италии, Германии и даже Австрии, почти не нанеся ни одного удара в защиту рабочего движения»<sup>2</sup>. Именно такое положение, если не считать не прекративших сопротивления немногочисленных и разрозненных социал-демократов, особенно характерно для 1939 г. и ряда последующих лет. Капитуляция или в лучшем случае недолгое сопротивление, обнаружившие идейно-политическую и организационную несостоятельность, — таков всюду итог непосредственного столкновения социал-демократии с фашизмом, закономерный результат развития социал-реформизма.

### От паралича к распаду

В эти годы охватившей весь мир острой борьбы, требовавшей мобилизации трудящихся и укрепления их интернациональной солидарности, сплочения всех прогрессивных сил, РСИ фактически оказался парализованным. Как признают теперь социал-реформистские историки, его «устав, заявления и требования остались на бумаге»<sup>3</sup>. Его руководители вопреки уставу даже не потребовали созвать ни конгресс, ни конференцию РСИ, хотя обстановка требовала новых важных решений. Стремясь подкрепить слабеющие позиции РСИ, они пытались опереться на МФП и потому наряду с заседаниями Исполкома и Бюро РСИ чаще, чем прежде, проводили расширенные совместные совещания или конференции руководящих органов РСИ и МФП.

МФП, несмотря на ликвидацию ее организаций в фашистских государствах, благодаря вступлению в нее после 1937 г. профсоюзов, ранее входивших в Профинтерн, смогла в ряде стран укрепить свои позиции. Общее число членов, входивших в МФП в 1936 г. равнялось 22, а в 1939 г. в 19 национальных профцентрах увеличилось

---

<sup>1</sup> *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939, с. 156.

<sup>2</sup> *Cole G. D. H.* A History of Socialist thought. London, 1960, vol. V. Socialism and Fascism. 1931—1933, p. 316.

<sup>3</sup> *Günsche K.-L., Lantermann K.* Op. cit., S. 104.

с 13 до 19 млн.<sup>1</sup> Тенденция лидеров РСИ чаще выступать совместно с руководителями МФП формально отражала стремление трудящихся к единству и вместе с тем являлась следствием усиления в РСИ влияния БЛП, с ее особым отношением к профсоюзам, входившим в эту партию.

Однако ни способствовать верному решению волновавших массы острых проблем, ни укрепить позиции социал-демократии, ни воспрепятствовать процессу распада РСИ путем расширения связей с лидерами МФП руководители РСИ не могли. Несмотря на рост ее массовой базы в ряде стран и несомненное усиление в ней левого крыла, МФП в целом продолжала идти в фарватере социал-реформизма, несостоятельность которого в борьбе против фашизма и агрессии становилась все более очевидной.

Внимание руководящих органов РСИ было сосредоточено на наступлении фашистов и на фашистской агрессии. Уже в 1934 г. потребовалось определить позиции РСИ в отношении вооруженного столкновения организованных рабочих с фашистами в Австрии, отпора трудящихся фашистам во Франции, вооруженного выступления рабочих Астурии против испанской реакции. События в Австрии обсуждались Бюро РСИ в марте, Исполкомом в мае и снова Бюро в августе 1934 г. События во Франции и особенно их последствия — установление сотрудничества СФИО с ФКП рассматривались Бюро РСИ в августе и Исполкомом в ноябре 1934 г. В ноябре 1934 г. Исполком РСИ обсудил специальный доклад о положении в Испании.

Однако резолюций о событиях в Австрии и Франции ни Бюро, ни Исполкомом принято не было. Ни отвага многих австрийских рабочих, ни «паралич воли» лидеров СДПА, ни начало единства действий социалистов и коммунистов во Франции оценки РСИ не получили. После дискуссии о событиях в Испании было решено добиваться защиты арестованных там деятелей рабочего движения и оказать помощь жертвам реакции. РСИ не извлек уроков из всех событий 1934 г., не дал социал-демократам никаких новых рекомендаций. События во Франции косвенно отразились только в принятом Исполкомом РСИ

---

<sup>1</sup> См.: Report of Proceedings at the 71-st Annual TUC held at Bridlington. September, 1939. London, 1939, p. 219.

в ноябре решении, предоставившим социал-демократическим партиям самим решать вопрос о контактах с компартиями. И лишь в январе 1935 г. руководители РСИ и МФП опубликовали совместное обращение, в котором солидаризировались с антифашистами Австрии и Испании, осуждали зверства фашистов и призывали организовать помощь их жертвам, создать для этого на базе Фонда Матеотти Фонд международной солидарности для стран, где ликвидирована демократия. Эти решения руководящих органов РСИ были просто несущественны по сравнению с теми объективными задачами, которые приходилось решать тогда всем антифашистам.

Руководство РСИ было серьезно обеспокоено агрессией Италии против Эфиопии. В июле 1935 г. РСИ и МФП опубликовали совместное заявление, в котором подчеркивали опасность итало-эфиопского конфликта для судеб всего мира. Они требовали от Лиги наций применения санкций против Италии и призывали все рабочие организации добиваться мирного разрешения итало-эфиопского конфликта. В принятой Исполкомом РСИ в августе 1935 г. резолюции «Грабительская кампания против Абиссинии» разоблачалась агрессивность итальянского фашизма. Вместе с тем Исполком указывал, что «три деспотические державы — Германия, Япония и Италия угрожают миру во всем мире», осуществляя свои захватнические планы в Европе, Азии и Африке, попирая международные договоры. Подчеркивая опасность войны, Исполком призывал все партии РСИ добиваться от правительств выполнения долга членов Лиги наций, требовать международного арбитража, гарантировать территориальную целостность и независимость Эфиопии, прекратить снабжение агрессоров оружием и военными материалами, отказать им в кредитах и, возможно, закрыть Суэцкий канал для итальянских кораблей. Солидаризируясь с эфиопским народом, РСИ призывал рабочий класс сделать все возможное для сохранения мира, а если война начнется — нанести поражение врагу итальянского народа в Риме — итальянскому фашизму. Решительность призывов сочеталась с необоснованными надеждами на Лигу наций и отсутствием конкретных представлений о реальных возможностях, конкретных формах и средствах борьбы трудящихся.

В этом духе итало-эфиопский конфликт обсуждался в июле и сентябре 1935 г. на совместных заседаниях ру-

ководителей РСИ и МФП, требовавших от Лиги наций самых решительных санкций против агрессора и призывавших трудящихся продемонстрировать свою поддержку Лиге наций. В октябре 1935 г. Исполком РСИ и совместное заседание руководителей РСИ и МФП приветствовали решение Лиги наций объявить Италию агрессором, требовали эффективного применения санкций и заверяли Лигу наций в том, что будут поддерживать все меры, направленные на сохранение мира.

Однако состоявшееся в марте 1936 г. совместное заседание руководителей РСИ и МФП уже не могло не видеть бессилие Лиги наций, не сумевшей помешать агрессору, и высказалось за коллективную безопасность. В мае 1936 г. Исполком РСИ, осудив итальянскую агрессию в Эфиопии и вступление гитлеровских войск в демилитаризованную зону, нарушившее высокоценные социал-реформистами Локарнские соглашения, выступил за координацию внешней политики Англии, Франции и СССР. Теперь СССР рассматривался как серьезная антифашистская сила, с которой стали связывать надежды на сохранение мира. Это был запоздалый, но серьезный шаг вперед. Однако руководство РСИ не ориентировало социал-демократов на развертывание массового движения против фашистской агрессии и не смогло согласовать действия социал-демократических партий различных стран.

Большое место в деятельности руководящих органов РСИ заняли события в Испании. Успехи испанского народа и массовое движение солидарности с ним способствовали их активизации и более решительным выступлениям. В феврале 1936 г. РСИ высоко оценил победу Народного фронта в Испании, подчеркнул ее международное значение. Секретариат РСИ в телеграмме ИСРП отметил, что борьба испанских рабочих «стала препятствием на пути реакции во всем мире».

Вскоре после начала мятежа в Испании совместное заседание руководителей РСИ и МФП 28 июля приняло резолюцию «Дело свободы Испании есть дело всеобщей демократии», в которой резко осудило мятежников и фашистский террор, всю ответственность за гражданскую войну возложило на монархистов и фашистов. Солидаризовавшись с Испанской республикой, РСИ и МФП заявили, что мятеж и гражданская война в Испании «открыли новую фазу в интернациональной борьбе

между фашизмом и демократией»<sup>1</sup>. Они призвали рабочих всех стран выполнить долг интернациональной солидарности — организовать неотложную и конкретную материальную и моральную помощь Испанской республике. Всем социал-демократическим партиям и профсоюзам было предложено требовать от правительств своих стран предоставления Испанской республике возможности приобретать необходимые средства для обороны. В Испанию были направлены Брукер, сменивший Вандервельде на посту председателя РСИ, и член Исполкома Ненни, которые в августе 1936 г. воочию убедились в поддержке испанских мятежников фашистами Германии и Италии и в необходимости эффективной интернациональной помощи Испанской республике. Многие видные деятели РСИ в августе участвовали в состоявшейся в Париже Первой европейской конференции представителей демократической общественности в защиту Испанской республики; они вошли также в направленную в Испанию делегацию, стремившуюся договориться о конкретных формах интернациональной помощи испанским республиканцам. Эти выступления РСИ соответствовали интересам трудящихся.

В соответствии с позицией руководителей наиболее влиятельных партий — БЛП и СФИО, а также социал-демократов Скандинавских стран Исполком РСИ одобрительно отнесся к соглашению 27 государств о невмешательстве в дела Испании, полагая, что это помешает итало-германской интервенции. Когда на совместном заседании Исполкома РСИ и Генсовета МФП 28 сентября 1936 г. представитель ИСРП разоблачил вмешательство Италии и Германии во внутренние дела Испании, РСИ и МФП, исходя из необходимости соблюдения всеми государствами соглашения о невмешательстве, призвали правительства расследовать нарушение этого соглашения фашистскими державами.

Ввиду того что фашистские государства расширяли интервенцию, а другие участники соглашения о невмешательстве, кроме СССР, фактически блокировали Испанскую республику, совместное заседание руководителей РСИ и МФП в октябре 1936 г. признало, что соглашение о невмешательстве не дало ожидавшихся результатов. Оно потребовало от правительств, прежде всего Анг-

---

<sup>1</sup> International Information, vol. XIII, № 27, p. 281—282.

лии и Франции, признания права Испанской республики закупать необходимое ему оружие и восстановить торговлю с ней. Но призывы к правительствам оказались напрасными. Социал-демократы стали понимать, что «невмешательство» «направлено на обман и нарушение демократии»<sup>1</sup>. В начале декабря 1936 г. по инициативе ИСРП и ВСТ руководство РСИ и МФП выразило беспокойство по поводу увеличения помощи фашистских государств мятежникам и в поисках управы на них обратилось к Лиге наций с призывом добиться прекращения войны в Испании. Одновременно оно предложило рабочим организациям «всеми возможными средствами положить конец снабжению мятежников»<sup>2</sup>, создать для взаимодействия координационные комитеты.

Обострение борьбы в Испании и во всем мире требовало неотложных мер. Коминтерн, активизировавшиеся левые социал-демократы и представители ИСРП призывали руководителей РСИ усилить помощь Испанской республике. В связи с этим в марте 1937 г. в Лондоне была созвана конференция руководителей РСИ и МФП, в которой участвовали посланцы многих социал-демократических партий и национальных профсоюзных центров. Представители ИСРП и ВСТ — М. Кордеро и П. Томас разоблачили сущность политики «невмешательства» как попустительства агрессорам, призвали конференцию разъяснить характер и значение борьбы испанского народа, выступить за немедленный вывод из Испании всех иностранных войск, за прекращение действий итальянских и германских военных кораблей, контролировавших Испанское побережье, организовать забастовки протеста против политики попустительства агрессорам, в защиту Испанской республики.

Ненни, Зиромский и другие левые поддержали предложения испанских социалистов. По их настоянию часть таких предложений нашла отражение в резолюции конференции. Резолюция подчеркивала национально-освободительный характер войны испанского народа, требовала от правительств протестовать против действий итало-германского флота и дать возможность Испании покупать оружие. В ней говорилось о международном значе-

---

<sup>1</sup> International Information, vol. XIII, № 44, 1936, 3. XI, p. 438.

<sup>2</sup> The Spanish Rebellion. — In Report of the Conference of the Labour Party. 1937. London, 1937, p. 7.

нии борьбы против фашизма в Испании и о вкладе интернациональных бригад в борьбу испанского народа. РСИ и МФП решили увеличить всевозможную материальную поддержку Испанской республики и мобилизовать на ее защиту «мировое общественное мнение». Однако ввиду упорного сопротивления правых резолюция умалчивала о сущности политики «невмешательства» и о необходимости массовых выступлений, проведения забастовок. В ней указывалось, что прекращение войны в Испании может быть достигнуто только путем «сохранения и проведения политики коллективной безопасности через Лигу наций»<sup>1</sup>. Представители ИСРП—ВСТ, не имевшие иллюзий о «невмешательстве» и надежд на Лигу наций, не были удовлетворены резолюцией и покинули конференцию.

РСИ не смог возглавить и дать верное направление массовому движению в поддержку Испанской республики. Но все же его руководство одобрило действия созданных по инициативе Коминтерна интербригад, в которых участвовало немало социал-демократов, тогда как, например, возглавлявшееся социалистом П.-А. Спааком правительство Бельгии поощряло преследование интербригадцев. Оно выступило за торговлю с Испанией и продажу ей оружия, а возглавлявшееся социалистом Л. Блюмом правительство Франции участвовало в блокаде Испанской республики. Руководство РСИ требовало от Лиги наций мер для прекращения войны в Испании, в то время как представлявшие некоторые правительства социалисты в Лиге наций уклонялись от применения санкций против фашистских агрессоров. РСИ и МФП направляли в Испанскую республику продовольствие, одежду, медикаменты, автомашины, организовывали в Испании полевые госпитали. Они передавали испанским республиканцам средства, собранные для них Фондом интернациональной помощи, оказывали содействие эвакуации из Испании женщин и детей. МФП посылала Испанской республике и оружие, но с опозданием и так мало, что Л. Жуо в 1938 г. самокритично признавал: «...если бы Испания рассчитывала только на оружие профсоюзных организаций, то она давно была бы побеждена»<sup>2</sup>.

Наконец, состоявшийся летом 1937 г. в Варшаве конгресс МФП высказался против политики невмеша-

---

<sup>1</sup> International Information, vol. XIV, № 29, 1937, 14. VII, p. 288.

<sup>2</sup> Коммунистический Интернационал, 1938, № 6, с. 12.

тельства и призвал Лигу наций и правительства прибегнуть к санкциям против Германии и Италии. Совместное заседание руководителей РСИ и МФП признало провал политики невмешательства и выступило за противодействие держав итало-германской интервенции в Испании. В июне 1937 г. Бюро РСИ и Генсовет МФП обратились к социал-демократическим партиям и профсоюзам с призывом усилить солидарность с Испанской республикой и активизировать ее защиту, «распространить ясные обязательства солидарности по отношению к республиканской Испании на всех членов и все соответствующие организации»<sup>1</sup>, добиваться поддержки Испанской республики от правительств своих стран.

В дальнейшем, во второй половине 1937 г., в 1938 г., вплоть до января 1939 г., Исполком РСИ и совместные заседания руководителей РСИ и МФП приняли немало конкретных резолюций в поддержку Испанской республики. Они требовали торговли с Испанской республикой и снабжения ее всем необходимым, изменения режима франко-испанской границы для провоза оружия испанским республиканцам, предоставления Испанской республике помощи от Лиги наций и участвующих в ней государств, вывода из Испании всех иностранных войск, прежде всего с территории, занятой мятежниками, применения Лигой наций санкций против Германии и Италии, бойкота франкистского экспорта и эмбарго на снабжение мятежников, пресечения бомбардировки испанских городов и пиратства итало-германского флота, защиты испанских граждан от фашистского террора и помощи жертвам этого террора, отказа от любого признания правительства мятежников. Важное значение имел призыв руководства РСИ и МФП в марте 1938 г. использовать все средства, чтобы покончить с политикой «невмешательства». РСИ и МФП все чаще обращались не к правительствам капиталистических государств и не к Лиге наций, остававшимся глухими к интересам испанского и других народов, а к общественному мнению, к социал-демократическим партиям и профсоюзам, к трудящимся массам, активно выступавшим в поддержку Испанской республики.

---

<sup>1</sup> Internationale Information, vol. XIV, № 26, 1937, 28. VII, p. 259.

Все это свидетельствовало о том, что выступления трудящихся, требования левых социал-демократов, призывы и пример коммунистов привели к изменению позиции руководящих органов РСИ по отношению к Испанской республике. Их требования сближались и даже совпадали с требованиями Коминтерна. Однако руководство РСИ, как и МФП, не смогло стать во главе массового движения в защиту Испанской республики и нередко выставляло необходимые требования с опозданием. Кроме того, социал-демократические партии и национальные центры профсоюзов, как правило, мало считались с призывами и рекомендациями РСИ и МФП, действовали по своему усмотрению, часто поддерживая лишь некоторые лозунги РСИ, а во многих случаях совершенно расходились с ними. Органы РСИ должны были обеспечить координацию парламентских и внепарламентских выступлений социал-демократов различных стран, концентрировать усилия прессы и средства РСИ, но, как признают даже современные социал-реформисты, «все-таки РСИ не мог реализовать и эту минимальную цель»<sup>1</sup>. РСИ, в отличие от Коминтерна, игнорировал глубокие преобразования, происшедшие в Испанской республике в ходе национально-революционной войны, а многие его деятели относились к этим преобразованиям с недоверием или даже враждебно, симпатизируя в ИСРП умеренным или правым.

РСИ призывал принять меры против японской агрессии в Китае. На совместном заседании руководителей РСИ и МФП в январе 1938 г. была принята резолюция, в которой правительствам предлагалось не предоставлять Японии кредитов, закрыть рынки для японского экспорта, не продавать японцам сырье, необходимое для военной промышленности. Но призывы остались безрезультатными.

РСИ был встревожен аншлюсом Австрии и вместе с МФП в связи с этим вновь призвал к созданию системы коллективной безопасности. Но оценки ни действий Германии, ни позиций других держав им дано не было. Характеризуя значение подобных резолюций РСИ, некоторые социал-демократы с полным основанием называли их «регистрацией нового поражения, которое озна-

---

<sup>1</sup> *Günsche K.-L., Lantermann K. Kleine Geschichte der Sozialistischen Internationale, S. 104.*

чает уничтожение еще одной партии продвижением фашизма»<sup>1</sup>.

С начала 1938 г. РСИ был обеспокоен усиливавшимися претензиями Германии к Чехословакии. В январе совместное заседание руководителей РСИ и МФП призывало секции этих организаций требовать от правительства европейских государств укрепления коллективной безопасности, добиваться от Англии, Франции и США мер, гарантирующих независимость Чехословакии. Однако, как обнаружилось на заседании Исполкома РСИ в конце мая 1938 г., единой линии в вопросе о Чехословакии у социал-реформистов не было. Не принимая и даже не намечая никаких мер для мобилизации масс против фашизма, лидеры чехословацкой социал-демократии утверждали, будто их страна, как и Испания, является «самым прочным оплотом свободы против всякой гитлеровской агрессии и фашизма»<sup>2</sup>. Однако польские и английские социал-реформисты предлагали за счет уступок чехословацкой территории Польше обеспечить Чехословакии поддержку правящих кругов Польши. Резолюция Исполкома одобряла деятельность чехословацкого правительства, его готовность удовлетворить претензии гейнлейновцев и ориентировала трудящихся на то, что независимость Чехословакии будет ограждена правительствами западноевропейских держав и Лигой наций. Исполком не раскрыл предательской сущности политики правящих кругов Англии, Франции, США в отношении Чехословакии и не мобилизовал трудящиеся массы против нее и агрессивных планов гитлеровской Германии.

В связи с Мюнхенским соглашением в РСИ увеличилась давно образовавшаяся трещина. Наиболее правые социал-демократы всюду отнеслись к этому соглашению как к спасению мира. Левые социал-демократы протестовали и осуждали Мюнхенский сговор как предательство Чехословакии и интересов других народов. Позиция умеренных была различной. Лидеры БЛП критиковали Мюнхенское соглашение как недопустимую уступку Гитлеру. Вожди СФИО примирились с ним как с необходимым

---

<sup>1</sup> *Dankelmann O. Zur Politik der SAJ und der britischen Labour Party 1939/40. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, XXIV, H. 9, S. 996.*

<sup>2</sup> *Le Populaire, 1938, 30 May.*

компромиссом. Даже Л. Блюм заявил о своей готовности пойти навстречу Гитлеру якобы ради спасения мира. Руководители социал-демократии Скандинавских стран, Бельгии и Швеции заявили о своем нейтралитете и совершенно отказались как от коллективной безопасности, так и от интернациональной солидарности. Это обнаружилось на заседании Исполкома РСИ, который собрался для обсуждения последствий Мюнхенских соглашений в октябре 1938 г. В результате Исполком принял резолюцию, которая не отвергала Мюнхенский сговор в целом, а осуждала лишь «упущения» этого соглашения: отсутствие гарантий прав населения и национальных меньшинств на чехословацких территориях, отходивших Германии, недостаточность гарантий неприкосновенности остальной территории Чехословакии. Считая, что Мюнхенское соглашение ослабило моральные позиции буржуазно-демократических государств, укрепило военные и экономические силы фашистов и увеличило угрозу войны, Исполком призвал социал-демократические партии требовать от своих правительств впредь не допускать подобных «преступных бессмысленностей», отказаться от невыполнимых обязательств и добиваться коллективной безопасности. Он отвергал беспредельный пацифизм, который может привести к ликвидации гражданских свобод, социального прогресса и культуры в результате агрессии, и призывал все великие державы создать барьер на пути разрушителей мира, свободы и справедливости<sup>1</sup>.

Преступное попустительство агрессору со стороны правящих кругов Англии и Франции не было ни разоблачено, ни осуждено. Не был раскрыт смысл «нейтралитета» других капиталистических государств. Умалчивалось о позиции СССР, готового оказать Чехословакии всемерную помощь. Никакой оценки не получила капитулянтская позиция правящих кругов самой Чехословакии. Рекомендации Исполкома не соответствовали ни серьезности обстановки, ни объективным задачам и возможностям развертывания борьбы народов против фашистской агрессии. Вопреки левым социал-демократам линия РСИ все более расходилась с интересами трудящихся и всех прогрессивных сил.

Именно во время Мюнхенского кризиса несостоятель-

---

<sup>1</sup> См.: International Information, vol. XV, № 37, 1938, 30. X, p. 392—393.

ность РСИ стала очевидной многим социал-демократам. РСИ, как признала Ю. Браунталь, перестал в действительности быть эффективным как инструмент коллективных действий социал-демократических партий. Его кризис перерос в распад. Началась, пишет Браунталь, «деинтеграция» РСИ<sup>1</sup>.

В январе 1939 г. на заседании Бюро и на заседании Исполкома в мае 1939 г. представители БЛП при поддержке делегатов социал-демократии Скандинавских стран попытались добиться пересмотра устава РСИ: лишить его права определять общую линию социал-демократических партий на случай войны, ликвидировать политические функции его руководящих органов, превратив их лишь в информационное бюро, отказаться от принципа равноправия входящих в РСИ партий, изменить его бюджет. Представители СФИО при поддержке других, в основном находящихся в эмиграции, социал-демократических партий воспрепятствовали этому. Но фактически устав РСИ уже не выполнялся, общей линии, как и равноправия партий, не существовало, политические функции органов РСИ были парализованы. На поглощение и расчленение Чехословакии гитлеровцами РСИ уже не реагировал. Даже первомайское воззвание РСИ в 1939 г. некоторые легальные социал-демократические партии в своей прессе не публиковали, считая это непомерным бременем солидарности. Большинство легальных социал-демократических партий открыто ориентировалось не на интернациональную солидарность трудящихся, а на укрепление сотрудничества с буржуазией своих стран.

К началу второй мировой войны РСИ был совершенно бессилён. Его руководящие органы продолжали существовать лишь формально. Решать задачи, которые возлагались на них уставом РСИ, резолюциями конгрессов и даже собственными решениями, они не могли. Так обстояло дело и с вопросом о войне, хотя ему всегда уделялось много внимания.

Еще в июле 1935 г. Бауэр, Дан и Зиromский опубликовали тезисы «Интернационал и война»<sup>2</sup>, которые Исполком РСИ решил положить в основу обсуждения этой

---

<sup>1</sup> См.: *Braunthal J.* Op. cit., p. 487.

<sup>2</sup> См.: *Bauer O., Dan Th., Zyromski J.* Die Internationale und der Krieg. Wien, 1935.

проблемы. В тезисах выдвигался ряд важных предложений, выражавших коренные интересы трудящихся. Авторы выдвигали идею создания коалиции СССР с нефашистскими капиталистическими государствами против гитлеровской Германии. По их мнению, социал-демократия должна поддерживать борьбу такой коалиции и способствовать победе СССР, так как всякий ущерб Советскому Союзу будет на руку агрессорам. Вместе с тем они предупреждали, что правящие круги капиталистических стран, которые войдут в антифашистскую коалицию, больше боятся победы СССР, чем победы общего врага, и на следующий день после победы над фашистами могут использовать свои вооруженные силы против СССР и пролетарской революции для спасения капиталистического строя и достижения империалистических целей.

В тезисах утверждалось, что социал-демократия в борьбе против фашизма не может отождествлять свои цели с целями правящих кругов, входящих в антифашистскую коалицию капиталистических государств. Рабочий класс заинтересован в поражении фашизма, развертывании пролетарской революции в Германии и в победе СССР. По мнению авторов, только переход власти в капиталистических странах в руки рабочего класса и превращение войны против фашизма в революционную освободительную войну сохранят солидарность этих стран с СССР, ускорят революцию в Германии и создание во всей Европе общественного строя, при котором войны станут невозможными.

Однако широкой дискуссии не было, и сторонников этих тезисов в руководстве РСИ обнаружилось очень мало. Руководители большинства социал-демократических партий, участвовавших в обмене мнений, отмежевались от тезисов и по-прежнему призывали возложить надежды на Лигу наций. Некоторые, в том числе Л. Блюм, отрицали возможность выработки общей линии социал-демократии на случай войны, а руководители голландской социал-демократии — Альбарда и другие уже тогда высказывались против записанного в уставе права РСИ определять политику социал-демократических партий во время войны. Из-за правых РСИ так и не смог наметить общий курс социал-демократии. Дальнейшая дифференциация социал-демократии, а главное — укрепление связи легальных социал-демократических партий с буржуа-

зией своих стран сделали это совершенно невозможным даже в грозный 1939 год.

Убедившись в невозможности успешно выполнять свои обязанности, председатель РСИ Брукер и бессменный секретарь РСИ Адлер в мае 1939 г. подали в отставку. Председателем РСИ был избран Альбарда, считавший, что в данный момент условий для единства действий социал-демократических партий не существует. Адлер, отставка которого не была принята, представил Исполкому доклад о положении в РСИ, где констатировал «отставку» — развал этой организации в результате усиления «изоляционистских тенденций» социал-демократических партий малых стран, подчинения линии БЛП «государственным интересам» Англии и отхода всех партий от провозглашенных конгрессами РСИ принципов, игнорирования уроков первой мировой войны. Заседание Исполкома, состоявшееся 17 июня 1939 г. и оказавшееся последним перед второй мировой войной, ничего решить не могло.

### **Засилье антикоммунистов и постыдный конец РСИ**

С начала мировой войны распад РСИ ускорился. Административная комиссия Секретариата РСИ в августе, сентябре и декабре 1939 г. тщетно пыталась созвать заседание Исполкома. Руководители социал-демократии Скандинавских и некоторых других стран не желали «компрометировать» свой нейтралитет и уклонялись от заседания, которое по инициативе БЛП и СФИО могло осудить фашистских агрессоров. Война разгоралась, охватив почти всю Европу, а РСИ молчал.

Руководители легальных социал-демократических партий во время мировой войны проводили линию, соответствовавшую не общим интересам трудящихся и других прогрессивных сил всех стран, даже не декларированным ранее принципам и резолюциям РСИ, а интересам буржуазии своих стран. Во Франции, Англии и других странах они, если даже и критиковали некоторые аспекты деятельности правительств, солидаризировались с империалистическими кругами своих стран, подавлявших революционное движение и стремившихся повернуть гитлеровскую агрессию против СССР, не выяснили собственных целей рабочего класса этих стран во второй мировой войне. Они активно включились в злобную антисо-

ветскую кампанию, пытаюсь возложить на Советское правительство ответственность за провал англо-франко-советских переговоров о коллективном отпоре агрессору, сорванных правящими кругами Англии и Франции, исказить смысл и значение советско-германского договора о ненападении, который СССР вынужден был подписать в августе 1939 г., обвинить СССР в агрессии против Финляндии. В середине января 1940 г. такая линия БЛП была четко сформулирована в подготовленном ее руководством документе «Труд и война». На этой основе была достигнута солидарность между БЛП и лидерами СФИО, в феврале 1940 г. состоялась конференция их представителей.

Антисоветизм всегда был характерной чертой правых социал-реформистов. Сложившееся в 20-х годах под их влиянием отношение РСИ к советскому строю, к диктатуре рабочего класса официально оставалось неизменным, несмотря на успехи социалистического строительства, решение национальных проблем и развитие социалистической демократии в СССР. РСИ никогда не выступал против подрывной антисоветской деятельности эсеров, меньшевиков, грузинских, украинских и армянских социал-реформистов и националистов. Некоторые изменения касались лишь отношения РСИ к международной роли СССР и его внешней политике.

Левые социал-демократы, особенно с 1935 г., требовали признать СССР оплотом борьбы против фашистской агрессии, важным элементом коллективной безопасности. Но правые игнорировали, принижали или даже отрицали возросшую международную роль СССР, стремились исказить характер его внешней политики. По настоянию левых в мае 1935 г. Бюро РСИ выступило за политическое и экономическое сотрудничество западноевропейских государств с СССР, особенно в целях предотвращения войны. В мае 1936 г. в резолюции Исполкома РСИ подчеркивалось, что «тесное сотрудничество Великобритании, Франции и Советского Союза предотвратит любой акт агрессии или нарушение договоров...»<sup>1</sup>. По мнению руководства РСИ, такое сотрудничество могло быть организовано в рамках Лиги наций. После нарушения Гитлером Локарнских соглашений лидеры РСИ и МФП потребова-

---

<sup>1</sup> Labour and Socialist International. Appendix X to Report of the 36-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1936, p. 301.

ли создания в Европе системы коллективной безопасности путем заключения договоров между государствами. Заявляя, что эти договоры не должны быть направлены против СССР, они, однако, о роли СССР в такой системе договоров уже ничего не говорили.

В конце 1936 и в первой половине 1937 г. в руководстве РСИ активизировались антисоветчики, использовавшие для клеветы на СССР проводившиеся в нем судебные процессы. Руководители РСИ пытались вмешаться во внутренние дела СССР. С тех пор в резолюциях РСИ уже ничего не говорилось об СССР как оплоте борьбы против фашизма и необходимом участнике системы коллективной безопасности, хотя роль СССР в борьбе против фашистской агрессии, в защите народов Испании, Китая, Чехословакии неуклонно возрастала, что вынуждены были признать даже вступившие с ним в переговоры правящие круги Англии и Франции. Ослепленный антисоветизмом, РСИ игнорировал эти факты, обрекая тем самым на провал свою собственную политику.

Не говоря уже о неспособности РСИ мобилизовать массы против развязываемой империалистической войны, его руководство не могло даже осудить ни непосредственных зачинщиков второй мировой войны, ни их пособников. В канун второй мировой войны оказалось, что единственным вопросом, способным еще объединить лидеров РСИ, является выступление против СССР. Административная комиссия исполкома 26 августа 1939 г. осудила советско-германский договор о ненападении, который Советский Союз вынужден был подписать, чтобы избежать изоляции после срыва англо-франко-советских переговоров правящими кругами Англии и Франции.

Эта линия была продолжена Исполкомом РСИ, когда наконец 23—25 февраля 1940 г. удалось созвать его заседание, в котором участвовали представители всего 19 партий. Вместо вошедшего в правительство Нидерландов Альбарды председателем РСИ был избран ветеран международного рабочего движения бельгиец К. Гюисманс. Однако секретаря вместо все же ушедшего в отставку Ф. Адлера избрать так и не удалось. Трехдневное заседание оказалось бесплодным. Никаких резолюций принято не было. Но в дискуссиях, несмотря на разногласия по другим вопросам, отчетливо видно стремление правого большинства Исполкома организовать помощь

Финляндии против СССР, очернить и осудить политику Советского Союза. Не случайно Ненни, приславший Исполкому свое заявление о выходе из него, отмечал растущее противоречие линии РСИ пролетарскому интернационализму и подчеркивал необходимость сосредоточить внимание на борьбе против фашизма и на революционных задачах масс, а не на разжигании антисоветизма.

Антисоветизм РСИ был составной частью его антикоммунизма. Именно антикоммунизм являлся важнейшим источником несостоятельности всей идеологии и политики социал-реформизма, идейно-политического банкротства РСИ. Руководство РСИ противодействовало единству действий рабочих организаций, сотрудничеству социал-демократов с коммунистами, а также сплочению всех прогрессивных сил, созданию Народного фронта как в отдельных странах, так и в международном масштабе.

Враждебность руководства РСИ идеологии, принципам коммунистического движения всегда была неизменной. Некоторые изменения касались лишь отношений РСИ к переговорам с Коминтерном, к политическому сотрудничеству социал-демократических партий с компартиями. Инициатором этих переговоров и сотрудничества с 1934 г. всегда выступал Коминтерн; не было ни одного случая, чтобы инициатива установления контактов между РСИ и Коминтерном принадлежала руководителям РСИ. С осени 1934 г. до лета 1938 г. ИККИ около 10 раз обращался к руководству РСИ с конкретными предложениями о сотрудничестве. Предлагалось сотрудничать прежде всего по тем вопросам, в которых позиции Коминтерна и РСИ совпадали или были близки друг к другу: поддержка повстанцев Астурии, помощь Эфиопии против итальянской агрессии, защита Испанской республики, борьба против франкистов и итало-германской интервенции в Испании, ограждение независимости Чехословакии.

При этом ИККИ опирался на объективную необходимость и решения VII конгресса Коминтерна, разработавшего концепцию единства действий рабочего класса и Народного фронта, наметившего пути сближения коммунистов и социал-демократов, вплоть до создания единых рабочих партий, а также перспективу образования правительств Народного фронта. Он опирался также на

опыт сотрудничества коммунистов и социал-демократов в ряде стран, особенно в Испании, Франции, Италии, и на растущее стремление социал-демократов к сотрудничеству с коммунистами, на активизацию соответствующих выступлений левых социал-демократов всех стран.

Отношение руководителей РСИ к предложениям ИККИ о переговорах и сотрудничестве не было неизменным. В его эволюции после международной конференции РСИ 1933 г. можно указать несколько этапов.

Первый — от признания конференцией любых контактов с Коминтерном и компартиями преждевременными до 13 ноября 1934 г., когда после острой дискуссии Исполком РСИ отменил свою рекомендацию социал-демократическим партиям воздерживаться от контактов с компартиями и признал, что каждая социал-демократическая партия может строить отношения с компартией по своему усмотрению. Второй — от этого важного решения до выступления руководителей РСИ в непосредственные переговоры с представителями ИККИ 14 октября 1936 г. Третий этап характеризуется непосредственными переговорами руководителей РСИ с представителями ИККИ, кульминационным пунктом которых были соглашения в Аннемасе (21 июня 1937 г.) и в Париже (9 июля 1937 г.), не получившие, однако, необходимого одобрения органов РСИ. Четвертый этап — с отказа органов РСИ одобрить достигнутые в июне — июле 1937 г. договоренности с ИККИ до отказа руководителей РСИ вести переговоры с представителями ИККИ в ноябре 1937 г. Пятый — от отказа вести переговоры, подтвержденного в начале 1938 г., до призыва Административной комиссии Исполкома РСИ к социал-демократическим партиям всех стран 26 августа 1939 г. «прекратить всякие отношения с коммунистами»<sup>1</sup>. Шестой, длившийся до окончательного распада РСИ, представлял собой разжигание злобной антикоммунистической кампании, начало которой было положено еще в 1937 г.

В РСИ, в его органах за переговоры с Коминтерном, за сотрудничество социал-демократов с коммунистами выступали левые социал-демократы, приветствовавшие новую политическую ориентацию Коминтерна, выработанную VII конгрессом, и его выступления за единство действий рабочего класса и Народный фронт. Ненни

---

<sup>1</sup> Le Populaire, 1939, août 26.

в 1937 г. от имени руководства ИСП заявлял: «Для нас единство действий — дело серьезное, святое... суть политики самой партии на современном этапе классовой борьбы»<sup>1</sup>. За единство действий с компартиями, за сотрудничество РСИ с Коминтерном выступали также левые социал-демократы Испании, Франции, Австрии, Германии и других стран, хотя там, где компартии еще не имели значительного влияния в массах, левые не придавали этому такое важное значение, как Ненни.

Объективная необходимость единства действий в борьбе против фашизма и войны признавалась умеренными деятелями РСИ, в том числе де Брукером, Адлером. Многие из них, включая Л. Блюма, уже осенью 1934 г. вместе с левыми социал-демократами высказывались за единство действий всех рабочих организаций.

Однако они стремились к изменению принципов Коминтерна. С этой точки зрения VII конгресс Коминтерна их не удовлетворил. В докладе об итогах этого конгресса Исполкому РСИ Адлер с полным основанием заявил, что Коминтерн остался верен своим революционным принципам. Удрученный этим, он не понял до конца значение новой политической ориентации, выработанной VII конгрессом, более точной оценки демократии и социал-демократии, развития ленинской концепции единого рабочего и Народного фронта. Результаты VII конгресса Адлер сводил к «более эластичной тактике», к более гибкому маневру Коминтерна. Это мешало умеренным видеть реальные возможности единства действий рабочих организаций, способствовало их неустойчивости, колебаниям. Некоторые из них предлагали ограничиться «параллельными действиями» РСИ и Коминтерна.

Все же учитывая необходимость единства действий, стремление масс к единству и требования левых, они пошли на переговоры с представителями ИККИ. Более того, в Аннемасе в июне 1937 г. беседы между руководителями РСИ и представителями ИККИ были сердечными и привели к согласию о необходимости требования защиты Испанской республики, единства действий и проведения новых встреч. Но после этого только угрозой отставки Брукеру и Адлеру при поддержке представителей социал-демократических партий Франции, Австрии, Италии, Испании, Швейцарии и некоторых других стран

---

<sup>1</sup> Коммунистический Интернационал, 1937, № 9, с. 94.

удалось добиться от Исполкома подтверждения права продолжать переговоры с ИККИ. Встреча представителей Коминтерна и РСИ в июле 1937 г. в Париже позволила установить, что «обе стороны сходятся в основных требованиях, направленных к защите испанского народа»<sup>1</sup>, было достигнуто, как признавал Секретариат РСИ, «общее согласие с обеих сторон по вопросу о мероприятиях в пользу республиканской Испании»<sup>2</sup>. Однако правые в Исполкоме РСИ отклонили это соглашение и сорвали наметившееся единство действий.

Правые социал-демократы всемерно противодействовали любым контактам между РСИ и Коминтерном. Их ядро составляли лидеры БЛП, социал-демократических партий Голландии, Швеции, Чехословакии, а также Норвегии и Дании. Они прибегали к различным способам давления. Осенью 1934 г. Альбарда публично угрожал расколом РСИ, если большинство Исполкома выскажется за сотрудничество с Коминтерном.

Правые социал-демократы пытались оклеветать решение VII конгресса Коминтерна как коварный план уничтожения социал-демократии и на этом основании — противостоять растущему стремлению трудящихся к единству действий. Несмотря на то, что в октябре 1935 г. на совещании руководителей РСИ, МФП и примыкавших к ним организаций представители большинства социал-демократических партий высказались за сотрудничество с коммунистами, правые добились отказа совещания от единства действий с коммунистами. От имени ряда влиятельных партий они заявили, что «отвергают любое единство действий с коммунистическими партиями в своих странах и любые совместные действия между двумя Интернационалами»<sup>3</sup>. Их вынужденное согласие на продолжение переговоров с Коминтерном после совещания в Аннемасе было ограничено условием, что представители РСИ могут вести такие переговоры только для обмена информацией.

После переговоров между представителями Коминтерна и РСИ в Париже в июле 1937 г. правые организовали сильнейший нажим на умеренных и решительно

---

<sup>1</sup> Димитров Г. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1939, с. 174.

<sup>2</sup> Le Populaire, 1937, juillet 10.

<sup>3</sup> Labour and Socialist International. Appendix X to Report of the Labour Party. 1936, p. 301.

выступили против левых, пустив в ход различные измышления по поводу судебных процессов в СССР для того, чтобы оклеветать Коминтерн, все коммунистическое движение. Это, как с удовлетворением писал Альбарда, «превратило сторонников единства в противников»<sup>1</sup>. Так в РСИ антикоммунизм одержал верх и перешел в наступление, а сторонники единства вынуждены были отступить. «РСИ, — пишут современные апологеты социал-реформизма, — был непоколебим в своем противодействии любым совместным выступлениям с коммунистами...»<sup>2</sup>

Укрепляя свои позиции в РСИ, правые активно поддерживали антикоммунистические тенденции в социал-демократических партиях, сотрудничавших с компартиями, препятствовали укреплению этого сотрудничества, способствовали его разрушению.

Руководство РСИ, пошедшее на поводу злобного антикоммунизма правых, сорвало единство действий РСИ и Коминтерна, помешало развитию сотрудничества социал-демократических и коммунистических партий, воспрепятствовало сплочению всех прогрессивных сил в отдельных странах и во всем мире. Этим оно ослабило сопротивление рабочего класса и других прогрессивных сил фашизму и развязыванию второй мировой войны, осложнило создание антифашистской коалиции. Продолжая выступать за единство действий коммунистов и социал-демократов против общего врага, ИККИ в первом майском воззвании 1939 г. заявил «Осуществление единства рядов международного пролетариата, особенно перед лицом событий последнего времени, — высшее веление момента... Рабочий класс не может больше мириться с тем положением, что реакционные лидеры социал-демократии, выступая на словах против наступления фашистских агрессоров, на деле срывают всякое единство действий рабочего класса тем самым облегчая фашистам осуществлять свои кровавые планы»<sup>3</sup>.

РСИ был создан под флагом антикоммунизма. Именно антикоммунизм обрек на бесплодность его даже позитивные лозунги. Под знаком антикоммунизма произошел и окончательный распад РСИ.

---

<sup>1</sup> *Braunthal J.* Op. cit., p. 486.

<sup>2</sup> *Günsche K.-L., Lantermann K.* Op. cit., p. 109.

<sup>3</sup> VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 503—504.

Состоявшееся в Брюсселе 3 апреля заседание Бюро РСИ решило выработать «Программу реконструкции Европы», которая так и не появилась на свет, и подготовило первомайский манифест РСИ<sup>1</sup>. Бессодержательность этого манифеста, подчеркнутая даже Ю. Браунта-лем, свидетельствует, насколько в стороне от магистрального пути борьбы народов против фашизма оказались тогда бессильные лидеры фактически уже не существовавшего РСИ. Сетуя на войну и ее тяжелые последствия, авторы манифеста даже не пытались разобраться в ее характере, раскрыть цели правящих кругов воюющих стран, не могли указать задачи рабочего класса, пути борьбы прогрессивных сил, дезориентировали массы.

РСИ распался окончательно и разразившиеся тогда катастрофические события в Западной Европе, историческая ответственность за которые падает и на социал-реформистов, заставили на время забыть о нем.

Таким образом, идейно-политическое банкротство социал-реформизма во второй половине 30-х годов выразилось в несостоятельности антифашистской и антивоенной политики социал-демократии, в неспособности РСИ объединить усилия социал-демократических партий, выработать их общую линию, защищать интересы трудящихся, противодействовать наступлению фашизма и империалистической агрессии. Кроме того, господствовавший в РСИ социал-реформистский антикоммунизм, а также антисоветизм воспрепятствовали единству действий рабочих организаций и сплочению всех прогрессивных сил.

Углубившийся с 1934 г. кризис РСИ осенью 1938 г. привел к началу распада этой международной организации, полностью завершившегося весной 1940 г. Причиной распада РСИ являлся отход социал-реформистов от интернациональной солидарности, выразившийся в капитуляции части социал-демократов перед фашизмом, в ориентации другой части социал-демократов на буржуазию своих стран, в отказе от совместных действий с коммунистами. Оказалось невозможно наметить общую линию социал-демократии даже в разгар борьбы прогрессивных сил против фашизма. В распаде РСИ вполне выявилось идейно-политическое банкротство социал-реформизма.

---

<sup>1</sup> International Information, vol. XVII, № 2, 1940, 4. IV, p. 1.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение деятельности РСИ позволяет утверждать, что эта международная организация была объединением социал-реформистских партий, представлявших собой правое, оппортунистическое крыло международного рабочего движения. Идеология и политика РСИ являлась отражением идеологии и политики буржуазии в рабочем движении, но отличалась от буржуазного реформизма тем, что связывала реформы с перспективой замены капитализма социализмом, с перерастанием капитализма в социализм. Отказавшись от революционного преобразования мира, РСИ направил свои усилия на то, чтобы поддерживать в капиталистических странах процессы, благоприятствовавшие улучшению, и противодействовать тенденциям, ведущим к ухудшению положения трудящихся. Ориентация на развитие капитализма обусловила его идейно-политическую ограниченность, а переплетение и противоречивость таких процессов и тенденций стали причиной его непоследовательности и неустойчивости.

Значительное и длительное влияние социал-реформистов среди рабочих и других слоев трудящихся многих стран объяснялось не только влиянием буржуазной политики и идеологии, но и тем, что социал-реформисты выступали в защиту тех интересов пролетариата, которые не выходили за рамки капитализма. Трудящихся привлекала также утопическая перспектива постепенного и безболезненного перехода к социализму в будущем. Вместе с тем оппортунистическая линия РСИ выражала интересы рабочей аристократии и рабочей бюрократии, связанных с империализмом различных стран.

Осуждая капитализм, РСИ непосредственно выступал не против его основ, а лишь против разнообразных последствий его господства и разложения: усиления эксплуатации масс, кризиса, войн, наступления реакции, фашизма. Однако и эти выступления были ослаблены недооценкой глубоких корней таких явлений и ограничены рамками буржуазной законности, преимущественно парламентскими методами, зарокотом от насилия. Отставая от разви-

тия мирового революционного процесса, РСИ во многих отношениях тормозил и неправильно ориентировал рабочее движение.

Заявляя, будто они осуждают только специфические черты революции в России, руководители РСИ на деле выступали непосредственно против ее основ, принципов, отрицали ее социалистический характер. Вместе с тем они вели борьбу против Коминтерна и компартий, а многие из них, выступая с позиций антикоммунизма, отрицали даже их право на существование. В целом РСИ игнорировал международное значение Октябрьской революции и строительства социализма в СССР, в лучшем случае учитывая его как вспомогательный фактор движения за сохранение мира.

Несмотря на создание РСИ, социал-демократическое движение не смогло достичь единства. В оппортунизме отражались националистические тенденции буржуазии разных стран, и РСИ не удалось преодолеть вызванные этим расхождения и противоречия между социал-реформистами государств — победителей и побежденных, а также великих и малых стран. Характерные для социал-реформизма националистические настроения мешали единству социал-демократического движения многонациональных стран. Но наиболее серьезные разногласия и расколы в социал-демократии второй половины 20 и 30-х годов были вызваны столкновением в ней правых и левых тенденций.

Идейно-политический плюрализм в рамках социал-реформизма являлся характерной чертой РСИ. По мере осложнения и обострения проблем, с которыми сталкивался РСИ, он постепенно терял даже видимость единства. К концу 20-х и в начале 30-х годов в партиях РСИ активизировались левые социал-реформисты, выражавшие и защищавшие многие существенные интересы основной массы рабочих. Они стремились направить основной удар против фашизма, склонялись к сотрудничеству с коммунистами. Однако им не удалось преодолеть разобщенность и колебания. В 30-х годах между ними и правыми появился ряд умеренных групп, стремившихся соединить взгляды правых и левых, найти среднюю линию, ориентируясь на соотношение сил внутри РСИ.

Дифференциация, приведшая к расколу ряда партий и угрожавшая самому существованию РСИ, была следствием кризиса социал-реформизма. Идеология и

политика РСИ, разработанные в середине 20-х годов и приспособленные к стабилизации капитализма, в конце 20-х годов и тем более в 30-х годах обнаружили свою несостоятельность. Кризис социал-реформизма был вызван крушением стабилизации капитализма и наступлением фашизма. Он еще более обострился вследствие успехов социализма в СССР. Социал-реформисты пытались приспособить свою идеологию и политику к изменившимся условиям. Это стало важнейшим объектом борьбы между левой и правой тенденциями в социал-реформизме, которые пытались по-разному ответить на жизненные проблемы борьбы против последствий кризиса, против фашизма, против агрессии. РСИ был парализован их разногласиями и не смог указать трудящимся эффективных мер и реальной перспективы. Уже в середине 30-х годов началось его идейно-политическое банкротство, закончившееся распадом и полным крушением. Ответственность за это падает на возобладавшее в РСИ правое крыло.

К концу 30-х годов социал-реформизм потерпел идейно-политическое крушение. Оно выражалось в неспособности социал-реформистов сопротивляться фашизму и противодействовать агрессии, в их самоликвидации или приспособлении к фашизму и попустительству агрессии. Это означало отказ не только от социалистической перспективы, но и от защиты интересов трудящихся, даже не выходящих за рамки капитализма, от борьбы против фашизма и империалистической агрессии. Злобный антикоммунизм и антисоветизм правых воспрепятствовал единству действий рабочих организаций и сплочению прогрессивных сил, что было на руку фашистским агрессорам.

В истории РСИ можно различать четыре этапа. Первый — предыстория и создание РСИ как завершение процесса консолидации сил оппортунизма в международном рабочем движении после его исторического раскола оппортунистами, выступившими под флагом антикоммунизма. Второй этап представлял собой процесс разработки идеологии и политики социал-реформизма в расчете на сотрудничество рабочего класса с буржуазией в условиях стабилизации и дальнейшего «совершенствования» капитализма. Третий стал этапом кризиса социал-реформизма — перестройки его идеологии и политики применительно к углублению противоречий капитализма в годы

мирового экономического кризиса, наступления фашизма и усиления опасности войны. Четвертый этап деятельности РСИ — с 1934 г. характеризуется углублением его кризиса ввиду несостоятельности социал-реформистской стратегии и тактики борьбы против фашизма и войны, усиления националистических тенденций, банкротством идеологии и политики социал-реформизма в условиях острого противоборства прогрессивных сил и фашизма, что привело к начавшемуся осенью 1938 г. распаду РСИ, полностью завершившемуся весной 1940 г.

Социал-реформистская историография рассматривает РСИ как единственного преемника и продолжателя II Интернационала 1889—1914 гг. Однако его история свидетельствует, что он был преемником и продолжателем лишь оппортунистического направления, имевшегося во II Интернационале. Наследником революционного направления II Интернационала 1889—1914 гг. был Коминтерн, им является современное международное коммунистическое движение.

Социал-реформисты пытаются выдать путь РСИ за магистральный, основной путь развития международного рабочего движения второй половины 20-х — 30-х годов. Но изучение его истории показывает, что социал-реформизм привел его рабочие организации к поражению и капитуляции. Только Коминтерн смог найти и указать трудящимся верный путь борьбы против фашизма и империалистической агрессии. Лишь компартии устояли под ударами фашизма и стали центром сплочения всех антифашистских сил. Только руководимый коммунистами Советский Союз остановил фашистских агрессоров и сыграл решающую роль в их разгроме. Таким образом, не социал-реформизм, не РСИ, а Коминтерн, компартии указали магистральный путь развития международного рабочего движения. Это обусловило их превращение в дальнейшем в наиболее мощное направление международного рабочего движения и в самую влиятельную силу современности. Теперь это подтверждено достижениями созданного под руководством коммунистов во многих странах реального социализма, успехами социалистического содружества, ростом международного коммунистического движения, выступающего в авангарде всех прогрессивных сил.

Социал-реформистская историография пытается объяснить распад РСИ только наступлением фашизма, зату-

шевая тем самым его просчеты и идейно-политическое крушение. Однако изучение истории РСИ позволяет утверждать, что крушение РСИ — это результат прежде всего не внешних, а внутренних причин, органическое следствие несостоятельности социал-реформизма, не выдержавшего серьезных испытаний 30-х годов. Компартии, на которые фашисты, да и не только фашисты, обрушили более сильные удары, выдержали эти испытания, вышли из них с честью, так как руководствовались марксизмом-ленинизмом.

Идеологи современного Социалистического интернационала стремятся критически оценить отдельные промахи РСИ и его слабость. Однако их попытка свести дело к частностям несостоятельна. Не отдельные ошибки и слабости, а порочность идейно-политической основы РСИ явилась причиной его банкротства. Вместе с тем это было идейно-политическое банкротство социал-реформизма — оппортунистического направления в международном рабочем движении.

Критика социал-реформизма, в частности его исторических корней — деятельности РСИ, способствует укреплению позиций коммунистического движения. Вместе с тем она является условием вовлечения социал-демократов в совместную с коммунистами борьбу против империализма, преодоления антикоммунизма правых социал-реформистов, налаживания единства действий всех рабочих организаций. Уроки истории РСИ предостерегают об опасности социал-реформизма и позволяют яснее представить всю сложность борьбы, которую ведут компартии за сплочение рабочего класса и других прогрессивных сил на современном этапе.

Несмотря на различные препятствия, последовательная борьба КПСС и братских партий за единство действий всех рабочих организаций, а также эволюция социал-демократии в результате дальнейшего изменения соотношения сил в мире в пользу социализма в 70-х годах привели к диалогу между коммунистами и социал-демократами о совместной борьбе за разрядку и разоружение. Важным событием стала встреча в Москве 1 октября 1979 г. делегации Социнтерна с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение . . . . .	5
Глава I. Раскол международного рабочего движения оппортунистами и возникновение Рабочего социалистического интернационала . . . . .	8
Глава II. Рабочий социалистический интернационал в годы частичной стабилизации капитализма . . . . .	47
Глава III. Кризис РСИ в результате обострения классовой борьбы в 1929—1933 гг. . . . .	105
Глава IV. Идеино-политическое банкротство и распад РСИ . . . . .	166
Заключение . . . . .	202

**Игорь Михайлович Кривогуз**  
**РАБОЧИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ**  
**(1923—1940)**

Редактор В. Т. Цуканова  
Художник В. В. Гарбузов  
Художественный редактор Т. А. Коленкова  
Технический редактор Л. А. Муравьева  
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 1608

Изд. № Ист.-226. Сдано в набор 14.05.79. Подп. в печать 29.10.79. А-14625.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.  
Объем 10,92 усл. печ. л. 11,24. уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Зак. № 901.  
Цена 45 коп.

Издательство «Высшая школа»,  
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном  
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.  
Москва, 103051. Цветной бульвар, 26.

45 коп.

